

КОНТРОЛЬ
ЭНЦИКЛОПЕДИИ
საქართველოს
ენციკლოპედია

ლიტერატურა

ტრუზია

3

1976

Литературная Грузия

Ежемесячный
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал

Орган Союза писателей Грузии

3

март

19 Издательство 76
ЦК КП Грузии

«ლიტერატურული გრუზია»

(რუსულ ენაზე)

ქველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

წელიწადი მე-20

№ 3

მარტი, 1976 წ.

საქართველოს საბჭოთა-მწერლების კავშირის ორგანო

Главный редактор
Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная
коллегия:

Тенгиз БУАЧИДЗЕ,
Гиви ЖВАНИЯ,
Марк ЗЛАТКИН,
Исидор КОЗАЕВ,
Георгий ЛОМИДЗЕ,
Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,
Владимир МАЧАВАРИАНИ,
Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,
Гурам ХАРАИДЗЕ
(заместитель главного редактора),
Владимир ХОМУТОВ
(ответственный секретарь),
Эммануил ФЕЙГИН.

Год издания

20-й

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

380008, ТБИЛИСИ, ул. ЛЕНИНА, 5.

Приемная — 99-06-59

Главный редактор — 93-65-15

Заместитель главного редактора —
93-13-57

Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ:

Отдел прозы и очерка
(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) —
93-31-43

Отдел поэзии и искусства
(редактор ЗИНИНА В. Б.) — 93-31-43

Отдел критики и публицистики
(редактор ДОБРОДЕЕВА Л. Т.) —
93-65-19

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Содержание

ПЕРЕДОВАЯ

ПРОГРАММА ТРУДА И БОРЬБЫ, ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ	5
---	---

ПОЭЗИЯ

ГЕОРГИИ ШАТБЕРАШВИЛИ. Небу Грузии. Цикл стихотворений: Два весенних этюда (Земля для цветов. Самоварная земля). Небу Грузии. Скитаться по полям. Ртвели. Грузия. Жизнь после смерти. На могиле предков. В долине Картли. Арсен-разбойник. Перевод Юрия Окунева	7
--	---

ПРОЗА

АРЧИЛ СУЛАКАУРИ. Лука. Повесть. Продолжение. Перевод Анаиды Беставашвили	14
ТАМАЗ ЧИЛАДЗЕ. Бассейн. Роман. Продолжение. Перевод Анаиды Беставашвили	39
ГЕОРГИИ НАТРОШВИЛИ. Я, одиннадцатый... Горянка. Миниатюры. Страна волшебников. Сказка-быль. Перевод Камиллы Коринтели	65

ОЧЕРК

ШАЛВА АМИСУЛАШВИЛИ. Потийская «Комета»	70
--	----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ГРИГОЛ КЕРЕСЕЛИДЗЕ. «Поэзия — живу ей и дышу». Штрихи к творческому портрету Ивана Тарба	73
ГУРАМ БАТИАШВИЛИ. Блеск мгновения	78

ПУБЛИЦИСТИКА

ИГОРЬ ЛЕЙБЕРОВ. «Ясочка» — почтовый ящик ре-
волюции 83

НАУКА

ГРАЖДАНИНОМ БЫТЬ ОБЯЗАН! Диалог академиков
А. И. Опарина и С. В. Дурмишидзе 88

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПИСАТЕЛЬ, БОЛЬШОЙ ДРУГ ГРУ-
ЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. (К 60-летию Константи-
на Симонова) 91

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

ВСЕ БОГАТСТВО ЛИТЕРАТУРЫ — НАШЕМУ ЧИТА-
ТЕЛЮ. Рассказывает главный редактор издательст-
ва «Сабчота Сакартвело» Алио Адамиа 95

ПРОГРАММА ТРУДА И БОРЬБЫ, ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ

БЫСТРО МЕЛЬКАЮТ календарные листки: волнующие и по яркости впечатлений поистине неповторимые дни работы XXV съезда КПСС постепенно отходят в глубины времени, делаются достоянием истории. Но неизменно живыми и непреходяще-актуальными останутся эпохальные решения великого форума ленинской партии!

Документом подлинно программного значения стал горячо одобренный советскими людьми и всем прогрессивным человечеством Отчетный доклад ЦК КПСС, с которым на съезде выступил Генеральный секретарь Центрального Комитета нашей партии Леонид Ильич Брежнев. Доклад этот наглядно продемонстрировал нерасторжимое единство революционной теории и революционного действия, внес богатый вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма.

Отчетный доклад дал научно обоснованный, тщательно выверенный, глубокий анализ внутренних и международных проблем, раскрыл закономерности деятельности КПСС в условиях развитого социализма, наметил перспективы продвижения советского общества по пути коммунистического созидания.

Принятые на форуме ленинской партии дерзновенные планы и документы, целое новое трудовое пятилетие, будут путеводными для КПСС, для всего советского народа! Чтобы сделать новый крупный шаг в создании материально-технической базы коммунизма, еще выше поднять уровень жизни советских людей, еще надежнее обеспечить безопасность социалистического государства, нашему народу предстоит взять большие высоты. Продукция промышленности должна возрасти к 1980 году на 197 млрд. рублей. Национальный доход к этому времени планируется довести до 457,5 млрд. рублей. Это ли не грандиозные цифры! За ними видится небывалый расцвет социалистического Отечества.

Во всей нашей стране началось глубокое изучение исторических предначертаний XXV съезда КПСС, их непосредственная и активнейшая реализация. Ведь тем и сильна наша партия, что во все времена по слову ее советские люди беззаветно поднимались на труд и подвиг. Так было и в светозарные дни Октября, и на марше первых пятилеток, и в огневую годину Великой Отечественной, и во все послевоенные годы.

Сегодня по зову партии, по генеральным чертежам ее испытанного руководства, на точном маршруте, начертанном документами XXV съезда КПСС, советские люди поднимают Молот и Серп, направляют весь свой богатый опыт, энтузиазм и мастерство, чтобы наилучшим образом и с должным ускорением выполнить все дела, намеченные великим форумом коммунистов. В этом единомудрым трудовым патристическом порыве сплавлены воедино искренняя любовь и горячая верность народа партии коммунистов.

«Советские люди знают: там, где партия, — там успех, там победа! — сказал с трибуны съезда Леонид Ильич Брежнев. — Народ доверяет партии. Он всецело поддерживает ее внутреннюю и внешнюю политику. И это удесятряет силы партии, является для нее источником неисчерпаемой энергии».

Трудящиеся Советской Грузии, как и весь наш народ, с горячим воодушевлением восприняли исторические решения XXV съезда родной ленинской партии. Они выражают ей идущую из глубин народного сердца благодарность за неутомимую заботу о процветании нашей социалистической державы, об укреплении мира и счастья простых людей.

Об этом ярко и волнующе сказал в своей речи на XXV съезде нашей партии первый секретарь ЦК КП Грузии товарищ Э. А. Шеварднадзе. С трибуны партийного форума он рассказал, какую поистине богатейшую работу проводят сегодня коммунисты Грузии, чтобы воплотить намеченное нашей партией в явь, чтобы поднять на подлинную высоту общественно-политическую, хозяйственную и культурную жизнь республики, привести в точное соответствие с волей ее партийной организации все большие и неотложные дела, решаемые сегодня. Товарищ Э. А. Шеварднадзе от имени всего нашего народа рапортовал XXV съезду КПСС, что грузинская девятая пятилетка, несмотря на имевшиеся большие трудности, с честью выполнена, что республика наша третий год подряд удастается переходящего Красного знамени ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Изучение и глубокое осмысление документов и материалов только что закончившегося форума советских коммунистов, буквально каждого их положения — первостепенный долг всего нашего народа. Ведь, как говорится, «и академик, и герой, и мореплаватель, и плотник», все, все советские люди, какого рода деятельностью они бы ни занимались и на каком участке коммунистического строительства ни трудились, найдут в них для себя подлинную программу действий. Незыблемыми наказами прозвучали они и для мастеров советской культуры, в частности, для тех, кто работает на вечно зеленеющей и плодоносящей ниве советской литературы.

Какими глубокими и подробно разработанными явились указания партии советским литераторам, выраженные в Отчетном докладе ЦК КПСС! Леонид Ильич Брежнев с особым чувством говорил о перспективах нашей литературы и искусства. Он подчеркнул, что положительный и животворный процесс активизации творческой советской интеллигенции создал новые произведения социалистического реализма, в которых нашло глубокий отклик то основное, существенное, чем живет наша страна, ставшее частью личных судеб ее людей. Генеральный секретарь ЦК нашей партии говорил о возросшем идейно-художественном уровне книг, рожденных мастерами слова: от тех, которые разрабатывают производственную тему, и до запечатлевших героические свершения лучших сынов и дочерей Отчизны на полях битв Великой Отечественной войны. Темы морали, нравственных поисков, темы борьбы за мир, за освобождение народов по-прежнему остаются первостепенно важными для наших литераторов.

Задача литературы и искусства, — говорит партия, — воспитывать советских патриотов, интернационалистов. Идейная направленность, как и раньше, остается главным критерием значимости каждого произведения литературы.

Национальным достоянием назвал Леонид Ильич Брежнев каждое талантливое произведение литературы. Как точно и образно сказано! И нет никакого сомнения, что писатели Советской Грузии хорошо потрутся, чтобы как можно больше таких книг — подлинных национальных достояний, сияющих всеми переливами родного многоцветного грузинского слова, глубиной заключенной в них мысли и значимостью затронутых тем, достойных нашей истории, нашего настоящего и будущего, — украсило литературу нашей прекрасной республики. Решения XXV съезда — могучий творческий заряд. Они непременно переелявятся в произведения, достойные нашей партии и нашего народа.

**ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЛЕНИНСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА!**

ДА ВОПЛОТЯТСЯ В КОНКРЕТНЫЕ ДЕЛА РЕШЕНИЯ ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОГО XXV СЪЕЗДА, ЯВЛЯЮЩИЕСЯ ПОДЛИННОЙ ПРОГРАММОЙ ТРУДА И БОРЬБЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА, ИСТОЧНИКОМ ЕГО ВДОХНОВЕНИЯ!

ИМЯ ГЕОРГИЯ ШАТБЕРАШВИЛИ — замечательного грузинского советского поэта, драматурга, прозаика — хорошо известно читателям. Талантливый писатель, глубокий, вдумчивый, невероятно требовательный к себе мастер художественного слова, он создал произведения, насыщенные подлинно жизненными ситуациями и образами, произведения драматичные, многоплановые и, главное, — исполненные веры в неиссякаемые жизненные силы родного народа. К какому бы жанру ни относились творения Георгия Шатберашвили, какое бы время или эпоху они ни отражали, в них всегда исследуется и утверждается эта жизненная сила. Должно быть, именно эта черта привлекла внимание к творчеству Г. Шатберашвили читателей нашей многонациональной страны.

Мы предлагаем вниманию читателей подборку стихотворений поэта, большая часть которых впервые публикуется на русском языке.

Георгий ШАТБЕРАШВИЛИ

НЕБУ ГРУЗИИ

ДВА ВЕСЕННИХ ЭТЮДА

ЗЕМЛЯ ДЛЯ ЦВЕТОВ

На земле для цветов, на земле для цветов
Звонкость гроз: то весенние трели.
Первый выход фиалки. И робость шагов.
Перед нею проспект Руставели.

Тут земля для цветов, чтобы все расцвело,
Чтоб цветами мы все окружили...
Здесь земля с Окроканы и Самадло,
Принесенная в старом хурджине.

Это ирежде бывало...
На нашем окне
Ряд горшков в раннем, утреннем свете.
Май. Земля для цветов. Это радостно мне.
Приносил ее старец из Цхнети.

Там, у матери в комнате, вижу горшки,
Видно, куплены на «дезертирке».
Не студили прохладные ветерки
Цвет герани задиристо пылкий.

Помню в комнате мамы с цветами горшки,
На окне почти с улицей вровень...
Как еще нераскрытые лепестки
Стих мой полон был тайны и нови.

Я тогда на Арагвинской улице жил.
Хоть Арагву не видел, вот странно?!
Все ж мне голову замысел дерзкий кружил
Одолеть даже ширь океана...

Моя мама заботливо каждой весной
Нежно землю цветам обновляла.
И когда они вспыхнули вдруг новизной,
Как завидно стихам моим стало!

Жаждал стих ароматов цветочной земли
Самадлойской и окроканской.
И строке они свежесть такую несли,
Что стихи изумляли окраской.

Ненасытная жажда — поэзии зов,
Вечный голод: — Дай новые соки!
Глубину пьют весенние корни стихов.
Потому-то и взлет их высокий!

На орнамент взгляни, ох и строки
взошли!
Радуг движется целое войско.
Вот что значат для творчества соки
земли
Окроканской и самадлойской!

САМОВАРНАЯ ЗЕМЛЯ

Самоварная земля!
Самоварная земля!..
Моя мать самовар начищала,
Засверкать, стать зеркальным ему
повеля.
А потом она тихо внимала
Его пенью, в буфете посудой звеня.
Он же фыркал, смеялся над нами,
Наши брови затейливо удлинняя,

И, раскосо сияя глазами,
«Китайчата» посмеивались над собой.
Чай глотали, клубящийся паром..
Окроканской и самадлойской землей
Ведь не чистят теперь самовары.

Самоварная земля!
Самоварная земля!..
Вновь тот крик под окном
раздается..
Сны далекого детства расшевели,
Грустью в сердце моем отзовется!..

Самоварная земля и земля для цветов.
Снова гроз предвесенние трели.
Снова первой фиалки вся робость
шагов.
И Весна. И проспект Руставели.

НЕБУ ГРУЗИИ

Небо Грузии! Как же мне взор
отвести?
Дрожь по телу, от молнии не спасти.

Онемел, от него взгляд на миг лишь
отвел..
Для ярма его кто я?.. Я — преданный
вол.

Я как искра камина его невесом,
Нет, я ласточка с перебитым крылом.

Наше небо и Грузии нашей земля,
Что без вас я?.. Грозою испепела,

Непогода меня может сдунуть, стереть.
Мне без неба отрадной становится
смерть.

Ради Грузии мне испытанье дано:
Приходилось испить мне и яд и вино.

Опьяняло вино, яд тревожил мне
кровь,
Сердце жаждало вновь той отравы и
вновь.

И какой бы в горах ни грозил мне
обвал,
Песню жизни своей я всегда напевал.

Небо Грузии! Как же мне взор отвести?
Без него в теле дрожь и уже не спасти.

Небо. Жизни цинковка внизу. Всю
проггло:
Кровь из ран. Тех, что принял я ради
него.

Мы отчизну лелеем, как мать. Но,
светя,
Она, братья, подумайте,—наше дитя.

Близок нам, как отцам, ее день, ее час,
Ее беды, как тень, что ложится на нас.

Помогаем ей сделать в грядущее шаг.
Наша Грузия — детище наше. Ведь
так?..

Все в свой срок умираем. Бессмертна
она.
Ее вечная жизнь—в дар мечте суждена.

К нам на смену потомки, как солнца
восход.
Небо Грузии плачет: уйти наш черед.

Нет, ему не оплакивать, а отбирать —
Кто герой, а кто трус. Жизнь — ты
вечная рать.

Небо Грузии искренне жизнь нам
сулит,
Но и помнить о часе последнем велит.

Колыбель освещая — начало начал,
Бросит луч вдруг на дальний,
последний причал.

Затуманит слезой, чтоб не сразу смогли
Крышку гроба узреть, горсть
священной земли.

Вверх взгляни: будто в колокол бьет
вековой
Небо вечности над грузинской землей-

СКИТАТЬСЯ ПО ПОЛЯМ

Свет для сердца — поля краски.
Что мне хмурь всех гор отвесных?!
С высоты земли мухранской
Устремлюсь к началу песни.

Ширь полей...
Душа в раздолье
И гимну поклон отвесит.
Солнце вышло — мне привольно.
Рад и ночи — выплыл месяц.

Пусть вскипит и ввысь взметнется
Ключ, что скрыт столетним дубом.
Пусть бессмертие коснется
Чашей,
освежит мне губы.

Я люблю дуба тенью:
Кто же это ловкий, юркий
Тени той хитросплетеньем
Выкроил здесь контур бурки?

А на дубе голубь белый,
Белый он, а может, сизый?..
Может, горной, снежной, смелой
Чистотой вершин пронизан?..

Голубь, — верить ли такому,
Слыша родника рулады, —
На плече моем как дома.
Что еще мне в жизни надо?..

Вечер. Вдоль полей мухранских
Тени, словно щит от зноя.
Все здесь в мирном постоянстве —
Все мое, а не чужое!

Все мое неисчислимо,
Необъятно, необычно:
Неисхоженность долины,
Небо, новь полей пшеничных.

Потому не наглядеться,
От полей не отстраниться.
С высоты мухранской сердце
К бесконечности стремится!

РТВЕЛИ

Забрезжило.
Рассветная роса
Рассыпалась.
Созвездья блекнут.
Таящим мерцаньем
Луна им вторит...
Полусонный голос
Зовет кого-то...
Вот зажгли лучину...
Ночь сновидений отступает прочь.

Со скрипом растворяемая дверь
Зовет другую: — Эй, дорогу утру!
Откройся!.. —
И рассветом притворится
Простая, немудреная коптилка.

И в этот миг одновременно выйдут
Из дома семьи. Их не пять, не восемь,
А сразу сорок. И одновременно
Все сорок появляются семейств.
Гортанный, непрерывный, громкий
говор.

И труд как праздник. Тут начало
ртвели.
Движенья рук грузина колдовские.
Грузин собою красит виноградник.

Собрались старцы у ворот марани,
Встречают арбы, тихо напевая.
И новый урожай уже потомка
В марани одарит вином старейшим.
И соки виноградников, как реки,
Впадают в вечный океан марани.

Еще заметен холодок...
Но парни
Нетерпеливо сапоги снимают.
И вот уж вдалеке все шире, громче
Поют.
Вот, нарастая, раскаляясь,
Бьет в потолок взрывная сила песни.

То «Мравалжамьер» ликование.
Пока еще преобладает песня,
Давильня до поры еще безмолвна.
Немыми постояльцами на полках
Стоят здесь глиняные кашануры.
Рядком стоят, как бы в одной шеренге.
И пиалы насажены так ловко
Одна к одной. И ритм чередованья
Напоминает нам строфу маджама.

Здесь торжествует зримая краса.
В марани, в винограднике, в давилльне,
Здесь странствуют давилльщики
шатаясь.

А что?..
Нет ничего хмельнее счастья!

ГРУЗИЯ

Ты виноградник бессмертия,
Грузия, жизнь нам дающая.
О, как крушили с усердием,
Все ж ты осталась цветущей.

Жаждали предки-мечтатели
Видеть тебя лишь в цветении,
Но огласят наши матери,
Будто над скорбными тенями,

Так колыбель причитаньями,
 Что слезы кровью покажутся,
 Сын, осененный страданием,
 В бой идти смертный отважится.

Грузия-мать! Ты невиданной
 Щедрости... Что же дороже нам?
 Ты ведь взрастила Давида нам,
 На Горгасала похожего.

Грузия! Мудрость взрастила ты
 В нашей Тамар.

Ей торжественно
 Вардзию в руки вручила ты.

Мать матерей она.
 Женственный,
 Нежный над колыбелями
 Голос.

Отчизна любимая,
 Неувядаемой велено
 Быть тебе, непобедимая!

Древней лозой виноградную
 Все ты цветешь нестареюще.
 Сок молодой, ненаглядная,
 Корни накопят тебе еще!

Духом столетья восприняли...
 Но и такое же было ведь:
 Варваров орды нагрянули,
 Чтоб на корню тебя вырубить,

Чтобы с Дарьялом плененным стал
 Терек кипящий, бушующий.
 Несокрушимо векам предстал
 Кавкасион ликующий.

Враг истреблял тебя, родина,
 Но не срубить виноградника.
 Славить в грузинском народе нам
 Неувядаемость праздника!

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Наша мать — начало и поэзии
 и жизни.

И отец тому преддверье и исток,
 Что один, как карлик, полон укоризны,
 А другой из нас и строен и высок,

Как чинара.

Одному на век дарован
 Речи пыл. Другому — немота.
 Но поем под солнечным мы кровом
 Все с тех пор, как некая черта

Пройдена.

Впервые тихо, строго
 Было слово произнесено.
 Увлекла нас вечности дорога,
 Где и год — мгновение одно.

Было откровеньем слово нашей песни,
 Самым сокровенным чувством — сердца
 звук.

Робко пели, возмечтав: — О, если б
 Чистой благодатью стала вдруг

Та стезя, что нас ведет к последней
 грани!

Жизни жребий был тогда б не пуст.
 Сколько седины засеребрилось,

заяграло,
 Столько б золога слетело с наших уст!

Чтоб себя мы в жертву принесли без
 страха

Той мечте, где лишь в бессмертье
 нашем суть,

На величье наших дней с таким
 размахом

Мы б смогли по-новому взглянуть,

Чтоб язык наш стал вовек
 благословенным,

Старость не пугала б и с тех пор
 В первый раз достойно, дерзновенно

Мы могли б начать с грядущим
 разговор.

Мать, отец, вы и стиху жизнь дали.

Кто ж уйдет бессмертьем озарен

После смерти в жизненные дали

В образе избранника времен?

С кем союз судьбы осуществится?

Вечность не простится с ним одним...

Мы тому завидуем счастью,

Над которым лучезарный нимб.

Мы не вечны. Но не уживется

В нас покой. Ведь наша песня — наша
 кровь.

Ей, бессмертной, ты не прекословь!

Будем петь под всемогущим солнцем!

НА МОГИЛЕ ПРЕДКОВ

*«... возвращаюсь с победою.
 Прокричите об этом предкам
 в могилу...»*

Из письма моего брата.

Вечная слава, честь!..

С криками шли мы к погосту,

с радостью громкою.

Предкам мы дали весть,

Им прокричали в могилу:

— Гордитесь потомками!

Слушайте, старцы,

Знайте, к любимой отчизне

явилось величие...

Можем ручаться:

Предки не будут напуганы

гордыми кличами.

036340
2010033

Кто в отдалении?
Гляньте, чьи тени ликуют над вами,
чьи это крики?...

Встав на колени,
Снимем мы с предков
тяжелую ношу доспехов великих.

В дом воротился
доблестный муж-победитель,
вашими вскормлен корнями.

Вечно гордился,
вечно и всюду,
Славою вашей гордился
и вами.

После ухода
Вашего
Он в колыбели был тихим, поверьте,
В ранние годы
жизни законов не ведал
и азбуки смерти.

Ваше бесстрашие,
Когти упорства,
вот что в наследство досталось.
Ласкам домашним
Он предпочел поле боя
и ваши и дерзость и ярость.

Светом отчизны
Он осенен и спасен
в поединке жестоком.
Зрелые брызнут
Гроздь
земным, обновляющим соком.

Вы тосковали,
Жаждали нас вы узреть,
поднимитесь, взгляните.
Видно, взалкали?..
Кубок пригубьте смелее
и пищу примите.

Трапезу эту
Соком украсим,
что в старом добыт Вазияни.
Что за примета?
Или, о, старцы,
вещее то предсказанье?

Зашевелились
Те газыри,
что на ваших черкесках.
Все озарилось
Вкруг вашей трапезы
солнечным блеском.

Пусть на погосте
сон наших предков
и не прервется,
Прадедов кости
Обогревает
памяти солнце.

То не избежешь:
Слово замкнув
ледяными устами,
В час наш последний,
руки скрестив,
лечь и нам рядом с вами.

Вам, незабвенным,
Праздновать с нами,
с нами гордиться.
Прах ваш священный
кличем победы
не оскорбится!

В ДОЛИНЕ КАРТЛИ

Ногой ступил на голые поля.
Передо мной как на ладони
Картли.
Хочу, чтоб радость поселилась
в сердце,
Чтоб принесли глаза мне солнце
в дар.

Восточный ветер вновь доносит звуки.
Веселье криков слышу, чьи-то зовы.
Туман светлеет. Нет оттенков крови.
На всем сиянья утреннего власть.

Приветствую тебя, долина Картли,
Всю мощь твою, созвучья шелестений.
И даже солнцу поручить дерзаю
Тебе вручить
мой собственный привет!

Где бурями овеванный
когда-то
Стоял столетний дуб неколебимо,
Усадьба там князей Амилахвари
Вдали виднелась.
Там теперь иное:
Там вместо тени, осенявшей дали,
Труб заводских качаются дымы.

О, ветхий дуб,
Глухой, давно прогнивший,
Когда-то в твоём сердце трепетали,
Сверкали звуки старого чонгури.
Там чианури топором расколот.
Там ветер проясняет ржавь небес.

Но вот туман там снова не спеша
Подкрался,
заволакивает небо.
Оно сначала только синим цветом
Колелбется,
потом и пыль и ветер
Швыряют космы вспугнутого дыма,
Темнят и затуманивают даль.

Как будто бы ашуг стихами звонко
Звучит неугомонная Кура.

Вздыхает, хмурится,
но и смеется
Неистово, задорно и ретиво.

О, месяц,
Светлый луч твой отломил,
Но над долиной Картли продолжаешь,
Ты словно тари и звучать и мчаться.

И как же вспомнить стих мне об
Арсене:
Ведь ивы над Курой почти рыдали,
Едва услышав утром зов Арсена,
Что доносился к ним из Триалети.

Теперь же здесь качается луна,
Изогнутая серебристой бровью.
Откуда-то вдруг песня долетит.
Вот тихий шелест строчки об Арсене,
Как будто в зарослях едва заметно,
Почти неслышно ива шевельнулась.

И у костра пастух — парень из Каспи —
На лад грузинский плакать заставляет
Свою свирель.

Там, где бродил юнец
такой же,
которого Арсеном звали,
Где стлалось перед ним долин
раздолье, —
Индустрия теперь заговорила
Про клад, что был не найден
Кучатнели.

Лучи луны поблекшей, заходящей
Сошлись к земле,
заколыхались тени
На сумрачных холмах.
Но нет печали.
Нет у крестьян печали безысходной.

Мечтал Арсен:
«Мои семьсот туманов
Лежат все под одной скалою
в Каспи.
Отдайте беднякам и неимущим,
Раздайте, может быть,
и пригодятся...»,
Сбылись, Арсен, сбылись твои мечты!..

Иду. А дым так стелется вокруг,
Как будто бы Арсен коня торопит,
Как будто бы напал он на ушелье,
На то, где тени косо разлеглись.

Кура грызет края у серых скал.
Холмы изрыты. Люди руют, ищут
Руду.
Цементными плечами
Поднялся Каспи.
Времена настали
Уверенности прочной, как цемент.
Руда в движеньи. Вверх и вниз —
руда.

Взвилась канатная дорога в небо.
И стих готов мой к действию. Готов
Воспламенить героев пятилетки.

Вы парни смелых, штурмовых годов,
Вы дерзкие грузинские герои,
Так дайте же стране цемент
картлийский,
Чтоб все, что создают десницы ваши,
Рождало б только радость в нашем
сердце!

Я в вашем лесе—ветка, только ветка,
Всего одна лишь веточка. И все же
Стремлюсь навстречу огненным и
светлым
Счастливым будням — праздникам
труда.

Я вас стихом приветствую и славлю
И шлю признание: я ваш стебелек,
Я к вам спешу, зову: — Вперед
стремитесь,
Пусть мир услышит ваши голоса,
Шагайте смело, широко и громко,
Шагайте в завтра по полям
картлийским,
Пусть говор ваш и голос вашей
стройки
На вольных и широких крыльях
ветра
В туманный Триалети долетит.

АРСЕН-РАЗБОЙНИК

Нет на горных отрогах чадры.
Всем видна Хариствала.
Грань рассвета и ночи.
И звезд океан еще ярко.
Триалетское небо окрашено цветом
фиалки-
череки тумана.
Пастушок, сидя в хлеве, наигрывает
на чонгури.
Ты, Арсен, в белой чохе своей
возлежишь на боку, размышляешь...

Вдруг пастух говорит:
— На, Арсен, пей из этого турьего
рога!.. —
Тишина в темном хлеве, покой.
Пастухи молчаливы.
Тот же голос:
— Я рад тебе, гостю, сбежавшему
с гор Триалетских.
Пей за гибель Мухранских, господ
ненавистных,
Пей за то, что ты в горы сбежал
от поганого князя,
Подними этот рог, чтобы в горы
пришли переменья.

За победу крестьян, ожидаемую
веками!..

Пей, Арсен, проклиная Заала
Бараташвили!..

Поднимается он — называемый
всеми Арсеном.
Архалук на нем белый. Под ногами
разостлана бурка.

А в руках его рог, что дается
почетному гостю.

Все молчит: люди, хижина, двор, все
на грани рассвета и ночи.

Только ржет во дворе синий конь,
раздувающий ноздри.

В час предутренний, ранний горы
изморозью покрыты.

Ты, Арсен, удалец триалетский,
закутавшись в бурку,

Вдаль умчишься, вскочив на коня
на рассвете,

А пока восседаешь, склоняя к
рыданиям чонгури,

Да и наши сердца подчиняешь печали
и грусти.

Друг Арсен, брось его, этот скорбный
чонгури!

Встаньте все!
Предводитель ваш гордо зовется
Арсеном!

Встаньте все!
Нет, орлам не бывать угнетенными,
встаньте!

Вы вольны, как орлы!
Кто пойдет из вас вслед за Арсеном?

Чтоб в долинах разбойничать вместе
с Арсеном?..

Жить, как он?
Он в погожие дни и в ненастье

То исчезнет, то вновь на виду,
непогод не страшится.

Поспешите за мной, за Одзелашвили,
герои,

Не пора ли кинжалы, покрытые
ржавчиной, вырвать из ножен?..

Пей, Арсен! Турий рог передай
виночерпию. Слушай молчанье —

Слышишь: здравицу в честь тебя
пастухи произносят!..

Рассветает. Взгляни, звезды медленно
в небе бледнеют и гаснут.

По росистой траве бродит конь,
тихим ржаньем тебя вызывая.

Рассветает, пора! Синий конь твой,
он весь — нетерпенье!

Он встает на дыбы,
Он чужого к себе не подпустит!..

Ты, вскочив на него, взяв поводья,
улыбаешься, медлишь!..

Конь твой бьет в нетерпенье копытом,
срывается с места.

Мчись, Арсен! Сквозь туманы,
нависшие над лугами.

— Заезжай
к нам почаще!.. —
вдогон тебе эхом несется.

— Приезжай в Триалети!..
Твое появление
как праздник!

О тебе моя дума, пастух,
о тебе вспоминаю:

Вижу чоху твою, твой башлык,
ты всегда предо мною!..

Я вкусил и хлеб-соль, и вино,
я узнал твою щедрость!..

Вот что вижу я: солнце восхода,
степную дорогу,
Реет белая чоха на ней!.. то видение
вечно:

Мчится всадник!
Арсен!.. Наш Арсен!.. —
восклицают деревья.

Наш Арсен! — слышу я шелестенье
колосьев.

Друг Арсен! — окликают поля
кукурузные.

Слышишь?
Поднимись же быстрее, смелее ты
на Триалети

И окинь взором Грузию — гордую
землю бессмертья!

Перевод Юрия ОКУНЕВА

Лука

П о в е с т ь

Котико ушел на фронт через несколько месяцев после начала войны, а отец и мать Луки с первого же дня были там, первый удар, первый ураган приняли они на себя. Лука снова побледнел так же, как в школе, и на лбу у него снова выступил холодный пот, закружилась голова, и к горлу подступила противная тошнота.

— Уже пришли! — сказал Андукапар, Лука слышал слова Андукапара, но не вникал в их смысл. Сейчас ему было все равно, кто пришел и зачем. У него кружилась голова, и сознание было окутано мутным туманом... Лука хотел ясно и четко увидеть что-то неопределенное, безликое и бесформенное, но не мог, потому что сам не знал, что хотел увидеть.

— Осматривают подвал Рубена, — сказал Андукапар. — Видно, Бершвили не любит откладывать дело в долгий ящик.

Лука незаметно скрылся, как будто убежал от кого-то, и на цыпочках подкрался к галерее, которая оказалась запертой. Он пошарил рукой по столу, нащупал ключ, потом сунул руку под клеенку и достал его.

— Лука! — раздался голос Андукапара. — Лука, иди сюда!

— В чем дело?

— Твоя подруга идет.

Лука кинулся к перилам и выглянул во двор. По лестнице первого этажа поднималась Маико. Лука повернулся и стал дожидаться Маико у начала лестницы. Маико, пробежав один лестничный марш, задрала голову и, увидев Луку, улыбнулась. Лука только сейчас заметил, что Маико несла портфель, и невольно взглянул на столик, приставленный к галерее.

— Ты мой портфель унес! — крикнула Маико с середины лестницы.

— Я только сейчас заметил, — ответил Лука, — когда тебя увидел.

Завидев Маико, поднимающуюся по лестнице, Лука почему-то подумал, что придет в раздражение, даже приготовился к этому: насупился и нахмурил брови. Но, подойдя к лестнице, обнаружил, что вовсе не раздражен, напротив,

Продолжение. Начало в №№ 1, 2.

он испытывал, вопреки ожиданию, блаженное спокойствие. Это отражалось в на его лице. Он не мог сдержать улыбки. Тем временем поднялась и Майко. Видно, все расстояние от своего дома она пробежала бегом и запыхалась.

— Как же ты перепутал, Лука? — проговорила она переводя дыхание.

— Не знаю, перепутал и все, — Лука виновато улыбнулся.

Майко заметила Андучапару и вежливо поздоровалась:

— Здравствуйте, батано Андучапар!

— Здравствуй, Майко!.. Вы что, портфели перепутали?

— Лука перепутал, батано Андучапар.

— Как же я мог перепутать! Ведь мой черный, а твой коричневый.

Лука взял у Майко черный портфель и отдал ей коричневый.

— Я пойду, — сказала Майко.

— Зря ты бежала. Я бы в конце концов сам заметил и принес.

— Ты бы это очень не скоро заметил, дорогой Лука, — съязвил Андучапар.

— До свиданья, батано Андучапар!

— До свиданья, Майко!

Майко спустилась по лестнице, Лука проводил ее, и оба оказались во дворе. Коротышка Рубен, Датику Беривили и какой-то толстяк стояли у зеленой голубятни. Иза сидела под липой, печальная и задумчивая.

— Боже, какая красавица, кто это? — спросила Майко, как только они вышли со двора.

Лука объяснил.

— Я никогда не видела такой красавицы! — не могла скрыть восторга и удивления Майко.

— Неужели она такая красивая?

— Как будто ты сам не знаешь!

— Откуда мне знать, я ее толком и не видел. — Лука вспомнил, как все воскресенье он дожидался появления незнакомки, из-за нее не пошел с тетушкой на кладбище. А теперь почему-то потерял к ней всякий интерес, прошел мимо, даже не разглядев хорошенько сидящую в одиночестве девушку.

— Ты, случайно, не открывал мой портфель? — нетерпеливо спросила

Майко.

— Нет. А что такое?

— Ничего.

— Зачем бы я стал лезть в твой портфель, чего я там не видел!

— Не обижайся, я просто так спросила.

На улицу, продолжая разговаривать, вышли толстяк и Датику Беривили. Толстяк остановил фэзтон, сел и поехал, Беривили вернулся во двор.

— Ладно, я пошла, — сказала Майко.

— Хочешь пойдешь к тебе?

— Нет. Если бы ты хотел у меня остаться, мне бы не пришлось сюда бежать.

— Не знаю... Ты же сама сказала «уходи»... Впрочем, сейчас я все равно не смогу пойти, ключи от квартиры у меня.

— До свиданья.

— До свиданья. Завтра придешь в школу?

— Конечно.

Лука прекрасно знал, что Майко завтра непременно придет в школу, и спросил только затем, чтобы хоть ненадолго задержать ее. Но Майко повернулась и пошла. Она шла быстрыми маленькими шажками, чуть склоняясь вправо из-за тяжести портфеля.

Дядя Григол, старый чувячник, вынес табурет на улицу и сидел перед своей хибаркой, перебирая янтарные четки. Майко промчалась мимо него и, не оглядываясь, продолжала свой путь. Лука удивился, что старик не проводил ее взглядом. Он ведь для того и сидел, чтобы за всеми наблюдать. А вот Майко он упустил из виду, не заметил. Склонившись вперед, старик обоими локтями упирался в колени, смотрел на каменные плиты и спокойно перебирал янтарные четки. Луке стало почему-то обидно, что старый чувячник не обратил на Майко внимания.

Вернувшись во двор, Лука увидел коротышку Рубена и Изу, которые беседовали под липой. Лука не собирался задерживаться, но Рубен подозвал его.

— Познакомься, — сказал Коротышка, — это Иза, дочка нашего Котико.

Иза протянула руку, рука была теплая и мягкая. Прежде чем посмотреть ей в лицо, Лука успел подумать: интересно правда ли она такая красивая, как показалось Майко? Больше всего его поразили распущенные по плечам волосы. Он никогда не видел таких блестящих, отливающих золотом волос. Они так блестяли, как будто на них откуда-то падали лучи солнца.

Иза с любопытством смотрела Луке в лицо. У нее были большие синие глаза, маленький нос и яркие, почти кроваво-красные губы. Лука залился румянцем: ему показалось, будто Иза заметила, что он так внимательно глядит. Вконец растерявшись, Лука собрался уходить.

— Садись, — предложил коротышка Рубен, который все продолжал улыбаться и своими костлявыми пальцами выстукивал по столу «багдадури».

— Мне уроки надо делать, — сказал Лука.

— Садись, прощу тебя! — не отставал Рубен.

«Интересно, знает ли она сама, какая она красивая», — думал Лука, направляясь к лестнице. По ступенькам он взбежал одним духом. Возле лестницы его поджидал Андукapar, весь какой-то взбудораженный.

— О чем она с тобой говорила? — сразу кинулся он к Луке с расспросами.

— Не знаю, так, ни о чем.

— Божественна! — Андукapar резко повернул кресло и исчез в своей комнате.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Оденься потеплее! — крикнула из галереи тетя Нато.

— Я и так все на себя напялил! — ответил Лука, выходя из комнаты в старом, коротком и узком пальто, в котором едва мог двигаться.

Тетя Нато положила в сумку два старинных бронзовых подсвечника, потом взяла платье, висевшее на стуле, оглядела его со всех сторон, аккуратно свернула и уложила поверх подсвечников. Потом тетушка ушла в комнату и вынесла простыню, внимательно рассмотрела ее, проверила даже на свет и, сложив, тоже спрятала в саквояж.

Было утро последнего воскресенья декабря, сырое, морозное, холод пробирал до костей. Тетка с племянником отправились на Сабурталинскую толкучку.

Лука много слышал о Сабурталинской толкучке. Давно мечтал туда поехать, но теперь, когда он тащил этот тяжелый саквояж, в котором лежали два подсвечника, тетушкино платье и простыня, ноги не несли его. Он просто не мог представить себе, как он будет стоять с шандалами в руках, зазывая покупателей, Вдобавок он недоумевал: если они продают эти вещи, потому что в них нет нужды, то ради чего кто-то другой станет их покупать? Поэтому Сабурталинская толкучка всегда представлялась ему большой площадью, куда стекалось множество народу лишь затем, чтобы что-то продать.

Лука не знал также и того, когда тетя Нато решила продать эти вещи: сегодня утром, вчера или позавчера? Сегодня она встала раньше обычного и разбудила Луку: денег, говорит, у нас нет даже на хлеб, придется кое-что продать. Конечно, Лука не отказал ей, да и как он мог ей отказать. Ведь эти проклятые деньги ей нужны были не для себя одной! Тот хлеб, который они получали по карточкам, стоил недорого, но время от времени, желая подкормить Луку, тетушка ходила на базар, где все стоило в двадцать раз дороже.

Тетя Нато давно перестала писать письма. Наверно, она надоела тем, кому писала, и ей больше не отвечали. Очевидно, она смирилась с судьбой. И не вспоминала ни мать Луки, ни отца, как будто их никогда и не было на свете. И на кладбище она больше не ходила, совсем забросила могилу сестры. И сорока дней не справила, хотя после похорон родственники договорились обо всем и даже день назначили.

Все прежние заботы позабыла тетя Нато, и осталось только одно: Лука! Лука все это понимал, и иногда у него даже возникало неприятное чувство досады из-за такой чрезмерной опеки, и вовсе не потому, что он был неблагодарным или злопамятным. Нет, во-первых, его никогда не баловали и ему трудно было привыкнуть к этому и, во-вторых, он жалел тетушку. Она совсем исхудала и расстаяла. Согнулась в плечах и ослабла. Несмотря на это, вставала чуть свет и ложилась далеко за полночь. Старалась со всех сторон оградить Луку, как будто он был свечой, горящей на ветру.

Однажды, когда раздосадованный назойливым вниманием Лука необдуманно посоветовал тете Нато, чтобы она немного позаботилась о себе, потому что, если с ней что-нибудь случится, он останется совсем один на свете, старушка повалилась на тахту и весь день проплакала:

— Господи, прости меня грешную, не дай мне умереть, пока я не увижу племянника, твердо стоящим на ногах!

У входа на Сабурталинскую толкучку небритый дядька потребовал, чтобы тетя Нато приобрела талоны. Тетя Нато растерялась и пробормотала, что пока у нее денег нет, а как только она что-нибудь продаст, тотчас купит та-

лоны. Небритый дядька разозлился. «Все вы одно и то же говорите!» — ска- зал он, сплюнул и ушел.

Толкучка кишела людьми. Тетя взяла Луку за руку, чтобы он не поте- рялся, и повела в глубь базара, с трудом пробивая дорогу сквозь молчаливо снующую толпу. Потом они с трудом добрались до длинного ряда ларьков и остановились позади одного ларька.

Тетя Нато достала из сумки платье и простыню, саквояж отдала обратно Луке, а вещи для продажи перевесила через руку.

— А мне что делать? — спросил Лука и взглянул на саквояж, так как был уверен, что подсвечники придется продавать ему.

— Ничего.

И в самом деле, делать ему было нечего, он стоял со своим саквояжем, засунув руки в карманы. Сначала он не мерз, так как разогрелся от быстрой ходьбы. Но потом запас этого тепла иссяк. Он спрятал замерзшие уши в воротник пальто и стал прыгать на месте. Через час он уже потерял всякую надежду: было ясно, что они ничего не продадут. Словно оправдалась его давешняя мысль: никто ничего не покупал, все только продавали что-нибудь. И не что-нибудь, а все: ржавые кривые гвозди, поломанные колеса, автомобильные покрывалки, неуклюжую обувь, подшитую резиной от автомобильных камер, непарные носки, защитные гимнастерки, морские бушлаты, кирзовые сапоги, каракулевые шкурки, остовы зонтов, растрепанные книги, залатанные кальсоны, женские трико, старые картины или рамы, уздечки, роги, керосинки, котлы, мешки, ножи и вилки, бутылки... люстры... Все это продавали. А покупателей не было видно. Во всяком случае, Лука их не видел. Видел только усталые, хмурые лица мужчин и женщин всех возрастов. А еще чаще — их спины, плечи, шеи, и, когда он глядел на них, у него возникало странное чувство, словно весь мир повернулся к нему спиной и никого не интересовало, почему они стоят здесь, за ларьком, сколоченным из досок. Иногда он украдкой поглядывал на тетушку, и сердце у него сжималось от боли при виде жалкой старушки, посиневшей от холода, перекинувшей через беспомощно протянутые руки вынесенные на продажу тряпки — простыню и платье.

Потом, преодолевая подпрыгивать на месте, среди множества спин Лука выбрал одну очень знакомую спину, в неразберихе прочих спин ее трудно было распознать, но он все же распознал, и, когда эта спина повернулась, Лука увидел Закарию Инцкирвели, своего классного руководителя. Спина обернулась, и удивленные взгляды столкнулись друг с другом. Очевидно, ни один ни другой не ждали встречи в таком неподходящем месте.

— Что ты здесь делаешь, Лука? — спросил недоуменно учитель.

— Не знаю... Стою вот... — замялся Лука, заливаясь краской.

Закария Инцкирвели с перекинутым через руку летним костюмом подо- шел к Луке.

— Ты один?

Лука не успел ответить, как учитель сам заметил тетю Нато и почтитель- но с ней поздоровался.

— Здравствуйте, калбатано Нато!

— Ох, батано Закария! — Тетя Нато сделала вид, будто только сейчас заметила учителя, потому что раньше, в надежде, что он ее не заметит, она отводила глаза в сторону. — Как поживаете?

— Все мы поживаем одинаково! — вздохнул учитель. — Видите? — он показал на летние брюки и пиджак, перекинутые через руку.

— Вижу, вижу, батано!

— Вынес продавать, как будто лето больше никогда не наступит.

— Тяжелые времена настали.

— Не говорите! Да хоть бы продал, а то ведь и продать не могу.

— Как видно, торговля не наше с вами дело.

— Это верно, уважаемая!

— Подожду еще немного, если не продам, пойду домой... Мальчик совсем замерз.

— Да, нынче очень холодно. Но холод не самая большая беда.

— Плохо и то, что ребенок видит всю эту грязь!

— Об этом не беспокойтесь, уважаемая, ребенок все должен испытать, пусть видит, как люди живут... Поймет, что не ему одному трудно.

И вдруг из толпы, как клоун из-за занавеса, высунулся конопатый Аль- берт. Лука тотчас узнал его и так обрадовался, как будто встретился с един- ственным другом после долгой разлуки.

— Альберт! — крикнул Лука.

Альберт не узнал его и подозрительно насупил. Потом приблизился на несколько шагов и пригляделся внимательнее: все равно не узнал.

— Не узнаешь?

- Не узнаю.
- Я — Лука!
- Какой Лука?
- Помнишь, как мы на берегу Куры познакомились? Лука!
- Вах! Здорово, Лука! Ты тот самый, который хорошо плавает?
- Тот самый.

— Где же ты пропадал? На что это похоже?!
— Я пропадал?!
— Ты ничего такого не думай, Лука-джан, твое барахло у меня. Я целый день бродил по Пескам и не нашел тебя.

- Долго искал?
- Очень долго, а как же!
- И не нашел?
- Вах, что ты за человек, не веришь?!
- Не сердись, Альберт, знаю, что искал.
- То-то же! А твои шмотки у меня, не сомневайся! Хочешь, завтра в

девять все принесу?

- Куда принесешь?

— Туда же, к сумасшедшему дому.

— Утром я в школу иду.

— Один урок прогуляй!

— Тише! — предупредил Лука конопатого Альберта и шепотом сообщил: — Это наш классный руководитель.

Удивленный и испуганный конопатый Альберт покосился на Закарию Инцкирвели и тетю Нато. Некоторое время он внимательно наблюдал за ними, как будто изучал или запоминал их внешность и одежду. Потом обернулся к Луке и спросил:

— А кто эта женщина?

— Моя тетя.

— Продали что-нибудь?

— Нет.

— Что за чудачки! Кто же так продает! Сейчас самому нужно искать покупателя.

— Откуда же я знаю, где его искать?

— Стойте здесь, я приведу покупателя, — деловито распорядился конопатый Альберт и тотчас исчез. Куда-то протиснулся и как сквозь землю провалился.

Лука был очень доволен, что встретил Альберта, он радовался не столько возвращению пропавших вещей, сколько тому, что не оказался обманутым и облапошенным. Он внезапно полюбил конопатого Альберта и уже сожалел, даже страдал от угрызений совести, что когда-то в глубине души считал его плутом и мошенником.

Тетя Нато и Закария Инцкирвели стояли там же и беседовали. Учитель со знанием дела оценил положение на фронте и заключил, что жизнь еще более вздорножаст. Так или иначе, но в течение всего этого времени никто к ним не подошел, никто не поинтересовался их вещами, даже просто так никто не приценился. Замерзшие и грустные стояли они, потеряв всякую надежду. Наверно, они простояли бы так до конца, если бы вдруг неожиданно как спасение не возник перед ними конопатый Альберт.

Альберт вернулся и привел с собой какого-то человека, очень похожего на грача. Грач был настроен решительно, из-под кепки, натянутой на длинный посиневший нос, он презрительно оглядел вещи и их хозяев.

— И это все? — спросил он наконец и, кажется, собрался уходить.

— Нет, уважаемый, — остановила его тетя Нато, — у нас еще подсвечники. Лука, покажи подсвечники.

Лука достал из саквояжа подсвечники.

— Ах, какие прекрасные подсвечники! — не смог скрыть восхищения Закария Инцкирвели.

— Прекрасные! — брезгливо передразнила его Грач.

— Это приданое моей бабушки! — сообщила польщенная тетя Нато.

— Меня это не касается! — прервал ее Грач. — Шандалы, простыня, платье — триста рублей.

— Но этого не хватит даже на три килограмма хлеба, — сделал попытку поторговаться Закария Инцкирвели.

— А по-твоему, дорогой, три кило хлеба — это мало! — рассердился Грач.

— Нет, уважаемый, я ничего не говорю, — поспешила вмешаться испуганная тетя Нато.

— Саквояж не продаешь?

— Нет.
 — Альберт, заведи! — приказал Грач. Конопатый сначала у Луки взял подсвечники, а потом у тети Нато простыню и платье.
 — Может, вас заинтересует этот костюм? — осторожно предложил учитель.

— Двести рублей.
 — Согласен, с удовольствием.
 — Альберт, заведи!
 Альберт взял у старого учителя брюки и пиджак, а Грач расстегнул верхнюю пуговицу пальто, вытащил деньги, отсчитал каждому сколько причиталось и, не попрощавшись, ушел. Конопатый Альберт покорно последовал за ним.
 — Альберт!
 — Да! Как договорились! — отозвался Конопатый.

Тетя Нато и Захария Инцкирвели там же простылись и разошлись. Все вроде бы закончилось благополучно, но, прощаясь, Лука заметил, как изменилось лицо учителя. Он выглядел смущенным и растерянным, словно его застали за каким-то недостойным занятием. Он словно сам собирался покаяться и попросить прощения, но не сумел, лицо его исказилось, и, чтобы скрыть эту внутреннюю напряженность, он жалобно улыбнулся, указательным пальцем поправил спавшиеся очки и переносил их в роговой оправе и смешался с толпой. Эти очки учитель носил уже два месяца, очевидно, свое золотое пенсне он тоже продал.

Замерзшего, с ледяными руками и ногами Луку тетюшка сразу же уложила в постель, напоила горячим чаем без сахара, с куском хлеба и джемом, полученным по карточкам, и Лука заснул как убитый.

Весь вечер он провел с Андуканаром. Сначала они приготовили уроки, потом принялись клеить пакеты. Во время беседы Андуканар выразил сомнения: не думаю, сказал он, чтобы этот твой Конопатый вернул одежду, но ты все же пойди, может, он и впрямь хороший парень и я зря ему не доверяю.

Наутро, чем ближе подходил Лука к назначенному месту, тем больше убеждался, что конопатый Альберт не придет. Он всеми силами старался так не думать, но ледяной ветер и холод, пронизывающий до костей, портили все настроение. Кто поверит, что Конопатый выйдет из дому чуть свет, да еще в такую погоду, чтобы вернуть вещи, о которых уже забыл! Лука внутренне оправдывал Альберта и заранее готовился к разочарованию. Но Лука не дошел до назначенного места. Когда он проходил по знакомой улице, ему вдруг показалось, что ворота открыты. Он на мгновение замедлил шаг, но не для того, чтобы решить — входить или не входить. Такой вопрос вообще не стоял перед ним, его остановило другое: в самом деле, открыты ворота или это ему показалось?

Ворота были открыты.

Лука налег на створку плечом и осторожно оглядел двор. Потом так же украдкой кинул взор на то окно, где должна была быть Мтвариса. Но не только это окно, а все окна вообще оказались закрытыми.

Во дворе никого не было, и Лука, осмелев, обошел вокруг строений, осмотрел внимательно окна первого этажа. Изю всех окон глядела мгла.

Вдруг Лука услышал чьи-то осторожные шаги, испуганно оглянувшись, он увидел приближающихся к нему двух обритых наголо мужчин: неторопливо прогуливаясь, они прошли совсем близко от него, но, по-видимому, увлеченные беседой, его не заметили. Оба были в серых мешковатых халатах, из-под которых выглядывали белые кальсоны.

Должно быть, они не чувствовали холода, потому что были без носок, в шлепанцах. Тот, который был ростом пониже, шел впереди, скрестив на груди руки. Лука сначала подумал, что он скрестил руки для того, чтобы согреть их под мышками, но потом, заметив большие карманы на халате, решил, что, возможно, у него просто такая привычка. Второй мужчина, долговязый и худой, шел на полшага позади, всем существом выражая величайшее почтение и низенькому.

Они ушли недалеко, прогуливались там же, среди огромных деревьев. Несколько раз проходили и мимо Луки, но по-прежнему не замечали его, словно его вовсе не было на свете. Вообще-то говоря, Лука тоже не очень стремился попасться им на глаза, он все же был напуган и избегал людей, стараясь по возможности скрыться за деревьями.

Лука догадался, что двое в серых халатах были сумасшедшими, хотя о сумасшедших у него было совсем другое представление, и он был весьма удивлен, увидев их гуляющими во дворе, да еще таких важных и задумчивых. Если они сумасшедшие, то почему они на свободе, если они на свободе, то почему не

кричат, почему не колотят друг друга, — думал Лука, — во всяком случае, наверняка они должны кидаться непременно.

Лука слышал даже их беседу. Эта беседа совершенно изменила его представление о сумасшедших, несмотря на то, что многое из этого разговора осталось ему непонятным.

— Вы позволите задать вам один вопрос? — обратился долговязый к низкорослому, заискивающе улыбаясь. — Что такое счастье?

— По нашему мнению, вы неверно поставили вопрос, — спустя некоторое время ответил низкорослый — Сначала надо выяснить, существует ли вообще счастье, а потом уже спрашивать, в чем состоит его суть.

— Истинная правда! Но я никогда не мог себе представить, что вы хоть чуточку сомневаетесь в существовании счастья. Неужели вы никогда не были счастливы? Никогда не испытывали счастья?!

— Никогда!

— И в Италии?

— Нет!

— А восемнадцатого брюмера?

— Нет!

— Неужели солнце Аустерлица не согрело вас счастьем?

— Нет и нет!

— Может... — здесь долговязый замешкался, но в конце концов все-таки решился, — может, Ватерлоо?.. Хотя... Простите, ваше высочество!..

— О Ватерлоо мне не напоминайте! Хотя почему же?.. — снова погрузился в раздумье низкорослый — Я тогда понял, что, возможно, счастье и в самом деле существует.

— Тогда поняли впервые?

— Да, мой друг! А ныне я испытываю полное счастье, я истинно счастлив.

— Слава богу!

— Я часто задаю себе вопрос, отчего я так счастлив, и наконец понял: оттого, что меня уже нет в живых, оттого что я умер!

— Как же? Разве вы сейчас не живы?

— Конечно, нет! Ни вы и ни я, мы давно уже покойники!

— Благодарю вас, ваше высочество!

— Неужели вы захотели бы жить в другой оболочке? — теперь спрашивал низенький.

— Разумеется, нет!

— Нас уже спас бог от людской неблагодарности. Нас уже не коснется предательство друзей и подданных, измена, которая там... — Низенький вытащил руку из-под мышки и протянул указательный палец к воротам: — Которая там еще долго будет прятаться под маской показной преданности.

— О, черная неблагодарность!

— Не существует более страшного чувства! Разве не олицетворенная неблагодарность своей рукой поразила Цезаря? Разве не сильные челюсти неблагодарности перемололи кости славного Сципиона, изгнанного из отечества? Это я сочинил эпитафию на его могилу: «Неблагодарная отчизна! Ты не удостоишься моего праха!».

— Истинно так, ваше высочество!

Низенький язвительно улыбнулся и продолжал про себя:

— Я избаловал их великими победами, а они не простили мне одного маленького поражения!..

Долговязый вдруг начал беспокоиться:

— Ваше высочество, не повернуть ли нам назад?

— Назад?

— Да! Идемте скорее. К нам приближается Цербер.

— Ах так! Конечно! Конечно!

Оба поспешно направились к зданию, впереди шлепал низенький, за ним долговязый. Потом они одним прыжком одолели пять каменных ступеней, открыли дверь и, не оглядываясь, нырнули в помещение.

К Луке приближался дворник с метлой. Лука от страха так и обмер, растерялся и не знал, куда бежать. Не давая себе отчета, он быстро пробежал расстояние до каменных ступенек. Так же безотчетно взбежал по лестнице и очутился в длинном коридоре. В полутемном коридоре уже знакомые Луке собеседники солидно прохаживались, словно преподаватели на большой перемене.

Лука притаился за дверью: снаружи не доносилось ни звука. Он постоял некоторое время, прислушиваясь, потом открыл дверь и выглянул во двор. Во дворе никого не было. Он вышел и с опаской огляделся по сторонам.

— Поди-ка сюда! Вот ты и попался, бездельник!

Лука увидел сначала метлу, а потом дворника в шинели. Как видно, он спрятался за деревом, подстерегая Луку.

Лука хотел было дать тягу, но внезапно почувствовал, что бежать не может, колени у него подкашивались, и он с трудом держался на ногах. Пришлось покориться судьбе. Дворник вцепился ему в плечо тяжелой пятерней и потащил в глубину двора.

— Я больше не буду, дядечка, — дрожащим голосом проговорил Лука, — отпусти меня.

Дворник в шинели не слушал Луку, не отпуская руки, вел его куда-то.

— Отпусти меня, дяденька, — снова заныл Лука, — я в школу опаздываю.

— А когда ты сюда забирался, не опаздывал в школу?

— Я ведь ничего плохого не сделал!

Дворник подвел Луку к одной из скамеек и сказал:

— Садись, поговорим.

Лука сел. Старик сел рядом, прислонив метлу к скамье. Лука, естественно, представления не имел, каким образом пойдет их беседа, да это его и не интересовало. Он думал только о том, как бы вырваться из рук этого жуткого старика и смыться отсюда поскорее.

— Чего тебе здесь понадобилось с утра пораньше? Зачем ты сюда забрался? — спросил дворник.

— Не знаю... Ворота были открыты, я и вошел.

— Вот тебе и на! Значит, где увидишь открытую дверь, туда и лезешь?

— Простите меня, я не знал.

— Что не знал?

— Что нельзя сюда входить.

— А что у тебя с ними общего?

— С кем?

— С теми, которые тут болтались?

— Ничего. Я впервые их вижу. Они и не взглянули на меня и слова мне не сказали.

— И не скажут. Этот плюгавый — большой гордец, много из себя воображает! Но если он мне попадется, я ему спуска не даю, так он удирает от меня, хвост поджав. Не люблю зазнаек. Если ты человек, так будь человеком, чего дуешься, как индюк! — старик грозно поглядел на дверь, за которой недавно скрылись двое в халатах.

Луку эта беседа немного успокоила... Старик оказался не таким уж злым. Но хорошего все равно было мало, потому что время шло, а он как дурак сидел здесь и болтал с дворником. «Наверно, уже второй урок кончается», — переживал Лука.

Тем временем дворник достал из-под шинели пандури, наладил ее, попробовал звук и ударил по струнам. Сначала он спел «Ах, мой трактор...», потом затянул «Молодой пастух в Шираки...».

«Эту песню он не скоро кончит», — с тоской подумал Лука, но другого выхода не было, надо было дослушать до конца. Лука сидел и грустным взглядом провожал всех проходивших по улице. Внезапно его осенила забавная идея: интересно, что бы подумал Андукапар, если бы случайно заглянул сюда и увидел бы меня? Эта мысль немного развеселила Луку, и настроение у него исправилось.

Дворник допел до конца «Молодой пастух в Шираки...», потом поднялся и сказал:

— Ну, я пошел, мне некогда с тобой рассиживаться!

Оба направились к воротам деловитой походкой. Поравнявшись с окном Мтварисы, Лука неожиданно спросил:

— Дядя, а где та женщина, которая здесь жила?

— Где?

— Вот здесь, — Лука указал пальцем на знакомое окно.

— Там никто не жил. Это прачечная.

— Как же нет, я ее видел... Ее Мтварисой зовут, — не отставал Лука.

— Ты меня не учи, я здесь тридцать лет работаю и всех знаю. Какая еще Мтвариса? Это прачечная! — дворник выпроводил Луку за ворота и сказал на прощание: — Будет время, заходи! — и запер ворота изнутри.

Некоторое время Лука стоял в растерянности. Он пытался поразмыслить, ясно представить тот день, когда проник сюда впервые и увидел Мтварису, стоящую у окна. Лука все прекрасно помнил. Он даже голос Мтварисы услышал. Но все-таки усомнился: «Может, мне все это померещилось? Может, Мтварисы и вправду нет на свете?».

Только теперь он вспомнил, зачем шел сюда, и направился к Куре. Конопатого Альберта не было. Если даже он и пришел, навряд ли стал бы ждать так долго.

День был серый, холодный, с Куры дул ледяной ветер.

Датико Беришвили еще раз предложил тете Нато обменять квартиру. На сей раз посредницей он выбрал Эмму, сестру коротышки Рубена. Эмма — черноволосая хорошенькая женщина, круглолицая и пухленькая. В свое время многие парни на нее заглядывались, но, несмотря на такое настойчивое внимание, Эмма замуж так и не вышла и теперь жила вместе со своим братом, рядом с Датико Беришвили на первом этаже.

Тетя Нато, как и следовало ожидать, Эмму тоже выпроводила с отказом: пока я жива, сказала она, никому эту квартиру не отдам, и передай этому бесовственному, чтобы он меня больше не тревожил. Эмма, в отличие от старого чувячника, все же старалась уговорить старушку, но у нее ничего не получилось и ей пришлось уйти несолоно хлебавши. После ухода Эммы тетя Нато разнервничалась. Весь день она ворчала, проклинала Датико Беришвили и тех, кто придумал войну, обрекая людей на муки и страдания.

— Надо держать ухо востро, Лука! Вместо того чтобы протянуть нам руку помощи, ты видишь, как себя ведут некоторые?! — обратилась тетя Нато к племяннику, подняла глаза к потолку и перекрестилась: «Господи, только бы вернулись живыми моя сестра и зять, а там я сама рассчитаюсь с теми, кто не уважает честь нашей семьи!».

Лука убежал в другую комнату, чтобы не слышать голоса тетки, и украдкой утер слезы. В одиночестве он долго размышлял и мечтал о возвращении родителей. Он ясно представлял себе тот день, когда вернувшийся с фронта отец сквитается с Датико Беришвили, хотя он не до конца понимал, в чем заключалось неуважение к чести их семьи.

В тот же вечер, когда Андуканар услышал от Луки, что Датико Беришвили опять присылал человека для переговоров по поводу обмена, он грустно улыбнулся, продолжая клеить пакеты. Лука, обеими руками облокотившись на стол, следил за движением тонких пальцев Андуканара. Пальцы с удивительной быстротой и ловкостью складывали и склеивали концы бумаги. С такой же скоростью росла стопка пакетов, уложенных в правом углу стола.

На столе мерцала маленькая керосиновая лампа.

— Люди прикованы друг к другу тяжелой цепью необходимости, — сказал Андуканар, — тяжелой цепью нужды... к сожалению, это так... Степень человеческих взаимоотношений определяется тем, насколько мы нуждаемся друг в друге. Видишь, что происходит? Я тебя считаю своим другом и в то же время нахожусь в добрых отношениях с тем человеком, который хочет навредить вашей семье. По правилу, я должен наплевать на все и швырнуть эти бумажки в лицо Датико Беришвили. Но я не только не сделаю этого, а улыбнусь ему, если он сейчас войдет сюда, и подам ему руку. При этом я буду польщен, что он изволил меня посетить. Почему? А потому, что мое существование зависит от этого человека. Вот так. В свою очередь Датико Беришвили тоже от кого-то зависит и к кому-то прикован, тот прикован еще к кому-то, и так до бесконечности тянется эта тяжелая цепь.

Андуканар помолчал, дал рукам отдохнуть, потом сказал:

— Впрочем, такие отношения не имеют никакой ценности: пропадает необходимость — безболезненно распадается цепь. Драгоценна только истинная любовь и дружба, верная, бескорыстная, вот такая любовь, которой я люблю тебя, или такая дружба, как у нас с тобой. Ведь ты ничего не ждешь от меня? Да и что с меня взять — с получеловека?!

Лука снова расчувствовался и решил уйти. Но кое-как сдержался и все-таки не прослезился. Ему стало до боли жаль друга, он никогда об этом не задумывался, только сейчас ему дали понять и прямо сказали, что Андуканар — получеловек. Он почему-то пристыженно смотрел на него, полулежащего в кресле с велосипедными колесами, в свою очередь с печальной улыбкой взирающего на собственные руки, недвижно покоящиеся на бумаге для склеивания пакетов.

— Ты понял, что я тебе сказал?

— Не знаю...

— Если хочешь, я повторю более понятно.

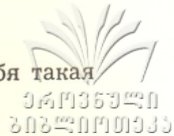
— Нет, не хочу, я все понял. — Лука, конечно, не очень хорошо понимал о чем говорил Андуканар.

— Необходимость сковывает людей тяжелой цепью, дружба — невидимыми нитями; но у этой невидимой нити все же есть один недостаток: то, что она невидима. Она может так порваться, что ты этого не заметишь до конца жизни.

— Андуканар на время умолк, потом заговорил снова: — О-о, это ужасно!

Опять наступило молчание. На этот раз его нарушил Лука:

— Андуканар, существует ли на свете счастье?

— Почему ты об этом спрашиваешь? Откуда появилась вдруг у тебя такая мысль? — улыбнулся Андукапар.

— Не знаю...
— А все-таки?

— Просто так, мне интересно.
— Этот вопрос так стар, что даже немного попахивает банальностью. На этот вопрос всегда отвечают вопросом: сначала надо выяснить — что такое счастье? То, что является счастьем для тебя, для другого может оказаться бедой. Счастье — особое понятие, и поэтому оно мучает нас на протяжении веков... В этот момент Андукапара прервал осторожный стук в дверь.

— Войдите! — крикнул Андукапар.

Дверь отворилась, и в комнату вошел коротышка Рубен, безбородый, с синевшим от холода, сморщенным личиком.

— Здравствуйте!.. — он снял огромную кепку и снова надел ее. — Я должен забрать пакеты... Ты все сделал?

— Сделал, — ответил Андукапар.
— Это все? — спросил Коротышка, взглянув на стопку пакетов.
— Нет, еще под столом.

Лука влез под стол и вытащил две больших связки.

— Отлично поработал! — похвалил Рубен.

— Да так себе.
— Сколько здесь?
— Не знаю, не считал.

— Я сам сосчитаю. Ты мне доверяешь?

Андукапар улыбнулся и развел руками: какой, мол, может быть разговор!

— Вы слышали новость? — с коварной улыбкой спросил Коротышка.
— Нет. А что случилось? — заинтересовался Андукапар.

— Иза пропала.
— Иза?

— Да! Вчера не вернулась домой и сегодня не появлялась.
Андукапар почему-то посмотрел на Луку и снова уставился на Рубена.

— Дядя Ладо с ума сходит. Всю ночь не спал и сегодня целый день по улицам рыщет, — продолжал Коротышка.

— Может, она ушла к матери? — высказал подозрение Андукапар.
— Дядя Ладо тоже так сказал. Но никто не знает, где живет ее мать.
— Надо сообщить в милицию.
— Сообщили. Они тоже ищут.
— Как бы с ней чего не случилось. Жалко. Такая славная девочка.
— Славная, но углядеть за ней трудно.
— Почему?

— Да потому что она все норовит сбежать.

— Куда ей бежать?!

— Не будь здесь Луки, я бы тебе сказал.

— Ты не думай, что Лука маленький, он больше нашего понимает.
— Эту девчонку, хоть и свяжешь, все одно — не удержишь, — тоном опытного человека заявил Коротышка, — меня не обманешь, у нее все тело так и горит.

— Это верно, — подтвердил Андукапар.

— Я знаю, оттого и говорю. С ней бы наши ребята справились, но где они?! — Коротышка помолчал и добавил: — Пришло извещение о смерти Пето.

— Что ты говоришь!
— И Пето погиб, и Джибо.
— И Пето, и Джибо?
— Да!

— Пропади оно все пропадом, какие ребята погибли!

— Эх! — вздохнул Коротышка, взялся за обе связки и потащил их к дверям.

— Давай я помогу тебе, — предложил Лука.
— Не надо, я сам справлюсь.

Коротышка ушел. Лука прикрыл дверь и вернулся к столу. Андукапар, откинувшийся на спинку своего кресла, с закрытыми глазами, худой и бледный, при свете лампы был похож на покойника. Лука не вынес тишины и на цыпочках вышел из комнаты.

На балконе было темно и холодно. Он быстро заскочил в галерею.

— Кто там? — спросила из комнаты тетя Нато.

— Это я, Лука!

И в галерее, и в комнате было так же темно и холодно, как на балконе. Тетя Нато уже лежала в постели, хотя еще не было и восьми.

- Холодно, правда?
- Да, очень.
- Ты тоже ложись и согреешься.
- Мне не хочется ложиться.
- Замерзнешь.
- У Андусапара теплее.
- Тогда оставался бы у него. Зачем сюда спешил?
- Не знаю. — Лука на ощупь отыскал вешалку и снял пальто.
- Что ты там ищешь?
- Ничего. Пойду опять к Андусапару.
- Ладно. Только не засиживайся допоздна.

Лука накинул пальто и вышел на балкон. Он и не думал возвращаться к Андусапару, подошел к перилам и выглянул в окно. Двор, как и весь город, был окутан холодной и молчаливой мглой. Эта мгла была совсем близко, настолько близко, что прикасалась к Луке своей холодной шерстью и прикрывала ему глаза своими пухлыми ледяными лапами. Луку будоражило какое-то неясное беспокойство, растревоженный, он не находил себе места. На ощупь спустился по лестнице и вышел во двор. Тьма и безлюдная тишина пугали и в то же время притягивали его к себе, как трясина. Тьма как будто что-то сулила ему, обещала объяснить необъяснимое, раскрыть неведомое. Но сердце все же трепетало от страха, и в темноте ему мерещились люди в серых халатах. Они парами разгуливали по двору, мирно беседовали и удивительно походили друг на друга походкой, жестикуляцией и белыми штанинами кальсон, которые выглядывали из-под халатов.

Так же на ощупь Лука добрался до голубятни Рубена. Не отпуская рук, взглянул на галерею дяди Ладо — окна были едва освещены. Видно, в комнате чуть тлела лампа, и ее слабый свет просачивался в галерею. От любопытства и волнения у Луки бешено колотилось сердце. Ему очень хотелось знать, что происходило там, в комнате дяди Ладо. Хотя, судя по этому замершему бледному огоньку, ничего значительного там не происходило. Должно быть, Изу так и не нашли или дядя Ладо еще не вернулся.

— Мальчик, поди сюда на минутку! — окликнул Луку голос, раздавшийся где-то совсем близко.

Несмотря на то, что эти слова были произнесены негромко, почти шепотом, Лука вздрогнул, и ноги у него подкосились. Внезапно его охватила дрожь, и он с трудом удержался, чтобы не упасть. Хотя сейчас к нему по-русски обращалась какая-то женщина, но ему почему-то казалось, что его звала Мтвариса.

— Не бойся, мальчик...

— Кто ты? — спросил перепуганный Лука, успев, однако, подумать: откуда она может знать в такой темноте — мальчик я или взрослый?

— Я скажу, скажу, кто я.. Только не кричи, — по-видимому, женщина сидела под липой, а может, стояла. Луке показалось, что там же на столе пристроилась кошка и таращила на Луку свои круглые глаза.

— Хорошо, — сказала женщина. — Если ты боишься, не подходи. Мне все равно, там ты будешь стоять или подойдешь сюда. Единственным благом одарил меня господь: я днем и ночью вижу одинаково, одинаково различаю предметы — сейчас я вижу, как испуганно ты на меня глядишь. Ты боишься меня, но я говорю тебе, не бойся. Я добрый человек, может, я добрее всех на свете, в моей душе нет ни капли злобы. Я только что привела вашу соседку Изу, которую куда-то тащили двое пьяных. Сама она тоже была пьяна и ничего не соображала. Я вырвала ее у пьяных и привела сюда. Она была настолько пьяна, что с трудом нашла собственный дом. Но разве люди ценят добро? Я спасла им дочь, привела ее нетронутую, в целостности-сохранности, а вместо благодарности старики выгнали меня как уличную бродяжку. Не дали мне слова сказать. Наверно, решили, что я ее подруга и все эти дни провела с ней вместе. Я совсем не знаю Изу, сегодня я ее встретила совершенно случайно... — женщина замолчала, и в темноте еще раз сверкнули кошачьи глаза.

Луку немного успокоил рассказ женщины, но подходить ближе он все же не решался.

— У меня есть к тебе одна просьба, мальчик. Мне негде ночевать, может, кто-нибудь приютит меня на одну ночь. Сегодня очень холодно, и, если я останусь на улице, я замерзну. А завтра я пойду своей дорогой. Я думала, что они из благодарности хотя бы разрешат мне переночевать одну ночь, но они захлопнули дверь у меня перед носом. Они были так встревожены и рассержены, что даже не взглянули на меня... Неужели в таком большом доме не найдется уголка для одного человека? Я беженка, почти всю Украину пешком прошла... — Женщина замолчала так неожиданно, словно вдруг потеряла голос.

— Хорошо, — сказал Лука, — я сейчас пойду и скажу тете, если она разрешит, я позову тебя, подожди немного!

— Конечно, подожду, куда же я денусь. Я отсюда никуда не пойду. На улицу выходить уже нельзя.

— Если тетя не разрешит, я могу сказать своему другу. Пойдешь со мной?

— Конечно. У меня нет другого выхода.

— Пошли.

Лука по звуку шагов почувствовал приближение женщины.

— Дай мне руку, — сказала она, — тебе, наверно, трудно идти в темноте.

Лука вытащил руку из кармана пальто и протянул женщине.

— Идем сюда.

— Куда, к лестнице?

— Да, к лестнице.

Лука почему-то думал, что у женщины будет холодная, замерзшая рука. Он, словно слепец, доверился широкой и теплой ладони. Подойдя к лестнице, он высвободил руку и бегом взбежал. На первом этаже он задержался, оглянулся в темноту и побежал дальше. В комнате Андуканапар по-прежнему мерцала лампа. Лука остановился у двери и дождался незнакомку. Ждать пришлось недолго, вскоре на балконе вырос высокий сулуэт. Лука был поражен, он не мог себе представить, что она такая высокая или что у такой рослой женщины может быть такой тихий и спокойный голос.

Женщина остановилась возле лестницы и прислонилась к столбу.

— Я сейчас, — сказал Лука и осторожно открыл дверь.

Андуканапар взглянул на него искоса и улыбнулся. Стол был уже убран, и Андуканапар читал при свете лампы.

— Это ты, Лука, а я думал, ты пошел спать.

— Нет. Я был во дворе.

— Во дворе? Что тебе там понадобилось?

— Не знаю...

— Ишь, шакаленок, и чего ты бродишь нынче ночью?

— Андуканапар, там одна женщина, ей негде ночевать.

— Женщина? — удивился Андуканапар. Схватился рукой за правое колесо и повернул кресло к дверям.

— Она говорит, что привела Изу. Случайно встретила на улице. Какие-то пьяные мужчины хотели ее увести, а она не пустила.

— Нет! Этот человек сведет меня с ума! Она что, тоже пьяная?

— Нет. Если ты не можешь, я разбужу тетю Нато.

— А ну приведи ее, посмотрим, что это за птица!

Лука открыл дверь, женщина стояла там же, прислонясь к столбу.

— Войдите! — позвал ее Лука и сам отошел в сторону.

Незнакомка вошла.

— Здравствуйте! — поздоровалась она и закрыла за собой дверь.

Женщина была в старых стоптанных сапогах и таком же старом ватнике, голова ее была так низко повязана белым платком, что казалось, будто волосы у нее обриты. Войдя в комнату, она огляделась по сторонам, потом взглянула на Луку и улыбнулась.

— К сожалению, я попала в мужское общество. Наверно, это будет неудобно и для вас, и для меня, если я останусь здесь ночевать.

— Садитесь, если вам в самом деле негде ночевать, мы что-нибудь придумаем.

— Спасибо.

— Снимите ватник. Здесь не так уж холодно.

— Конечно... только...

— Не стесняйтесь... Чувствуйте себя как дома.

— Спасибо.

— Лука, поухаживай.

Лука взял ватник и повесил у дверей на железную вешалку. Обернувшись, он увидел, что незнакомка стоит возле мраморного умывальника с овальным зеркалом. Она сняла с головы белый платок, и густые черные как смоль волосы рассыпались по ее плечам. Потом она смущенно направилась к столу, выдвинула стул и села, опустив руки поверх сложенного на коленях платка. Лука заметил и то, что Андуканапар не сводит с женщины удивленного взгляда: он смотрел на гостью и молчал, словно язык проглотил.

— Ну, я пошел, — сказал Лука.

— Куда же ты? — спохватился Андуканапар. — Поставь на керосинку чайник. Мы должны чем-нибудь попотчевать гостью. Снимай пальто!

Лука снял пальто и захлопотал: зажег керосинку и поставил чайник.

Андуканапар наконец оторвал взгляд от женщины, рассеянно прокатился взад-вперед по комнате и снова подъехал к столу.

— Может, в самом деле мне неудобно здесь оставаться? — спросила женщина.

Андукапар
308-00110133

— Нет, нет... — ответил Андукапар.

— Знаете что, если...

— Мне кажется, нам пора познакомиться. Это — Лука, я — Андукапар, а как вас зовут?

— Богдана... Богдана Вайда.

— Судя по имени и фамилии, вы должны быть украинкой?

— Да! Я родилась и выросла в Бориславле.

— Вы, наверно, беженка?

— Да.

— Поселились в Тбилиси?

— Нет, в Мцхета.

— Значит, вы и работаете в Мцхета?

— Как вам сказать... В наше время это может показаться странным... Что поделаешь... Я монашка.

— Монашка?

— Да.

— Разве в Мцхета есть действующий монастырь?

— Конечно.

— Я не знал. Где он расположен?

— Прямо над станцией, по ту сторону железной дороги. Если ехать отсюда, то слева. Он скрыт горами и снизу не виден.

— А в Бориславле вы тоже были монашкой?

— Нет. Я закончила техникум и работала счетоводом в ткацкой артели.

— Что же вас вынудило здесь стать монашкой?

— Я пошла за своей теткой в тыл, за тетей и ее подругами... Они все монашки. В страшных муках добрались до Грузии... Такое перенесли, что лучше не вспоминать. Приехали совсем больные. Как только я немного оправилась, меня постригли в монахини.

— Почему вы согласились?

— Потому что не видела другого выхода. Единственный путь к спасению души я видела в боге... Вам никогда не понять, что я перенесла.

— Конечно, не понять, но представить могу.

— Трудно.

— Знаю, что трудно.

— Если вы не вернетесь к утру, ваши, наверно, будут горевать.

— Наверно... Но дело в том, что я ни завтра, ни послезавтра не собираюсь туда возвращаться.

— А когда вы туда вернетесь?

— Никогда!

— Никогда?

— Никогда!

— Почему?

— Я не могу там жить.

— Но вы же говорили, что видели в боге единственное спасение?

— Я и сейчас так думаю, но для этого монастырь вовсе не обязателен. Кроме того, я не могу подчиниться некоторым христианским догмам. Я их не проверяла в жизни, хотела принять их на веру, но все время чувствовала и сейчас ощущаю по отношению к ним внутреннее сопротивление, и это ранит мне душу.

— И что же вы собираетесь делать?

— Наверно, найду какую-нибудь работу. Только не в Мцхета. Там наши отыщут меня и вернут обратно.

— Чайник вскипел! — вполголоса сообщил Лука.

— Прекрасно! Накроем стол и пригласим гостью, посланную нам богом! — улыбнулся Андукапар и быстро покати́л свое кресло к буфету.

— Я вам помогу. — встала с места Богдана.

— Да ничего у нас такого нет, чтоб потребовалась ваша помощь.

— Тогда я хотя бы вымою руки, с утра не умывалась.

— Лука, есть вода в умывальнике?

— Есть, я наливал недавно.

Богдана направилась к мраморному умывальнику. Прежде чем вымыть руки, она заглянула в зеркало и поправила волосы. Потом взяла обмылок стирального мыла и начала мыть руки. Андукапар и Лука тем временем накрыли стол: три тарелки, три чашки, три ложки и сахарница. Богдана вытерла руки полотенцем и вернулась к столу.

— Мы забыли чай, — сказал Андукапар, взглянув на стол.

Лука принес фарфоровый чайник и разлил заварку в чашки.

— А ну-ка, загляни в сахарницу, Лука, осталось ли там что-нибудь?

Лука снял с сахарницы крышку и заглянул в нее.

— Три подушечки.

— Ты видишь, как справедлив бог, — улыбнулся Андукapar и взглянул на Богдану, потом повернулся к Луке: — Мы с тобой ни за что бы не поделили эти три подушечки. Мы даже могли поссориться, а теперь мы распределим их безболезненно.

Лука оставил чайник и задул керосинку. Из керосинки пошел дым, и комната наполнилась острым запахом керосина.

— Какой плохой керосин! — сказал Андукapar.

Все трое принялись за чай. Все трое осторожно откусывали конфету и запивали горячей ароматной жидкостью.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Эту ночь Андукapar провел у Луки. Когда Андукapar въехал в комнату на своей коляске, тетя Нато проснулась и с перепугу вскричала: «Кто там? Что случилось?». Лука и Андукapar успокоили ее и объяснили, в чем дело. Старушка моментально вскочила с кровати и потребовала, чтобы зажгли лампу.

Лампу зажег Лука.

— Вы хоть понимаете, что натворили? — обратилась к ним обоим тетя Нато. — Как можно оставлять в квартире незнакомого человека?! Как будто вы не знаете, какое сейчас страшное время! Брат брату не доверяет, а уж посторонним людям...

Тетя Нато долго говорила о том, какое теперь страшное время и какие бывают доверчивые глупцы. Она вспомнила несколько убедительных примеров, как дурно поступали некоторые бродяги и мошенники в ответ на доверие добрых и наивных людей, но Андукapar все равно стоял на своем. Я предпочитаю, чтобы меня обокрали, заявил он, чем выгонять человека на улицу. «Как знаешь!» — ответила тетя Нато.

Лука думал, что Андукapar ляжет на тахту в галерее, но он не захотел сходить со своего кресла, только попросил накрыть его одеялом и получше это одеяло подоткнуть.

Лука поставил лампу на комод. В соседней комнате продолжала недовольно бормотать тетя Нато. Ворчать она перестала, как только закрыли дверь, во всяком случае, ни Лука, ни Андукapar больше ничего не слышали.

— Будем спать, — сказал Андукapar.

— Сейчас потушу лампу. — Лука подошел к комоду, чтобы погасить лампу.

— Сначала подоткни мне одеяло, а то под лопатки немного поддувает.

Лука как следует закутал Андукapара и погасил лампу. В темноте он добрался до своей кровати, начал раздеваться. Потом лег в холодную постель и долго ворочался, пока не устроился поудобнее. Он был возбужден и обрадован. Сначала он и сам не знал, почему так обрадован и возбужден. Но потом в сознании его постепенно проявилась причина этой радости и возбуждения. Ему не спалось и вдобавок не терпелось поговорить с Андукaparом, но из кресла не доносилось ни звука, и он не решился будить только что уснувшего друга.

В душе у Луки уже разгоралась искра надежды. Раз Богдана прошла через всю Украину и осталась жива, почему не могла таким же образом спастись его мать? Он не раз слышал от Андукapара, что большинство беженцев на разных видах транспорта, эшелонами двинулись от линии фронта в тыл. Эту надежду Луке хотелось подкрепить беседой с Андукaparом, но тот, к сожалению, спал.

Лука долго метался в постели, очевидно, даже какие-то слова у него вырвались вслух, потому что Андукapar заерзал в своем кресле и спросил:

— Что с тобой, Лука, почему ты не спишь?

— Не знаю, не спится. Я разбудил тебя?

— Нет, я тоже не сплю. В последнее время что-то со мной происходит. Я чувствую себя виноватым перед тобой, Лука. Помнишь, я тогда запретил тебе думать о Мтварисе? А потом сам стал о ней думать потихоньку. Теперь мне кажется, что я без спросу ворвался в твой мир и что-то у тебя отнял.

Лука ничего не ответил. Потому что не понял, что значит «без спросу ворвался в твой мир и что-то у тебя отнял».

— Она тебе так и сказала, что тело у нее разрывается на четырнадцать частей и каждая часть болит своей, особенной болью?

Лука сначала не понял, о чем спрашивал Андукapar, потом вдруг вспомнил Мтварису.

— Да, так и сказала.

— И эту боль она связала с луной — луна, мол, тоже распадается на четырнадцать частей?

— Да, она так говорила... хотя не помню, говорила или нет.

— Как странно! Ты знаешь, что это в самом деле связано с лунными фазами. Ведь именно четырнадцать дней проходит от новолуния до полнолуния. Андукапар замолчал. Он молчал долго, как будто дожидаясь, что скажет Лука, какое впечатление произвели его слова. Но Лука ничего не сказал, ибо внутренне усомнился в словах Андукапара. Его сознание не могло осмыслить, как боли у человека могут быть связаны с луной.

— Я много думал о Мтварисе, так много, что... даже иногда видел ее совсем как живую... я уверен, что Мтвариса — не настоящее имя, это она сама себя так назвала. Знаешь...

— Мтварисы не существует! — прервал Лука эти размышления вслух. Он неожиданно почувствовал раздражение.

— Как это не существует?! — поразился Андукапар.

— Я был там недавно.

— Где?

— В сумасшедшем доме.

— Ну и что?

— Нет никакой Мтварисы!

— Может, ты просто не видел ее?

— Нет! Мне сказал сторож: там нет никакой Мтварисы.

— Может, он ошибся? Ты показал ему окно?

— Да, он сказал, что это прачечная.

— Может, он скрыл от тебя?

— Он сказал, что всех знает, потому что тридцать лет там работает, и не слышал ни о какой Мтварисе.

— Но ведь ты видел ее собственными глазами?!

— Не знаю.

— Нет, этот человек с ума меня сведет! Ты ведь не мог это все сочинить! Не мог придумать Мтварису!

— Не знаю.

— Что значит «не знаю»? Ты видел ее наяву?

— Мне кажется, видел.

— Лука, может, ты перепутал окно?

— Может, и перепутал.

— А-ну, подумай как следует.

— Нет, не перепутал.

— Подумай хорошенько.

Лука задумался, но вместо Мтварисы перед глазами маячили двое в серых халатах, неспешно прогуливающиеся в полутемном коридоре. «Давай-ка расскажу и про них Андукапару, — решил он, но сразу передумал, — не стоит». Лука не думал, что новое известие о Мтварисе так взволнует Андукапара. Волнение Андукапара оставалось ему непонятным, но он чувствовал, что это раздражает его еще больше.

— Мтварисы не существует!

Андукапар молчал. Вполне возможно, что он просто задремал.

Лука был уверен, что они всю ночь будут говорить о Богдане, ибо ее появление произвело на него странное впечатление. Сначала он не задумывался над этим, и только теперь его память отметила, как изменился Андукапар с появлением Богданы, как преобразился его голос, улыбка. Руки у него дрожали, несколько раз он даже пролил чай. Старался быть веселым, но у него почему-то не получалось.

Потом Лука ощутил угрызения совести: Майко уже вторую неделю болела, а он ни разу ее не навещил. Даже не знал, чем она была больна. Завтра же пойду и навещу ее, улыбнулся Лука, довольный тем, что вспомнил Майко. Потом он припомнил, как поцеловал ее на кладбище и как они шли под руку по Сванетскому району. «Когда вырасту, непременно женюсь на ней», — твердо подумал Лука. Это неожиданное решение так удивило его самого, что он чуть не присвистнул. Потом увидел очень ясно, как Майко лежала на своей любимой тахте, устремив глаза в потолок. Знакомое видение вызвало у него блаженную улыбку, и приятная дрожь пробежала по всему телу. Свой визит к Майко Лука вспоминал часто, и это действовало на него всегда по-разному: иногда волновало, иногда успокаивало, порой угнетало. Сейчас он ощутил дурманящее блаженство...

Утром он проснулся от крика тети Нато. Ничего не понимая, он открыл глаза и огляделся: Андукапара в комнате не было. Тетя Нато истошно кричала. А вдруг Богдана обокрала Андукапара, подумал Лука и тотчас вскочил. Закутавшись в одеяло, он выбежал в другую комнату.

Тетя Нато сидела на тахте, била себя руками по голове и царапала щеки. Андукапар и Богдана удерживали ее, и Лука сразу понял, что Богдана тут ни при чем: какое-то новое несчастье разразилось над их головами.

Андукапар и Богдана напрасно успокаивали тетю Нато. Упав на тахту, она громко рыдала, и ее худые, слабые плечи жалобно вздрагивали.

— Что случилось?! — спросил ошеломленный Лука.

На Луку никто не обратил внимания — ни Андукапар, ни Богдана. Они пытались успокоить тетю Нато и, возможно, даже не слышали вопроса Луки. Но Лука не такой простак, чтобы поверить, будто они его не слышали. Было ясно, что оба не хотели ему отвечать. Закравшееся в душу Луки робкое подозрение теперь взорвалось со страшной силой и потрясло его душу и тело, лишило его на время и слуха, и голоса, и зрения. Потом он пришел в себя, вернулся в свою комнату и, не снимая одеяла, сел на кровать. «Случилась какая-то беда, — думал Лука, — наверно, с мамой... Из-за отца тетя Нато не стала бы так убиваться... Хотя нет... Тетя Нато теперь...» Он не успел закончить свою мысль, как в комнату вошла Богдана. Она подошла к Луке, погладила его по голове и опустилась перед ним на одно колено.

— Лука, очень дурные вести... Очень печальные... Мы сначала хотели скрыть от тебя, но ты уже большой мальчик... — начала Богдана.

— Мама? — прервал ее Лука.

— Нет! — на короткий вопрос так же коротко ответила Богдана и умолкла. Потом поднялась и некоторое время, скрестив на груди руки, ходила взад и вперед по комнате.

В соседней комнате прекратился плач, оттуда больше не доносилось ни звука.

— Лука, извещение очень плохое, но умный человек не должен верить этой бумажке до конца... Знаешь, что я тебе скажу, Лука, я видела своими глазами все, что там происходит, и скажу тебе прямо: нет на свете такой силы или такого средства, которое могло бы сейчас точно измерить несчастья, происходящие в этом аду. Попробуй определить, кто спасся, кто погиб, а кто попал в плен...

Дверь отворил перепуганный Андукапар.

— Богдана, идите сюда, помогите мне! Лука, скорей одевайся и зови соседей. Твоей тете плохо!

Богдана быстро вышла. Лука поспешно оделся и тоже выбежал в другую комнату. Тетя Нато лежала навзничь на тахте, тяжело дыша, и лицо ее было землисто серым.

Лука через две минуты поднял на ноги соседей. Тете Нато дали понюхать нашатырный спирт, натерли виски. Эмма, сестра коротышки Рубена, то и дело меняла ей холодные примочки. «Что делать?» — думал растерянный Лука. Он вышел в другую комнату и бесцельно слонялся из угла в угол. Потом он подошел к окну и выглянул на улицу.

Возле железных ворот ветеринарной клиники стояла разбитая кляча, запряженная в фургон. Мимо брел старик. Поглядел на лошадь и пошел дальше. На фургон взлетели два воробья. Что-то гоклевали и улетели, сели неподалеку на карниз двухэтажного дома. Окна второго этажа изнутри были закрыты ставнями. Возле клячи остановились двое патрульных, долго разглядывали лошадь, один даже похлопал ее по крупу. Кляча не шелохнулась. Потом патрульные ушли. Со двора ветеринарной клиники вышла женщина, с полным ведром воды и скрылась за деревянными воротами двухэтажного дома. Со скрежетом промчалась пустой трамвай.

«Что делать?!» Со двора двухэтажного дома выбежала маленькая девочка, в руках она держала бутылку. Девочка тоже остановилась возле клячи и долго ее разглядывала. Потом опять побежала, обо что-то споткнулась, уронила бутылку, и осколки рассыпались по мостовой. Бутылка была пустая. Девочка вернулась назад и исчезла за воротами двухэтажного дома. Низенькая толстая женщина ногой смахнула с тротуара осколки. Возле фургона остановилась карета «скорой помощи». Шофер о чем-то спросил низенькую толстуху. Та пожалала плечами и пошла своей дорогой...

«Что делать?!» — снова подумал Лука и отошел от окна. Потом он вдруг вспомнил, что соседи недавно вызывали «скорую помощь». Может, это та самая машина, которую они ждут? Лука снова кинулся к окну и выглянул на улицу. Машины уже не было.

Лука почти бегом пересек комнату, в галерее его остановила Эмма и спросила:

— Ты куда?

— «Скорая» пришла! — ответил Лука.

Когда он выскочил на улицу, «скорая» стояла у ворот. Из окна кабины высовывался шофер.

— Здесь больной? — спросил он.

— Да! — ответил Лука, глядя на машину как на долгожданное спасение. Из машины вылезли две женщины в белых халатах. Вторая с трудом протолкнула через дверцу тяжелый деревянный сундучок.

— Куда идти? — спросила первая.

— Туда... третий этаж, направо.

Женщины в белых халатах вошли во двор. Шофер тотчас улегся на бок и закрыл глаза. Приготовился подремать. Лука хотел было последовать за врачами, но ноги не подчинялись ему.

Руки и уши у него замерзли. Руки он засунул в карманы, а с ушами ничего поделывать не мог. Съездившись от холода, он пошел вдоль улицы. Возле ветеринарной клиники фургона уже не было. Мостовую пересек старый чувячник, испуганно озираясь, как бы не угодить под колеса. Но ни с одной, ни с другой стороны не было видно ничего, что могло бы угрожать ему. Старик нес свой паек хлеба — четыреста граммов. Поднявшись на тротуар, он так разглядывал хлеб, словно держал в руках невесть какую драгоценность и не мог решить окончательно: покупать ее или не покупать?

По ту сторону улицы от хлебного магазина тянулся длинный хвост. Кто-то пытался пролезть без очереди, бранясь и толкаясь. В другое время Лука с удовольствием остановился бы поглазеть, но сейчас его совсем не интересовала хлебная очередь и вдобавок он ужасно замерз без пальто и без шапки.

С угла Водовозной улицы виднелся знакомый купол церкви, черно-серые косматые тучи делали небо низким, и эта холодная и властная тяжесть давила на город. Лука бегом миновал Водовозную улицу, прошел мимо длинного ряда ларьков и киосков и остановился возле церковного двора. Вымощенный булыжником дворик выглядел так, как будто его только что чисто подмели.

Лука вошел во двор. Обогнул церковь и остановился возле знакомой галереи. Осторожно постучал в оконное стекло. Никто не отозвался. Он постучался еще раз, теперь уже смелее.

— Кто там? — Это голос Манко.

— Это я, Лука!

— Кто?

— Лука!

— Заходи, Лука, дверь открыта! — пригласила Манко.

Лука толкнул дверь и вошел. Он отодвинул кизилового цвета занавеску и заглянул в полутемную комнату. Манко лежала на своей любимой тахте. Она утопала в мягкой постели и подушках, и ее почти не было видно.

Лука шагнул в комнату и остановился.

— Здравствуй, Манко! Как ты себя чувствуешь?

— Сейчас ничего.

— Ты простыла?

— Да, простыла. У меня был грипп.

Лука сделал еще два шага.

— Не подходи близко, — сказала Манко, — я еще не совсем выздоровела.

— У тебя температура?

— Да. Садись.

— Ты одна?

— Да. Мама ушла за хлебом. Садись.

— Как у вас тепло.

— Да, тепло. Почему ты не садишься?

— Не знаю... Я, пожалуй, пойду.

— Ты был сегодня в школе?

— Нет.

— Почему?

— Да так... неохота.

— А я соскучилась... Почти две недели болею.

— Десять дней!

— Да, десять дней.

— Не знаю... Я, если даже двадцать дней не буду ходить в школу, все равно не соскучусь.

— Садись, прошу тебя!

— Еле отогрелся... Уши горят.

— Ты без шапки?

— Ага.

— Простудишься!

— Простужусь так простужусь.

— Ты не в настроении?

Лука пожал плечами.

— Тебя обидел кто-нибудь?

Лука опять передернул плечами.

- Зачем же ты тогда пришел, если не хочешь садиться?
- Знаешь что, Маинко?
- Что?

В комнате стало тихо.

- Мой отец погиб! — после долгого молчания произнес Лука.

- Погиб?! — Маинко приподнялась на постели.

— Сегодня пришло извещение... — Лука хотел сказать еще что-то, но горло перехватило и глаза наполнились слезами. Все вокруг стало мутным и расплывчатым. Свисавший со стены пестрый персидский ковер потерял свои краски и растворился в пространстве. Лука с усилием проглотил слюну и протер кулаком глаза. У Маинко, сидящей на тахте, по щекам текли слезы. Потрясенная, она смотрела на Луку.

- Я пойду! — сказал Лука.

- Хочешь я встану? — плачущим голосом спросила Маинко.

- Нет, нет!

— Ты выйди в галерею, а я быстро оденусь! — Маинко тоже вытирала слезы кулаком.

- Знаешь что, Маинко?

- Что?

— Я еще что-то хотел сказать... Скажу в другой раз, ладно? — Лука вышел в галерею. — До свиданья!

- Лука!

- Чего тебе? — отозвался Лука из галереи.

- Скажи сейчас.

- Потом скажу.

- Нет, сейчас, очень тебя прошу!

— Знаешь, Маинко, у меня нет никаких друзей, кроме тебя! — Лука взялся за ручку двери и, прежде чем открыть, на минуту задумался, потом сказал громко, чтобы слышала Маинко: — Андукапар и ты!

Почему-то с еще большей тяжестью на душе вышел Лука от Маинко. «И зачем я к ней пошел именно сейчас?» — думал он по дороге. При этом у него было такое чувство, словно он кого-то обманул, обманул не только других, но и себя самого...

На улице он снова озяб и сунул руки в карманы брюк. Настроение портило еще и то, что он не удержался и расцустил нюни при Маинко. «Пришел, поплакал и ушел...» Лука повернул на Водозвную улицу, прошел мимо красивых мастерских и вышел к реке. Здесь он постоял недолго, так как с Куры тянуло ледяным ветром и промозглый холод пронизывал до костей.

Поднимаясь по Пескам, он посмотрел на мостовую у гаража автошколы — «скорой помощи» уже не было. «Пойду, — сказал он про себя, — тете Нато, наверно, лучше, и она испугается, когда увидит, что меня нет».

Возле хлебного магазина по-прежнему стояла длинная очередь, но уже успокоенная, медленно продвигавшаяся вперед. Лука теплыми руками потер уши и направился к дому. Мимо него кто-то промчался, бодро насвистывая. Лука сразу же узнал конопатого Альберта.

- Эй, Альберт!

Тот остановился и взглянул на Луку. Конопатый Альберт, очевидно, тоже узнал Луку, лицо его почему-то скривилось, наверно, он хотел улыбнуться.

- Иди сюда! — сказал Лука.

- Чего тебе? — в глазах у Альберта мелькнул страх.

- Говорю тебе, иди сюда!

- Чего тебе надо, вот пристал!

- Иди, говорю!

- Ну вот, пришел!

- Ближе!

— Ты думаешь, я тогда не приходил? Не такой я человек, Лука-джан, чтобы чужое барахло присваивать!

— Я ничего не думаю! — Лука вдруг схватил за шиворот конопатого Альберта, прижал к стене и сначала стукнул одним кулаком, потом другим.

Альберт прикрыл лицо обеими руками и опустился на колени. Лука со всей силы ударил его, и он растянулся на тротуаре. Лука и теперь не отставал, сел на него верхом и со всех сил колотил кулаками по лицу.

Конопатый Альберт орал и звал на помощь. Лука не успокаивался.

- Они покалечат друг друга!

- Этот негодяй убьет его!

- Помогите! — кричали из толпы.

Потом чья-то сильная рука схватила Луку за шиворот и оторвала от конопатого Альберта. Когда Лука поднял голову, над ним стояли двое мужчин. Один изрядно съездил ему по шее.

— Нашел слабака, паршивец?!
Луке наподдали еще раз.

— Убирайся отсюда, хулиган! — Мужчина наклонился и поднял распластанного на тротуаре конопатого Альберта.

— Вставай, вставай, не бойся!

На той стороне улицы забурлила, загудела хлебная очередь. Лука со страхом посмотрел на возмущенных людей — они размахивали кулаками, кричали, грозились. Если бы они не боялись потерять свою очередь, наверно, прибежали бы сюда и тогда бы Луке не поздорсвилось.

— Вы только поглядите на него, он еще здесь! — возмутился тот, который поднял и приласкал конопатого Альберта, поглядывая в поисках сочувствия на хлебную очередь.

Очередь совсем обезумела.

— Держите его, не пускайте!

— Приведите милиционера!

— Где милиция?

— Только что торчал здесь этот чурбан!

Лука повернулся и пошел к дому. Он шел избитый и подавленный. На ходу украдкой оглянулся на хлебную очередь, и при виде озлобленной толпы у него сякалось от обиды сердце. Он прислонился к стене автошколы, закрыл лицо руками и разрыдался.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Тетю Нато в тот же вечер разбил паралич — у нее отнялась вся левая сторона. «Кто теперь будет ухаживать за старушкой?» — с сожалением качали головами соседи. «Скорая помощь» приехала еще раз. Андукапар осторожно намекнул врачихе, что за больной ухаживать некому и лучше было бы положить ее в больницу. Врачиха отказала, виновато улыбувшись: «Мы вообще таких больных не берем, а тем более теперь, когда почти все больницы отданы под военные госпитали и лазареты».

— Что же нам делать? — спросил Андукапар.

— Не знаю, — ответила врачиха и, извинившись, вышла из комнаты.

Андукапар и Лука проводили ее до лестницы.

— Вы нас должны понять, — Андукапар взял Луку за плечо, — у больной нет никого, кроме этого мальчика. Разве он сможет ухаживать за такой тяжелой больной?

— Как вы не понимаете, гражданин! Какой смысл укладывать эту женщину в больницу? Да если бы даже смысл был, поверьте, ее вернут назад, у нас нет мест!

Врачиха ушла.

Андукапар и Лука вернулись в комнату. Богдана не отходила от тети Нато. Тетя Нато беспомощно лежала на своей кровати, с перекошенным лицом, отвалившейся челюстью, глаза ее были широко раскрыты, и она смотрела на Луку, как будто хотела что-то ему сказать, но не могла. Время от времени глаза ее наполнялись слезами, и Богдана вытирала платком ее мокрые сморщенные щеки.

— Вам ведь немного лучше, тетя Нато? — спросил Андукапар.

Тетя Нато молчала. Она не сводила с Луки широко раскрытых глаз, в которых стояли страх и отчаяние. Время от времени глаза вновь наполнялись слезами.

Лука не выдержал пристального взгляда тети Нато и отошел от кровати.

— Послушайте меня, тетя Нато, — говорил Андукапар, — не бойтесь... Богдана обещает ухаживать и за вами, и за Лукой... Она будет спать здесь, в галерее, если вы согласитесь, конечно. Впрочем, другого выхода нет, кто присмотрит за Лукой, да и за вами нужен уход...

Лука опять подошел к кровати и поглядел на больную, ему было любопытно, как она отнесется к предложению Андукапара, разрешит Богдане остаться здесь или нет. Тетя Нато и на сей раз никак не отреагировала. Только упорно смотрела на Луку.

Согласие тети Нато уже не имело никакого значения, и в тот же вечер было решено, что Богдана остается у Луки.

И она осталась.

Не прошло и недели, как соседка устроила Богдану на швейную фабрику ученицей мастера. Богдана получала теперь продовольственные карточки. Шить она научилась очень скоро и приносила домой солдатские галифе и гимнастерки. Покончив с хозяйством, она садилась за швейную машинку тети Нато и работала до поздней ночи.

Очень трудно было ухаживать за большой старушкой и за Лукой, да при этом еще работать на фабрике. Но Богдана все успевала и делала все это на диво ловко. Даже оставалось свободное время. Это свободное время они проводили вместе — Лука, Богдана и Андуканар. Мирно беседовали, играли в лото.

Но Лука иногда догадывался, чувствовал, а иногда и просто замечал, что Андуканару и Богдане хочется побыть вдвоем. Тогда он оставлял их и шел заниматься или гулять с товарищами.

В одно воскресное утро Андуканар попросил Луку пойти с Богданой на Сабурталинскую толкучку. Богдане, сказал он, нужно кое-что купить, ты пойдешь, а я присмотрю за тетушкой.

Лука с удовольствием сопровождал Богдану на рынок. Богдана купила пальто, платье и туфли. Наконец-то она скинула свой рваный ватник и старые сапоги и нарядилась в новую одежду. Лука не поверил своим глазам. Он никогда не думал, что одежда может так изменить человека.

Андуканар и Лука сидят за столом и не сводят с Богданы восхищенных глаз. Она только что вошла в комнату и кокетливо прохаживается перед ними в поношенном драповом пальто с кроличьим воротником. Потом Богдана снимает пальто, аккуратно вешает его на вешалку и остается в скромном платье, сшитом из грубой серой шерсти. Сияющая, счастливая, раскинув руки, стоит она перед ними и улыбается — полюбуйтесь: вот она я!..

Андуканар и Лука захопали в ладоши, Богдана вежливо поклонилась обним, потом снова прошлась, подчеркнуто покачивая высокими бедрами и оглядывая себя со всех сторон, чтобы убедиться, хорошо ли сидит на ней платье.

В субботу вечером явился представитель ЗАГСа со своим журналом и оформил брак Андуканара и Богданы. Свидетелями выступили коротышка Рубен и Иза. Лука, разумеется, тоже присутствовал, но в свидетели он не годился.

Свадьбу «справили» в тот же вечер. За столом сидели пятеро: Богдана, Андуканар, Рубен, Иза и Лука. Первый тост за молодых поднял Рубен Налбандишвили, пожелал им здоровья, долгой жизни и счастья. Потом он извинился, сославшись на занятость, надел свою огромную кепку и распоролся со всеми. Богдана и Андуканар сердечно его поблагодарили, ибо именно ловкий и обходительный Рубен привел домой представителя ЗАГСа.

Богдана и Андуканар сидели во главе стола. И один и другая выглядели очень довольными и счастливыми. Андуканар был в белой крахмальной сорочке и в своем старом костюме. Он был тщательно выбрит и причесан. Богдана была хороша, как всегда. Правда, рядом с Изой ее красота немного бледнела и выцветала. Иза сидела напротив Луки и он глядел на нее, разинув рот, как на огонь, пылающий в камине. Иза постоянно двигалась, не могла усидеть на месте, много говорила и то и дело поправляла свои золотые волосы, которые закрывали почти половину лица. «Крашенные, — думал Лука, — таких волос не бывает на свете». Но у Изы были именно такие волосы — блестящие, воздушные и в то же время тяжелые, как само золото. Из-под каштановых ресниц глаза ее источали томный фиалковый свет.

— Тамадой я назначаю Луку! — сказал Андуканар, и его предложение с радостью поддержали Богдана и Иза.

Лука смущенно пожегил и стал отказываться.

— Это должно быть непременно так, Лука. Кто же может быть тамадой на моей свадьбе, если не ты! Ты мой единственный друг, и я прошу тебя мне не отказывать, — с улыбкой продолжал Андуканар.

— Но я не умею!

— Делай как умеешь, как видел, как слышал.

На столе стояли две бутылки вина, купленные у крестьянина на базаре, красовался тушинский сыр, винегрет из картофеля и свеклы и заправленное Андуканаром лобио. Винегрет готовила Богдана.

— За здоровье Богданы! — поднял стакан Лука.

— О-о! — воскликнула Иза и моментально осушила свой стакан.

— Помнишь, Лука, — заговорил Андуканар, — ты меня спрашивал, существует ли счастье? Тогда я тебе ничего не ответил, а сейчас говорю: бог дал и мне счастье, и это счастье зовется Богдана.

Андуканар сам на себя был не похож. Это Лука заметил только сейчас, но не стал заострять на этом внимания, ибо слова Андуканара напомнили ему тех двух мужчин в серых халатах, которые гуляли во дворе сумасшедшего дома и мирно беседовали.

Иза налила себе вина и молча выпила. Потом положила лобио на тарелку и потянулась за хлебом.

Богдана подняла свой стакан и спросила:

— А что я должна делать?

— Ты должна нас поблагодарить, а потом выпить! — ответил Андуканар.

— Спасибо! — улыбнулась Богдана и выпила вино до дна.
— Я еще не закончил тоста! — сказал Лука. — Вместе с Богданой и Людой за Андуканара!
— О-о! — снова воскликнула Иза, наполнила стакан и так же выпила и осушила его.

Лука тоже отпил вино, недовольно поморщился и взглянул на Андуканара: только ради друга можно пить такую гадость! Андуканар с восхищением смотрел на Богдану. Сейчас для него не существовало никого в целом свете, кроме нее. Всегда отзывчивый и внимательный, сегодня он никого не замечал. Иногда он затихал, как будто прислушивался, но из нескладного и равнодушного ответа было видно, что его мысли были далеко отсюда.

— Я бы сейчас с удовольствием потанцевала! — сказала Иза. — Но нет ни музыки, ни кавалера..

Приятное тепло пробежало по всему телу Луки, и он почувствовал, как весь обмяк и раскис. У него немного закружилась голова, он без всякой причины заулыбался, как дурачок, и почесал затылок. Потом взял бутылку и снова наполнил стаканы.

— Если бы Рубен не ушел, я бы с ним потанцевала... без музыки... Чтобы потанцевать, вовсе не обязательна музыка. Нет, конечно, приятнее, если музыка играет... Хочешь, Лука, потанцуем?

— Я не умею.

— Когда мы кончили школу, собрались в доме у моего одноклассника. У нас был выпускной вечер. Мы всю ночь танцевали... Столько, столько, столько... что на ногах уже не стояли... А я вдобавок опьянела... — Иза рассмеялась... — А потом меня выгнали.

— Почему? — встревожилась Богдана.

— Ко мне прицепился отец моего товарища. Сначала потанцевал со мной, потом сел рядом и все норовил меня обласкать, стал приставать, чтоб я вышла с ним на балкон, — тут Иза опять рассмеялась, теперь уже совсем громко, — я взяла и вылила ему на голову стакан вина. Его толстая супруга возмутилась и велела мне немедленно убираться. Я, конечно, убралась, но вечер был испорчен. А этот бедняга был вообще-то ничего себе, красивый мужчина... Говорят, он погиб на войне.

— Давайте выпьем за тех, кто погиб на войне! — провозгласил Андуканар. — Только учти, Лука, твоего отца я не включаю в число погибших. Гоги жив! Запомни мои слова! Итак, вечная память героям!

— О-о! — Это опять Иза.

Вместе со всеми и Лука осушил свой стакан. Он прекрасно понимал, что Андуканар утешал его и поэтому говорил, что отца не считает погибшим, но это обижало Луку: зачем его утешать, когда отец в самом деле жив! Дело в том, что Лука внутренне не поверил в смерть отца, не принял известие близко к сердцу. Возможно, эту веру внушила ему Богдана. Они часто по ночам оставались вдвоем в галерее у швейной машинки, и Богдана рассказывала ему разные истории о тех солдатах, которых считали погибшими и которые потом возвращались домой, словно восстав из мертвых.

— Я хочу танцевать! — вскричала Иза.

— Есть такая русская поговорка: «В доме повешенного о веревке не говорят», — с улыбкой заметил Андуканар, — но ты находишься в доме у такого повешенного, где разговор о веревке никого не обижает.

— А что мне делать, если я хочу танцевать?

— Это уж я не знаю! Я сам огорчен, что Рубен ушел.

— Я тоже! — Иза опять налила себе вина. — Видно, в этом дворе он — единственный мужчина, с которым можно потанцевать!

— Иза! — Богдана взяла ее за руку. — Как тебе не стыдно, Иза!

Иза не обратила на Богдану никакого внимания.

— Кто мог танцевать, сейчас на фронте, родину защищает!

— Как ты можешь так говорить, Иза?

— Я не хочу войны! Я жить хочу! Я создана для жизни, для роскоши и баловства. Ты думаешь, Богдана, я не знаю себе цены? У кого еще есть такие волосы, такие глаза, такие губы, — Иза встала, — или такая грудь, такая талия, такие ноги, — она отставила правую ногу в сторону и высоко подняла юбку.

— Успокойся, — сказала Богдана, — у тебя очень красивые ноги.

— Знаю!.. Но для чего они мне?!

— Все будет... Подожди немного и дождешься своего часа.

— Когда же?

— Скоро.

Лицо у Изы пылало от выпитого вина.

— Давай, Лука, потанцуем!

Лука почему-то засмеялся.

— Чего ты смеешься?

— Не знаю... Мне смешно. — Лука ословел от вина, и ему уже все равно.

— Чуть не забыла! — вдруг вскричала Иза и на минуту умолкла. После паузы спросила: — А что за человек Датики Бершвили?

— Кто? — Андукапар, целовавший Богдане руку, поднял голову.

— Датики Бершвили.

— А почему ты спрашиваешь?

— Так просто.

— А все-таки?

Все насторожились.

— Он мне обещает счастливую жизнь.

— Но у него ведь есть жена?

— Несмотря на это, он мне обещает!

— А что ты сама думаешь, какой он может быть человек?

— Я ничего не думаю.

— Иза! — Богдана тоже встала и, обняв девушку за плечи, увела ее в глубь комнаты. — Постесняйся хотя бы ребенка! Стыдно!

— А разве я не была ребенком? Кто меня пощадил?!

— Ну и что в этом хорошего?!

— Оставь меня в покое, я хочу танцевать! — Иза вырвалась из рук Богданы и начала плясать посреди комнаты. — Да здравствует веселье!.. Мне жарко! Я снимаю платье!

— Иза!

— Иза.

В дверь осторожно постучали.

— Кто там?

— Это я, Ладо.

— Входите, дядя Ладо! — пригласил Андукапар.

— Твой дед пришел! — остановила Богдана продолжавшую кружиться в танце Изу.

Дверь открылась, и в комнату вошел дядя Ладо, улыбнулся и снял шапку. В грубых больших руках он держал несколько букетиков цикламенов. Он подошел к Богдане и преподнес ей цветы, поцеловал ее, обнял Андукапара.

— Поздравляю вас, дорогие, будьте счастливы! — сказал дядя Ладо. — Я принес вам первые весенние цветы.

— Лука, налей дяде Ладо вина!

Лука был уже на ногах, достал чайный стакан из комода и вылил в него остаток вина из бутылки. Дядя Ладо только протянул руку, чтобы взять стакан, как Иза неожиданно для всех, кинулась к нему, обняла и начала умолять:

— Идем домой, дедушка, идем!.. Я больше не могу!

— Постой, дочка... Дай мне благословить молодых!

— Нет, уйдем отсюда, сейчас! — проявляла Иза непонятное нетерпение, плакала, топала ногой, торопила старика, как будто каждая минута имела решающее значение.

— Ладно, — спокойно ответил дядя Ладо. — Если так, то пошли.

И они ушли.

Оставшиеся безмолвно переглянулись. Потом Андукапар улыбнулся Богдане и глазами попросил ее сесть рядом с ним. В комнате установилась необычная тишина — гнетущая, отчуждающая, и Лука понял, что пора уходить.

— Я пойду, — сказал Лука.

— Посидим немного... Ведь завтра воскресенье. — Богдана обняла Луку за плечи рукой, в которой держала цветы, подаренные дядей Ладо.

— Нет, я пойду, лягу спать.

В галерею просачивался из комнаты бледный свет. На столе стояла швейная машина. Там же в беспорядке валялись солдатские гимнастерки. Еще вчера Богдана сидела здесь и строчила до полуночи. Лука с болью подумал, что завтра она так же вынесет эту машинку в комнату Андукапара, как сегодня унесла свою постель.

Грусть пустоты и одиночества нависла над ним. Он осторожно вошел в комнату, где спала тетя Нато, взял лампу и пошел к себе. У него кружилась голова и тошнота подступала к горлу. Он поставил лампу на комод, а сам сел на стул.

Богдана огоньком надежды жила в галерее, и Луке показалось, что он так же потерял эту надежду, как в тот злосчастный день потерял последнюю рубашку на берегу Куры. Чувствуя себя ограбленным, он сидел в своей комнате охваченный страхом. Это был страх одиночества, пустоты, безлюдья... пустынности.

Лука не раздевался и не ложился спать, потому что боялся... Чего? Этого он и сам не знал.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Почему ты не дал мне телеграмму?! Что за неуважение, я не понимаю! — это соизволил приехать почтенный Поликарпе, который откуда-то прослышал о болезни тети Нато и поспешил сюда, чтобы в трудную минуту быть рядом с «близкими». — Неужели ты не мог мне сообщить, что моя тетушка так тяжело больна, головастик несчастный!

Обруганный Лука стоял в углу. Ничего на свете не могло его обидеть так, как слова Поликарпе Гиркелидзе. Весь день Луке казалось, что у него в самом деле огромная распухшая голова, которая не держится на плечах и падает. Все прохожие с удивлением на него глядят: ну и головастик!

Лука даже не вспомнил про почтенного Поликарпе, он и не нуждался в нем. А если бы и вспомнил, то все равно не знал, куда посылать телеграмму и кому. Не спрашивать же у тети Нато, которая двух слов не могла связать, как найти почтенного Поликарпе!

Поликарпе в два дня уладил все дела: Луку выставил в галерею, а сам поселился во второй комнате. И как видно, навсегда. В ту комнату уже без спросу никто войти не мог.

Тетя Нато недвижно лежала на своей кровати и, лишённая дара речи, глядела в одну точку. Время от времени глаза ее наполнялись слезами и потом снова надолго высыхали.

Богдана по-прежнему за ней ухаживала, ни на минуту не переставала о ней заботиться.

— Что это за женщина? — спросил Поликарпе, когда впервые увидел Богдану.

— Жена Андуканара, — ответил Лука.

— Ого, крепко же она на ногах стоит, как я посмотрю! — не мог скрыть восхищения Поликарпе. При этом отвратительная, тошнотворная ухмылка скользнула по его губам: — Справится ли Андуканар с такой женщиной? Ай-ай-ай!

По воскресеньям Поликарпе уносил из дому какие-то вещи на Сабуртлинскую толкучку. Лука не смел ничего ему сказать. Правда, он пожаловался Андуканару и Богдане, но что они могли поделать? Поликарпе был близким родственником и сейчас явился в роли покровителя и защитника. Так кто же посмеет его упрекнуть?

Сразу же по приезде он подружился с Датико Бершвили и каждый день копошился возле голубятни Рубена-Коротышки, где теперь был склад бумажных пакетов.

В один прекрасный день он заявил Луке:

— Другого выхода у нас нет, придется обменять с Датико Бершвили квартиру, он дает большие деньги.

— Тетя Нато не согласится.

— Кто ее спрашивает? Что она понимает? Не сегодня-завтра отправится следом за сестрой... А ты знаешь, во сколько теперь обходятся похороны? Очень дорого! Смотри, мой милый, как бы наша тетушка не осталась непогребенной!

— Но ведь она еще жива?!

— Разве это жизнь, дорогой?! Считай, что она на восемьдесят процентов уже в могиле, если не больше! Ладно, допустим она жива, еще дышит. А что ты будешь делать, когда она умрет? Где ты возьмешь деньги?

— Не знаю.

— То-то же! И я не знаю! Поэтому завтра же начнем готовиться к переезду.

— Ничего у вас не получится.

— Вы только на него поглядите!

— Тетя Нато не согласится.

— А я ее не спрашиваю.

— Я не перееду.

— Ты?! Не переедешь?!

— Нет!

— Ну, тогда я умываю руки и ты сам хорони эту рухлядь как хочешь!

— Она жива и нечего ее хоронить.

Лука пошел в школу совсем расстроенный. «Чего ему надо, что он к нам пристал, — думал он по дороге, — что-то я не слышал про таких родственников!» Про себя он твердо решил не уступать, кроме того, он представил себе не мог, как они переберутся в комнату Датико Бершвили, как перенесут тетю Нато. Он был уверен, что тетю Нато не донесли бы до первого этажа, она бы наверняка по дороге скончалась.

Возле школы ему повстречался Ираклий. Он стоял, прислонясь спиной к стене и курил папиросу. Мне сегодня неохота идти в школу, заявил он, пройдемся, если надоеет гулять, вернемся на второй или третий урок. Лука, видно, тоже не очень стремился в школу, поэтому он сразу согласился на предложение Ираклия, и оба не спеша побрели по улице. Некоторое время они бесцельно шатались по проспекту, потолкались возле кинотеатра, но ни у одного, ни у другого не оказалось денег, и пришлось вернуться обратно.

В школу они пришли к большой перемене.

В коридоре Луку остановил классный руководитель Закария Инцкирвели.

— Сегодня ты тоже опоздал?

— Да.

— Как себя чувствует тетя?

— Плохо.

— Никогда не соберусь ее навестить.

— Ей очень плохо.

— Может, не стоит ее беспокоить?

— Не знаю.

— Лука, пооди сюда и ответь мне на один вопрос... — Закария Инцкирвели взял Луку за локоть и отвел в конец коридора: — Я слышал, что несколько ребят делят между собой хлебный паек всего класса... В чем дело? Разве остальные отказались от своей доли? Как вообще это получилось?

— Я не знаю.

— Ничего не бойся, скажи мне правду.

— Хорошо.

— На сколько человек вы делите этот хлеб?

— На троих. Ираклий Девдариани, я и Мито Чантладзе.

— На троих?

— Да!

— Целую буханку?

— Да.

— А что говорят остальные?

— Ничего... Не знаю... Мне сказал Ираклий Девдариани, что все согласны, чтобы мы делили между собой.

— Может, он запугал ребят?

— Не знаю.

— Может, он пригрозил всем? Ты понимаешь меня?

— Я не знаю...

— Я, конечно, не имею морального права, но сейчас такое трудное время...

Если класс не против, если это делается с общего согласия, может, мы... а? Как ты думаешь? Может, будем делить этот хлеб на четверых? Но если ребята против, в таком случае мы совершим позорное, постыдное дело.

— Мне этот хлеб совсем не нужен, — Лука вдруг вспомнил, что принесенный им хлеб до крошки съедал Поликарпе.

— Нет, нет, что ты! Как это тебе не нужен хлеб?! Ты мне только скажи, не выражают ли недовольства ребята?

После уроков Лука отнес свою долю хлеба учителю. Тот взял хлеб и поблагодарил Луку, потом украдкой сунул в свой необъятный портфель и довольный отправился домой.

Лука тоже был очень доволен. Во-первых, он обрадовал классного руководителя, которого дома ждали четверо голодных внучат, и во-вторых — сегодня этот хлеб не достанется ненасытному Поликарпе Гиркелидзе.

У школьного подъезда Луку ждала Майко, она сказала, что за углом его подстерегают Мито и Ираклий. Они на самом деле поджидали Луку. Ираклий курил, глубоко и часто затягиваясь, видно, был сердит. Мито стоял в стороне и виновато шарил по сторонам глазами.

— Где твой хлеб? — спросил Ираклий, завидев Луку.

Лука, не ждавший такого вопроса, растерянно молчал.

— Куда ты девал свою долю, я спрашиваю?

— Отдал учителю.

— Зачем?

— Не знаю... Он попросил, и я...

— Ах, попросил?! А откуда он узнал, что мы делим хлеб на троих?

— Не знаю.

— Не знаешь, а вот сейчас узнаешь! — Ираклий размахнулся и дал Луке затрещину.

У Луки потемнело в глазах, он покачнулся, выронил из рук портфель и, получив вторую оплеуху, упал на спину, почувствовав сильную боль в голове. Наверно, он крепко ударился затылком о мерзлую землю. Лука открыл глаза, над ним стоял обозленный Ираклий и непотребно ругался. Потом Ираклий на-

клонился, схватил Луку за грудки и хотел его поднять. Лука невольно, почти бессознательно согнул правую ногу и ударил его в подбородок носком ботинка. Ираклий вскрикнул и сирючился. Прежде чем Лука успел встать, Майко как безумная подскочила к Ираклию и треснула его портфелем по голове.

Лука почувствовал, что силы его на исходе, весь он был разбит и раздавлен и еле держался на ногах. Тем временем Ираклий очухался, схватил Майко и со всего размаху швырнул ее к Луке. Они столкнулись лбами, и оба упали. Ираклию этого показалось недостаточно, он поднял их обоих и хорошенько избил. Потом, ругаясь, пошел по улице, вернее — побежал.

Майко и Лука горько плакали, съезжившись в нише школьного здания. Вдоволь наплакавшись, они страхнули друг с друга пыль и медленным, усталым шагом потащились к дому. Лука думал, что их встретит Мито, но Мито нигде не было видно. Он или удрал, или побежал вслед за Ираклием.

Лука видел, как наливается шишка на лбу Майко и как вздувается фонарь над правым глазом. Наверно, я еще хуже выгляжу, подумал он, но сейчас его совсем не тревожило то, что он сам был избит, ему доставалось и покрепче. Хотя Майко ударила Ираклия сумкой, он никак не думал, что Ираклий поднимет руку на такую слабенькую девочку. Но он не только поднял на нее руку, но и избил хорошенько. У Луки опять навернулись на глаза слезы, и если бы он не напряг всю свою волю, наверное, снова расплакался бы.

Они шли молча, грустные и задумчивые. Лука вспомнил Мито: тоже хорошо — если бы он нам помог, может, втроем мы как-нибудь справились бы.

Лука не думал о расплате, о мести, потому что знал, что не сможет никогда расквитаться с обидчиком, а если такой день и настанет, то так нескоро, что уже не будет иметь никакой цены. Слишком много воды утечет за это время. Поэтому Луку душила обида, и он не шел, а волочил бессильные, словно тряпки, ноги.

Майко и Лука вышли на свою улицу. Там, где до войны был кондитерский магазин, Майко остановилась и сказала Луке:

— Знаешь что, Лука? Мне так захотелось микадо.

— Микадо?

— Помнишь, здесь одна женщина продавала микадо?

— Помню.

— Вкусно было, правда?

— Вкусно.

— Ты тоже любил?

— **Очень.**

— Я всегда собирала деньги, чтобы на обратном пути из школы купить микадо, любила больше всех пирожных... Помнишь, они были такие воздушные... треугольные...

— Помню...

— Когда кончится война, их опять, наверно, будут продавать?

— Нет... хотя почему нет... Я и по нуге соскучился, Майко!

— По нуге?

— Нет... хотя как нет... Очень хочется и нугу тоже.

— А что еще? Мороженое?

— И мороженое... Но больше всего я соскучился по футболу... Знаешь, что я сейчас вспоминаю очень часто? В прошлом году папа приехал, чтобы забрать нас на Украину, и мы с ним пошли на футбол. Рубен даже дал мне с собой одного голубя. Паичадзе забил гол, и весь стадион встал на ноги. Я выпустил голубя... Было так хорошо! А потом папа купил мне микадо, нугу и мороженое.

Майко и Лука остановились возле церковного двора и долго стояли молча.

— Что ты скажешь дома?

Майко задумалась, а потом ответила:

— Что-нибудь придумаю.

— Эх, что было было! — Лука махнул рукой, резко повернулся и побежал.

Перевод Анаиды БЕСТАВАШВИЛИ

Окончание следует

ბაგდაში

Р о м а н

Тут поднялся невообразимый гвалт, хохот, свист, потому что все знали историю Беко.

Беко вырвался из рук лектора и убежал...

Зина присела к столику музыкантов:

— Ох, устала...

Она улыбнулась и поправила спадавшие на лоб волосы. Беко подал ей стакан:

— Выпейте, это боржоми.

— Спасибо. — Она отпила, отставила стакан и поглядела на Беко.

— Спасибо, — повторила она.

Она не сводила с Беко глаз, словно пыталась вспомнить, откуда его знает. Беко поднял голову, и некоторое время они смотрели друг на друга. Потом

Зина обратилась к сыну:

— Датуна, тебе не пора спать?

— Нет, — ответил мальчик. Он уперся ладошками в колени Беко и попросил: — Расскажи еще что-нибудь.

— Он к вам привязался, — сказала Зина, — весь вечер от вас не отходит.

— Хороший малый, — Беко погладил Датуну по волосам.

Зина смотрела теперь в сторону большого стола, рука ее лежала на скатерти и указательный палец отстукивал нервную дробь. У нее была узкая худая кисть. Вздутые вены голубели сквозь кожу, на руке было три кольца — одно с бриллиантом, два попроще.

Против всяких ожиданий близость Зины не радовала Беко, а напротив, злила, раздражала.

— Вам, наверно, скучно? — спросила Зина, не глядя.

— Мы работаем, — отрезал Беко, — нас позвали развлекать гостей, за это нам платят.

Зина взглянула на Беко: его тон смутил ее.

— Извините, — проговорила она тихо. И почему-то представила себе того скрипача с карманами, набитыми яблоками, мерзнущего у могилы тети Ито.

Глаза у Зины были бесцветные. Возможно, от усталости. В уголках рта залегли две глубокие морщины, придававшие ее длинному худому лицу унылое выражение.

— Как вас зовут? — спросила она.

Продолжение. Начало в №№ 1, 2.

Беко почувствовал, как внутри у него что-то оборвалось, оставив вместо себя сосущую пустоту. Такое с ним случалось только в лифте, который смонтировали в новом санатории. «Притворяется», — подумал Беко и только успел распрямиться, как она снова отвернулась, словно позабыв, о чем спрашивала.

- А вас, вас как зовут? — у Беко срывался голос.
- Что вы сказали?
- Как вас зовут, я спрашиваю? — он почти кричал.
- Зина, — улыбнулась она.
- А меня — Беко.
- Знаю.

«Зачем же тогда спрашивать? Из вежливости? Большое спасибо! Мне ваша вежливость не нужна и ваше милосердие тоже. Оставьте их для себя. С меня хватит! Благодарю, благодарю, что заговорили со мной, спросили, как меня зовут. Знали, а все равно спросили. Это уж чересчур. Это царская милость. Спасибо, что сели к нашему столику, спасибо, что руку положили на нашу спатерть, руку в бриллиантах, похожую на расфуфыренную старуху. Убереите, никому она не нужна, ваша рука...».

Беко, конечно, знал, что люди часто ошибаются, невольно причиняют боль, ненамеренно, без всякого злого умысла, поэтому мы, поскольку живем рядом, закрываем на это глаза и терпим друг друга.

«Допустим, я не закрою глаза, — думал он, — допустим, не хочу закрывать глаза, что тогда?»

Гнев душил его. Он дотянулся до пачки сигарет, лежащей на столе, достал одну сигарету и заметил, закуривая, как дрожит у него рука. Никотин одурманил его и немного успокоил.

— Да, меня зовут Беко, — повторил он.

Зина перевела удивленный взгляд с него на свою руку, лежащую на столе, словно только сейчас ее заметила, словно забыла о ней, как о вещи, ей не принадлежащей. Она убрала руку и что-то хотела сказать. Губы ее задрожали, и Беко увидел, как она покраснела. Потом она улыбнулась, эта улыбка взбесила его: так улыбаются взрослые в ответ на детскую шалость.

— Дорогая Зина! — закричал в это время тамада. — Ваше здоровье!

Зина встала.

— Не стоило беспокоиться! — Она подозвала Датуну: — Иди, деточка! — поставила его рядом и обхватила рукой за плечи.

Это был самый сложный тост. Не один тамада свернул на этом деле шею, не раз плачущая Зина выбегала из комнаты, оставляя орошенного тамаду в глубоком недоумении.

— Музыка, туш! — распорядился Беко.

— Тс-с! — зацыкали гости.

Зина стояла улыбаясь. Она знала, как трудно в этом доме поднять тост за ее здоровье, но всем придется потерпеть минут пятнадцать, и ей в первую очередь.

Тамада говорил громко и быстро. Все как будто было понятно, но если вдуматься — суцая бессмыслица. Он ловко обошел имя Теймураза. Возможно, и упомянул о нем, но так, что никто не понял. Закончив речь, он приник к огромному рогу, а музыканты грянули туш. Гости окружили Зину.

— Будьте здоровы!

— Здоровье замечательного педагога!

— Живите на радость нашим детишкам...

Зина улыбалась.

— Спасибо, спасибо...

Потом тамада велел музыкантам замолчать и затынул «Мравалжамиер», гости поддержали.

К Зине подошел свекор.

— Будь здорова, доченька, — он поцеловал ее в лоб, осушил рог до дна и, опрокинув, постучал ободком по ногтю: — Пусть у тебя столько же врагов останется!

— Откуда у меня враги? — улыбнулась Зина.

— Не пора ли ребенку спать? — осведомился Нико.

— Конечно, конечно, — заторопилась Зина, обрадовавшись поводу покинуть гостей.

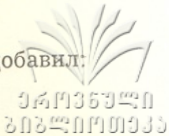
— Не хочу, не буду спать, — Дато вцепился Зине в подол.

— Ступай, родной, спать, — Нико похлопал его по щеке. — Ты уже совсем большой, тебе шесть лет исполнилось.

— Если большой, почему я должен идти спать? — Дато поднял глаза на деда. — Вы же не спите?

— Копия дедушки! — умилились гости.

Зина наконец увела Датуну.

— Пусть еще немного побудет, -- сдался было Нико, но поспешно добавил:
 — Нет, ступай, ступай!
 И тогда разгорелось настоящее веселье.
 Духу поставил на голову бутылку и пошел танцевать.
 Другие тотчас присоединились к нему, с грохотом отодвигая стулья. Со стола упал и разбился стакан, задребезжала посуда, загудела и заходила ходунком вся комната.

Лектор, уившийся как деревенский родственник на городской свадьбе, не отставал от Беко:

— Куда ты от меня убежал, Ромео!

— Беко! — Ему показалось, что кто-то грянул бутылкой об стену. Он обернулся в ту сторону, откуда раздался женский голос. Но какая-то пелена застилала взор, и он ничего не увидел. Некоторое время Беко сидел, уставясь в одну точку.

— Беко! — Беко встал. Зина была рядом, а ему казалось, что голос ее доносится издалека.

— Дато никак не заснет, зовет вас к себе.

Она, видимо, пудрилась в спешке, и получилось не очень аккуратно. Беко отвел глаза.

— Дальше? — спросил Дато, когда Беко присел возле его кровати.

— Что дальше?

Мальчик обеими руками сжал руку Беко. У того екнуло сердце.

— Хватит, Датуна, спи, — сказала Зина, которая стояла в дверном проеме, скрестив на груди руки.

«Сюда не смотрит, — подумал Беко, — значит, я все-таки для нее что-то значу!»

«Сказать или нет, чтобы не смел больше звонить? — думала Зина. — Нет, нет, лучше делать вид, что никаких звонков не было. Молокосос, лоботряс, наглец...»

— Ну так вот, в один прекрасный день придут пришельцы из космоса и заберут с собой Спинозу.

— Не вбивайте ребенку в голову чушь, — вмещалась Зина, — он может поверить в это.

— Все так говорят, — насунился Дато, — потому что это правда.

— Вы знаете Спинозу? — спросил Беко. — Он сам в это верит.

— Я вам запрещаю, — повысила голос Зина, хотела добавить: «запрещаю со мной разговаривать», но вовремя сдержалась и сказала негромко: — Не надо, пожалуйста, потом он бредит этими историями.

Беко понял, почему она на него кричала: она-то хорошо знала, кто ей звонит.

Беко остановился на лестнице. От выпитого вина голова казалась пустой и легкой, но пьяным он не был. Так сам и думал: я не пьян. Только задышался и жадно хватал ртом воздух. Сбежал по лестнице и стал кататься по траве. Некоторое время лежал навзничь, подложив руки под голову, смотрел в небо, потом встал и пошел к воротам.

Беко позвал кто-то из темноты: — Иди, иди сюда! — У забора стоял Духу. Он застегнул пуговицы и обнял Беко за плечи. Заикаясь от избытка чувств, воскликнул:

— Какая ночь, а?!

Беко попытался высвободиться, но Духу держал его крепко.

— Постой, — хихикнул Духу, — постой, ты в самом деле сказал, что нету платонической любви?

Беко ничего другого не оставалось, и он укусил Духу в плечо. Духу завопил от боли и неожиданности, а Беко выскользнул; однако у Духу оказалась быстрая, как жало змеи, рука.

— Ах ты, сукин сын!

Беко закрыл лицо руками, сквозь пальцы просачивалась кровь.

— Что ты наделал! — Духу потирал укушенное плечо. — А ну, покажи! — Он с трудом отвел руки Беко от разбитого лица. — Губа, понимаешь, рассечена, — расстроился он, — на что это похоже! — Достал из кармана платок: — На, приложи, я ведь тебя как родного сына люблю, а ты, бесстыдник! А если бы я тебя убил и меня бы посадили на двадцать лет? Тебе бы не жалко было? Что я тебе такого сказал? Чего это вы, молодые, как слепни, кусаетесь, осата-нели совсем!

Он отобрал у Беко платок, намочил его под краном, выжал и снова протянул Беко.

— Прикладывай, и все пройдет, завтра и не вспомнишь об этом.

У Беко рот был полон крови. Он сплюнул.

— Вот так, — сказал Духу. — Ладно, Бекуна, прости меня. Я от боли рассудок потерял, — он был искренне опечален, — рука у меня тяжелая и мне не подчиняется, иначе я бы тебя в жизни не ударил!

Беко пошел к воротам, прижимая к губам платок. Духу продолжал говорить, но он его не слышал. В ушах стоял звон. Как слепой Беко выбрался на улицу и тотчас столкнулся с Ираклием и Ладо.

— Можешь не рассказывать, — предупредил Ираклий. — Мы своими глазами видели, как Духу тебе врезал. Но вмешиваться не имело смысла!

У Беко от боли выступили на глазах слезы.

— «Поскольку плачешь, значит — человек!» — продекламировал Ираклий. — Человек родился! — завопил он. — Человек! При свете звездной коптилки, в абстрактных яслях природы, беспечный и вольный, как жеребенок! Но массивный, словно рояль, его мозг уже звучит и играет, слышите?

— Завелся, болтун, — огрызнулся Ладо, — не видишь, он весь в крови!

Несмотря на боль, Беко был в прекрасном настроении. Мучительный нарыв в его душе наконец лопнул, и он испытывал невероятное облегчение. И слезы помогли, потому что была не горечь и обида, а глупость, превратившаяся в соленую воду (он так именно и подумал).

— От...куда... вы... здесь... появились? — с трудом выговорил он.

— Мы от Лили идем, — сказал Ладо.

— Беко, тебя надо немедленно окунуть в воду и обмыть, — объявил Ираклий, — такое правило. Затем младенца, подкидыша, обернутого тонкой пеленой слез, отнесем к порогу «Родника надежды».

Они бежали к морю.

— Обмоем, окунем! — кричал Ладо.

Когда они поравнялись с дачей известного писателя, Ираклий остановил друзей:

— Лучше здесь, в бассейне!

Ладо стукнул себя кулаком в грудь:

— Умру, если не искупаюсь в этом бассейне!

Калитка была заперта, Ладо с Ираклием перелезли через забор и впустили Беко:

— Гряди, чадо!

Беко едва ступил во двор, как они водрузили его на «золотой трон» и потащили к бассейну.

— Бассейн, бассейн, старый бездельник, — возгласил Ираклий, — прими новорожденного Бекину Сисордия, омой его своими прохладными водами, пощекочи его розовые пяточки своими водорослями, развесели и верни его нам смеющимся! Раз, два и-и... три!

Беко, одетый, плюхнулся в воду, Ладо и Ираклий прыгнули следом. Они возились, ворочались в бассейне, как дельфины, поднимали тучи брызг, шлепали по воде руками, кричали дикими голосами. Они вскакивали друг другу на плечи, хватались за ноги, ныряли, ходили колесом.

Вода кипела и выплескивалась из бассейна, словно хотела убежать, но ребята держали ее за подол и не отпускали, они кусали ее, проскальзывали меж ее ног, хлопали ее по животу, и им казалось, что они с кем-то играют или борются, с кем-то, кто тоже вместе с ними находился в бассейне, обезумевший от страха, ослепшим зверем бившийся о бетонные стены.

Беко больше не чувствовал боли. Он вообще ничего не чувствовал, кроме восторга, который выделялся из всех пор его существа и растворялся в воде. Уже не было границы между ним и водой, между ним и товарищами. Все они: Беко, Ираклий, Ладо и вода составляли одно восторженное целое, массу, которая кипела без огня в каменном котле и в одно прекрасное мгновение могла перемахнуть через четырехугольный борт бассейна и с бесконечностью, рожденной собственными недрами, разлиться, распространиться по двору, по улице, по всему городу, по полям, лесам, она могла ворваться на вокзал, наполнить целый состав, и вагоны, начиненные радостью, понесутся за другими вагонами, и по дороге во все затемненные окна будут врываться синие факелы счастья, и тогда вся земля покроется маленькими островками, пылающими огнем восторга.

Весь мир спит. Глубоким спокойным сном, разметавшись на подушках и приоткрыв рот, словно ему высыпают на язык порошок. А трое детей купаются в бассейне.

Бассейн клокочет. Застоявшаяся старая вода бьется о стены. Дети отфыркиваются, истошно вопят. Рвущиеся из бассейна их бодрые голоса, как птенцы большой и сильной птицы, устремляются к небу, но постепенно блекнут, редеют, как лоскуты, привязанные бесплодной женщиной к ветке культового дерева.

Это та самая пора, когда все и вся предается сну. Спит каждое дерево, каждый камень, спит вся вода, кроме той малюсенькой капли, которую сейчас терзают мальчишки, как пойманную в школьном дворе ябеду-однокласснику. Спят Александр и Нуца, спят гости доктора Нико, спит Зина, а уж о Датуи не говорить нечего. Спят дочери директора музыкального училища, вечные абитуриентки, спят усталые рабочие рыбозавода, спит Натела Тордуа на широкой кровати рядом со своими четырьмя приемьшами. Спит Лили, спрятав под подушку пинетки для младенца, это ее тайна, и она никому ее не доверяет. Спит сторож у магазина, спит за ширмой дежурный врач, спит шофер «скорой помощи», спит дозорный пожарной охраны, спят золотоволосые девушки с телефонной станции, спит Бондо. Лежава, повязав голову пестрым платком. Спит известный писатель...

Мириады цикад скоблят невидимую стеклянную стену, за которой вползку лежат сраженные сном люди... Издали доносится крик паровоза. Значит, кто-то бодрствует! Вагоны, набитые детским восторгом, фосфоресцируют в темноте. Все окна придорожных домов отражают сияние счастья.

Вспыхнул электрический свет, заливая все вокруг. Над бассейном зажглась яркая лампочка.

— Кто там? — на балконе стоял Спиноза с двустволкой. — Кто там, я спрашиваю?

Ребята насторожились.

— Это мы, — отозвался Иракий.

— Кто мы? Что вы там делаете?

— Проверяем закон Архимеда, — фыркнул Ладо.

— Что такое? В чем дело? — вышел на балкон известный писатель. —

Почему ты кричишь, Бондо?

— В бассейне хулиганы купаются!

— Купаются?

— Да-а-а! — ответил Спиноза и крикнул ребятам: — Не двигайтесь, стрелять буду!

— А что же еще делать в бассейне, как не купаться? — спросил писатель, опираясь обеими руками на перила и выглядывая во двор. — Какая прекрасная ночь!

— Вы идите, отдыхайте, — сказал Спиноза, — я сам с ними справлюсь.

— Мы пришли с вами поговорить, мэтр! — крикнул Иракий.

— Молчать! — Спиноза прицелился.

— Отнеси ружье в дом, — спокойно попросил писатель.

— Выходите из бассейна! — Спиноза словно не слышал писателя.

— Боимся, — отозвался Иракий, — еще перебьют поклонников вашего таланта.

— Ну и сидите там, — засмеялся писатель.

— Сохраните нам жизнь! — взмолился Ладо.

Писатель опять засмеялся.

— Вот о чем мы хотели спросить, — начал Иракий, ухватившись руками за бортик бассейна, — допустим, вы владеете всем, что создало человечество...

— Например, чем? — спросил писатель.

— Например, скрипкой Страдивари...

— Увы, ее у меня нет.

— ...Мыслями Канта и Спинозы, рогом дьявола...

— Я же говорил, что это хулиганы!

— погоди, Бондо! Продолжайте, — обратился он к Иракийю, подумав: «Впредь буду спать на балконе».

— ...Подзорной трубой Наполеона, ядом Медичи, глазом Нельсона, копьем Кентавра, весами Фемиды, голосом Карузо, делом Дрейфуса, азбукой Морзе, бертолетовой солью, платком Дездемоны, печенью Прометея, арисей Каварадосси, династией Сасанидов, лампой Алладина, сиамскими близнецами, палочкой Коха, бикфордовым шнуром...

— Хватит, — шепнул Ладо.

— ...Партией Алехина, петлей Иуды, нитью Ариадны, Эйфелевой башней, лампочкой Эдисона, биномом Ньютона, Нобелевской премией...

— Этого у меня тоже нет, — улыбнулся писатель.

— Простите... Ахиллесовой пятой, Вавилонской башней, хужиной дяди Тома, золотым ослом, яйцом страуса...

— Как вас зовут, молодой человек? — спросил писатель.

Иракий продолжал:

— ...Камнем Сизифа, троянским конем, термометром Цельсия, бочкой Диогена, брюками Галифе, линией Мажино, ванной Марата, ключиком Бурати-

но, крыльями Икара, вальсом Штрауса, Варфоломеевской ночью, крокодиловыми слезами, таблицей Менделеева, Валаамовой ослицей, письмом Татьяны, за вешанием Автандила, мечом Спартака, фонарем Диогена...

— Вы правы, — прервал его писатель, — все это у меня есть. Давайте, поговорим.

— Нет, ответьте сначала, зачем вам это богатство?

— Это богатство, которым может владеть каждый, конечно, если пожелает.

— Лично я выбрал бы только три: нить Ариадны, крокодиловы слезы и лампу Алладина.

— Почему именно эти три?

— Разве не все поступают так?

— Это проще всего.

— А что же трудно?

— Меч Спартака, крылья Икара, фонарь Диогена.

Писатель стоял у бассейна и глядел на ребят: «Они как ангелы Рафаэля...».

— Так что дальше? — спросил Ираклий.

— Вылезайте, простудитесь, — сказал писатель.

— Не простудятся, они одеты, — пробурчал Спиноза.

— Как?купаются в одежде? — удивился писатель.

— Я же говорю — хулиганы!

— Отвечайте же, маэстро! — не отступал Ираклий.

— Что дальше? — Писатель развел руками. — Что я могу ответить?

Когда писатель остался со Спинозой наедине, он сказал:

— Как выросли дети!

— Надо было милицию вызвать, — Спиноза разрядил ружье.

— Эх, Бондо, — вздохнул писатель и, помолчав, спросил: — Водки у нас не найдется?

— Водки? — опешил Спиноза. — Нет. Да, но зачем вам водка?

— Ладно, ладно...

Писатель долго сидел на веранде и смотрел на море, скрытое мглой. Что-то тревожило его, что-то незнакомое и непривычное царпиной прошлось по сердцу. Это была скорее печаль, чем горечь, которая словным дым просачивалась сквозь царпину и наполнила сердце. Нет, разговор с ребятами его не огорчил, напротив, развлек. Он даже был доволен собой, что не погнал их со двора как сварливый сторож. Правда, они напомнили ему о собственном одиночестве, которое он уже много лет скрывал от самого себя. «Сию здесь, как филин в дупле...» Эта мысль встревожила его. «И... ничего не вижу...»

Как же не видит! Возбужденный постоянной деятельностью мозг заполнял листы бумаги бесчисленными людьми. Как куклы на полках, в его романах стояли рядом цари, придворные, слуги, воины, стражники, гадалки, клоуны, чревоещатели, монашки, монахи, священники, епископы... В его книгах, словно моря после геологических катаклизмов, меняли свои границы и сталкивались друг с другом государства. В мрачных коридорах дворца сверкали отравленные клинки и склянки с ядом. Раздавался предсмертный хрип отравленного короля, конское ржание, брань конюхов и сдавленные стоны охваченных страстью царевен.

Нет, он видел все, видел так зорко, что уже не знал, куда прятать письма благодарных читателей. Только вот себя он не сумел разглядеть, забыл себя, потерялся среди пращей и бомбард, сундуков с сокровищами, конских яслей, полных ячменя, сгинул в пыли, поднимаемой копытами закованных в броню лошадей, в шелесте знамен, в трюмах кораблей, везущих рабов, в дыму сторожевых башен, в дремучей бороде привязанного к столбу еретика.

И вдруг ему привиделось нечто удивительное.

По мозаичному полу тронного зала прошмыгнул, как мышонок, маленький, голенький мальчик. Он обшарил все углы и присел у подножия трона, оттуда выгудил пыльную, заросшую паутиной бутылку с ядом, которая так же была необходима царю, как желудочному больному — минеральная вода. Мальчику хотелось пить, и он вытащил из бутылки пробку.

— Нет! — крикнул писатель. — Нет!

Бутылка выпала из рук ребенка, ударилась об пол и раскололась. Алая, густая, как кровь, жидкость шипя вылилась на пол. Мальчик испугался, он думал, что в бутылке молоко. Каждое утро молочник ставил у порога бутылку с молоком. Мама в длинной ночной рубашке, босиком подходила к дверям, брала бутылку, выливая молоко в кастрюлю, а пустую бутылку выставляла за дверь. В окно заглядывал серый рассвет. Мальчик слышал голос отца. Отец брлся, глядя в зеркальце, висящее на стене. Лицо его мальчик забыл, но пение его осталось в ушах навсегда.

Тронный зал внезапно осветился, вошли царь с царицей, шурыша алыми шлейфами, в сопровождении свиты. Заиграли трубы, загремели барабаны, с хо-

ров грянули гимны, и мальчик, сметенный чьим-то плащом, затерялся в этой суете.

Потом с прохуdivшегося неба пролился розовый свет и наполнил мир, как стеклянную посуду. Все потеряло твердость и определенность. Деревья мягко извивались, как водоросли. Опустилась странная тишина, непроницаемая, непроходимая, и неожиданно в этой тишине кто-то заговорил. Сначала голос доносился глухо, издали, затем в нем зазвучали металлические нотки, он ножом проник в грудь и громом загрохотал в сердце: «Встань и иди!». Он встал и пошел. Он ничего не видел, потому что вокруг не было ничего, только туман, и в этом тумане он должен был брести бесконечно: кто-то невидимый в тумане, пятясь назад, звал его за собой, приказывал: — Иди сюда! — Он долго следовал за этим голосом, пока, наконец, усталый, но счастливый не прилег в тростнике. Это был его угол, где он мог передохнуть, наглотаться воздуха — как амфибия, чтобы завтра не задохнуться от пыли и холода. Здесь ему никто не мешает и он может вытянуть свое усталое тело.

Но не тут-то было! Тростник, обступавший его, с шорохом раздвинулся, и на прогалину, где он лежал, вышли босые, бритоголовые ангелы в белых балахонах. Они походили на детей-рахитиков военной поры, и уши у них просвечивали, как стрекозиные крылья. Они окружили писателя и молча усталились на него.

— Вы откуда взялись? — спросил писатель, садясь.

Дети молчали.

— Какие вы маленькие! — почувствовал, как в горле перенатывается слезный ком: жалко было детей. «Неужели они не понимают моих слов?»

У писателя пересохло во рту, и он замолчал. Дети так же молча смотрели на него. Вдруг он почувствовал, что сам себе противен. С ним уже было такое, когда он приехал на фронт с бригадой артистов и прочел перед батальоном отрывок из своего романа. Батальон этот вскоре погиб. Целиком.

Он ненавидел этих неподвижных как памятники детей.

«Неужели они не понимают, что я рассказывал им о себе», — рассердился он. Потом он расстрогался и едва не прослезился, представив себя такого одинокого. Дети постоят и уйдут, а он...

«Старею», — подумал он.

Наступила тишина.

Потом один из ангелов вытянул руку, словно показывая, что написано у него на ладони, и сказал:

— Слеза Диогена!

— Нет, — поправил писатель, — крокодилова слеза.

— Слеза Диогена! — повторил мальчик, повернулся и пошел. Остальные последовали за ним.

Еще долго было слышно, как шелестел тростник...

Рассвело. Сумрак над морем поседел, подул ветерок — словно море, долго не решавшееся вздохнуть, наконец перевело дух. Писатель сидел на веранде и думал. Ему стало холодно, он хотел пойти взять плащ, но поленился.

Беко тоже было холодно. Он сидел на камне у самого моря. В рассветной дымке сначала проступил туман, висевший над морем, потом туман стал оседать рваными клочьями. Беко еще не переварил чувства восторга и радости. Он избавился от чего-то, освободился и теперь любил всех и в первую очередь маленького Дато, которого покинул несколько часов назад и который проводил его таким печальным взглядом, словно просил взять его с собой. Это была любовь к младшему брату, смешанная с жалостью и состраданием. Раньше он не знал этого чувства. Он сознательно обманывал ребенка, приближал его к себе, потому что от него исходил запах матери. До сих пор между ними стояла Зина. Когда он прикасался к мальчику, ему казалось, что он прикасается к ней, легко, незаметно, кончиками пальцев, украдкой, воровски. Дато был частью того мира, который был скрыт от его глаз волшебной завесой. Он был ключом от двери в этот мир или соломинкой, за которую Беко цеплялся, захлебываясь в водовороте. Сегодня волшебная завеса упала, все приняло свой реальный облик, и Беко ясно увидел мальчика, глядящего на него печально и просительно.

Вместе с радостью возникло чувство долга: с этой минуты он будет заботиться о ребенке! Прежде всего, он не должен отсюда уезжать, не должен примыкать к рядам вечных абитуриентов, возглавляемых знаменосцами — дочерью директора музучилища.

Он даже сморщился, такой неприятной показалась ему дорога, которая тянулась отсюда к институту. Если бы ему пришлось побираться по дворам со своей трубой, и то бы он не ступил вновь на эту дорогу, чтобы не видеть хмурых милиционеров у входа, таких же хмурых и вечно раздраженных экза-

менаторов, мамаш, потерявших всякую надежду, изнуренных зноем и многочасовым ожиданием, которые слушают сообщения институтского радиоузда как во время войны слушали сводку Информбюро. Чтобы не видеть обмороченных девиц, которых подруги выводят на лестницу. Приемные экзамены почему-то напоминали ему тот спектакль, на который не допускают детей, гонят их в шею...

Он подумал о матери, и на сердце у него потеплело.

— Прости меня, — прошептал он, улыбаясь. — Прости...

Мать не знала, что сегодня Беко мог быть уже студентом второго курса, если бы в прошлом году на последнем экзамене не «совершил поступка, недостойного абитуриента». Так точно объявили по радио: «Бекину Сисордия не допускать к экзамену за недостойное абитуриента поведение».

Во время письменной работы Беко обратил внимание на одного из экзаменаторов, который на дыпочках, крадучись ходил между столами. Временами он застывал на месте, приподняв одну ногу, потом внезапно кидался на какого-нибудь абитуриента, соединив большой палец с указательным так, словно опускал монету в щель автомата, и вырывал из рук сложенную гармошкой шпаргалку. Добычу он торжественно вручал председателю комиссии, пожилому седому мужчине, который смущенно, не поднимая головы, предлагал провинившемуся удалиться.

Беко сжал руку в кулак, делая вид, что прячет шпаргалку, и спиной почувствовал, как в него вонзился ликующий взор бдительного экзаменатора. Очень скоро ощутил и цепкую руку:

— Попался!

Беко еще крепче сжал кулак.

— Раскрой сейчас же!

— Почему? — наивно спросил Беко.

— Раскрой, тебе говорят!

Все стали на них оборачиваться.

— Покажи, что у тебя там?

— Ничего.

— Как это ничего! Покажи сейчас же!

Все члены комиссии поспешили к ним, абитуриенты завертели головами, некоторые повскакали с мест, стараясь разглядеть, что происходит.

— Садитесь, садитесь, товарищи, — успокаивал председатель.

Беко раскрыл кулак.

— Где шпаргалка? — заорал экзаменатор.

— Какая? — притворился удивленным Беко.

— С которой ты списывал. Где она? — Экзаменатор нагнулся, пошарил в ящине, поискал на полу. — Проглотил, значит?

— Нет, уважаемый, — ответил Беко, — никакой у меня шпаргалки не было, и ничего я не глотал.

Экзаменатор разнервничался до слез, подбородок у него так и запрыгал.

— Хулиган!

Кажется, больше всего его расстроило то, что Беко не глотал шпаргалки.

Нет, Беко останется здесь. Пойдет в рыбацкую артель. Если с сетью не справится, на сейнере найдет работу, на трубе будет играть, развлекать товарищей. Если молоток, пила, сеть — рабочий инструмент, чем хуже труба? Ну и что же, что я другим инструментом пользоваться не умею, я ведь тоже хочу работать! Если вам труба не нравится так же, как моей маме, дайте мне любое другое дело, сторожем поставьте, на мачту посадите, чтобы я по утрам кукарекал, как петух, всех будил. Не понимаю, чем плоха труба? Не хотите, ладно, буду картошку чистить, помой выносить, все что угодно делать! Я тоже хочу работать, потому что у меня есть младший брат, — так скажет Беко членам бригады.

Потом, когда Дато подрастет, он возьмет и его на сейнер. Но Дато, кажется, увозят в Боржоми? Ничего страшного, Беко тоже поедет, там есть леса, он займется лесником, будет за древесными вредителями охотиться, как дятел. Неужели он с обязанностями дятла не справится?! Он и сам похож на дятла со своим длинным носом. Ползет на сосну — и «как-кук, как-кук», весь день при деле.

Нет, только картошку чистить и дятлом быть не годится, надо еще чем-нибудь заняться. Правда, он на трубе играет, но кому нужна твоя труба, дурак! Дато нужна. Дато любит, когда он играет на трубе. Дети любят звук трубы. Встанет Беко во главе отряда и поведет ребятишек в лес бороться с вредителями. У детей руки ловкие, быстрые, не хуже, чем клюв у дятла, пролезут в дупло и вытянут оттуда жучка-короеда. И вот лес вздыхает облегченно, как человек, у которого из глотки достали рыбью кость. С ними пойдет и Зина, ведь она учительница...

Беко улыбнулся.

Зина выходит на балкон и зовет:

— Дети, идите пить молоко!

Беко вместе со всеми держит обеими руками большую кружку и пьет молоко. Оно проливается ему на грудь, все смеются, и учительница смеется.

Потом пойдет Беко и затрубит в трубу возле «Родника надежды». Оттуда выбежит множество детей, море детей. Как говорит Ираклий: детей много, а родителей мало, поэтому не у всех детей есть родители. И вот это море разольется по лесу, а Беко будет стоять и играть на трубе...

Такими мыслями был увлечен Беко, когда мимо него прошла группа лилипутов. Лилипуты направились к лодке, увязшей в песке. Засучив брюки, они дружно взялись за лодку, и Беко услышал, как заскрипел под днищем песок. Наверно, лилипуты собирались на рыбалку. Один из них несколько раз взглянул на Беко, потом оставил лодку и подошел к нему. Положил руку ему на плечо и участливо спросил:

— Тебе ничего не надо, мальчик?

Беко очень обрадовался, что с ним заговорили, вскочил на ноги, но снова сел, так как казался чрезвычайно высоким рядом с лилипутом.

— Нет, ничего, — ответил он и поторопился добавить: — Хотите, я помогу вам спустить лодку? — Он даже подался вперед, выражая полную готовность.

— Сиди, — лилипут ласково потрепал его по щеке, — сами справимся.

Беко встал и крикнул лилипуту, стоявшему уже по пояс в воде:

— Люмоз кельмин пессо деемарлон эмпозо!

Эти слова из «Путешествия Гулливера» часто повторял Дато. «Вовремя я их вспомнил», — подумал счастливый Беко.

Лилипут замахал рукой: не понимаю!

— Люмоз кельмин пессо деемарлон эмпозо! — повторил Беко.

Мать ждала его, сидя на крыльце.

— Где ты пропадал?

Беко не отвечая, подошел к колодцу, поднял ведро и приник к воде.

— И в кого только ты таким лентяем уродился, — заладила Нуца, — кто меня проклял! Как ты смел к Нико явиться, бесстыжий, как ты в глаза ему глядел?

«Люмоз кельмин», — в уме ответил Беко.

— Хочешь нас перед людьми опозорить? Как бродячий музыкант по дворам побираться!

«Кельмин пессо...»

— Всю жизнь надрывались мы с отцом! Это он во всем виноват, распустил, избаловал сыночка...

«Деемарлон эмпозо...»

— Измолотил тебя Духу — и молодец! Приходил извиняться, а я чуть руки ему целовать не кинулась. Когда ты только ума наберешься? Волосы отрасли, как девочка! Был бы девкой, я бы хоть за волосы оттаскала, что мне с тобой делать, скажи сам...

«Эмпозо деемар...»

Беко сел на бортик колодца и зевнул.

— Экзамены на носу, а он болтается, опять хочешь провалиться, бездельник! Или у тебя дядья в Тбилиси, как у некоторых, и они тебя в институт устроят?! На кого надеешься? Что прицепился к этой женщине? Нашел ровню! Что тебе от нее надо? И как она не погнала тебя, когда ты со своей дудкой занялся! Как тебе еще десятку ко лбу не приклеили, несчастный! Доберусь я до этой барыни, нарядится и приветом не удостоит, гордячка! Сама — нахлебчица, в руки Нико смотрит, а перед нами нос задирает! Тьфу на такую женщину! Я бы в казармах полы мыла, а тут бы не оставалась. Муж меня бросил, а я у свекра буду как сыр в масле кататься?! Нет уж, извините, не нужен мне ее привет, я с ней в автобусе рядом не сяду! Приложи хоть мокрую тряпку к губам, урод! Ту женщину, которая на тебя взглянет, надо сжечь... Говорят, что муж ее бросил потому, что ничего в ней женского нету...

Беко спрыгнул с колодца, взбежал по лестнице и на балконе второго этажа опустился на пол. Вытянул ноги и тотчас заснул или впал в забытие.

Он чувствовал, как вокруг него толпились, голосили, бранились какие-то люди, как на стадионе после футбольного матча, и он кружился, мелькал, плавал, летал в этом водовороте в состоянии невесомости. Пытался за что-то схватиться, уцепиться за чьи-то плечи, руки, ноги, волосы, но все выскальзывало из рук. Он открыл глаза и увидел, что лежит на самом солнцепеке, весь в поту.

Снова спустился во двор и опрокинул на голову ведро колодезной воды.

Прислушался, как мать собирает цыплят: цып-цып-цып! Потом увидел отца, Александр сидел под яблоней и склеивал кувшины. Он вышел на улицу и направился к Зининому дому. У ворот увидел Дато, тот протягивал ему трубу.

- Я знал, что ты придешь, — сказал Дато, — ты свою трубу забил?
- Вот за ней и пришел.
- Куда идешь? — спросил мальчик.
- Никуда, — Беко продул мундштук.
- Поиграй.
- Нет.
- Тогда возьми меня с собой.
- Куда?
- Давай пойдем к морю.
- Нет, — сказал Беко, — у меня дело.
- И я с тобой, меня мама отпустила на час.
- Ладно, пошли, — он взял Дато за руку.
- Отпусти, — попросил Дато.
- Ты еще маленький, — улыбнулся Беко.
- Ничего подобного, — Дато засунул руки в карманы.
- Я тоже маленький, — уступил Беко.

Дато обиженно промолчал.

До писательской дачи они шли молча. У ворот Беко сказал:

— Подожди меня здесь, я сейчас вернусь.

— Нет, — замотал головой Дато. — Я с тобой. Здесь писатель живет.

сказки сочиняет.

— Сказки?

— Мне мама сказала.

Они поднялись по лестнице и постучали. Дверь открыл Спиноза.

— Чего надо?

— Нам нужно видеть хозяина.

— Зачем?

— Это мы ему скажем.

— Ты тоже книгу хочешь?

— Он дома?

— Подожди здесь! — он захлопнул дверь у них перед носом.

— Это и есть Спиноза? — Дато потянул дверь за ручку.

— Да.

Спиноза скоро вернулся и открыл дверь.

— Входите!

Они очутились в большой светлой комнате, три высоких окна смотрели на море. Одну стену до самого потолка закрывали книги. На длинном массивном столе были разложены сабли, ружья, шиты, кольчуги, мечи и кинжалы. В глубокой нише стоял высокий серебряный подсвечник. Там же на стене висела конская сбруя: серебряные стремяна, уздечки, шпоры, плети. Внизу вдоль всей стены располагалась старинная медная посуда.

В комнату вошел писатель с книгой и ручкой наготове.

— Нового у меня ничего нет...

— Я пришел, чтобы... — начал Беко, но хозяин не дал ему закончить.

— Хотя какое это имеет значение, я поставлю автограф на этой книге.

Тут он заметил Дато.

— Чей это лилипут?

— Сын учительницы Зины.

— В самом деле? — оживился Спиноза и, присев на корточки, засюсю-

кал: — Как тебя зовут, малыш?

— Дато.

Спиноза поднял на Беко глаза и жалобно спросил:

— Это правда ее сын?

— Да.

— Не знал, что у нее такой взрослый сын, — заметил писатель, глядя в раскрытую книгу и, как видно, раздумывая, что написать.

Потом он отложил книгу и подошел к Дато, который рассматривал оружие, разложенное на столе.

— Нравится? — спросил он.

— Нравится, — ответил Дато, безуспешно пытаясь сдвинуть с места саблю.

— Значит, ты внук Нико?

— Да.

— Вспомнил, вспомнил, — он повернулся к Спинозе. — Чем мы можем угостить мальчика?

Спиноза пожал плечами.

— У нас есть молоко! — лицо у писателя просияло, и он обратился к Дато: — Ты ведь любишь молоко?
— Нет, — решительно сказал Дато.
— Вот и прекрасно, сейчас мы тебя напоим. Бондо, дорогой, принеси молока.

Спиноза взглянул на Беко.
— Не нужно молока, — сказал Беко, — не беспокойтесь.
— Бондо, я просил принести молоко, — повторил писатель и спросил, склоняясь к Дато: — Ты читать умеешь?
— Нет, — признался Дато.
— Вот когда научишься читать, приходи ко мне.
— Мне мама сказки рассказывает, — пояснил Дато, хватаясь обеими руками за меч.
— Если мама рассказывает, это хорошо.
— Этим мечом человека можно убить? — спросил Дато.
— Не только человека, но и слона можно, — ответил писатель.
— У меня автомат есть, — Дато показал руками: — Та-та-та-та! Автоматом больше убьешь!

Писатель снова вернулся к книге, поглядел, подумал и с улыбкой спросил у Беко:

— Я не знаю вашего имени.
— Меня зовут Беко.
— Беко, Беко, — почему-то повторил писатель. Потом что-то написал на книге, закрыл ее и протянул Беко.
— Большое спасибо.
— Дайте сюда, на минутку, — писатель снова взял книгу и поставил число.

— Я пришел извиниться за вчерашнее, — негромко проговорил Беко.
— Извиниться?
— Мы вчера не дали вам спать.
— Да-а, я не спал всю ночь...
— Поэтому я и пришел. Извините, пожалуйста.
Писатель подошел к окну и выглянул наружу.
— Это было славно, — сказал он, помолчав. — Где ваши приятели?
— Не знаю.
— Это вы со мной вчера разговаривали?
— Нет, не я.
— Заходите иногда. В самом деле, на что мне этот бассейн? — Тут вошел Спиноза, осторожно неся молоко, налитое в блюдечко, как для котенка. — Молоко пьют из стакана! — улыбнулся писатель.

— Из стакана пьют вино! — с улыбкой поправил Спиноза.
— Не буду молоко! — Дато взял Беко за руку. — Пошли!
— Почему? — удивился писатель, лицо его выразило явное огорчение, Беко сжался над ним:
— Может, выпьешь, Датуна?
— Не хочу, — заупрямился тот.
Беко взял блюдце и выпил холодное молоко.
— Вкусно? — оживился писатель.
— Очень.

— А ты не хотел! — упрекнул он мальчика.
Как только они вышли на улицу, Беко раскрыл книгу и прочел надпись: «Мои маленьким друзьям от автора». Он с шумом захлопнул книгу:
— Для чего же он мое имя спрашивал?

Потом Беко и Дато спустились к морю. Беко учил его плавать. Потом они лежали на песке и загорали. Потом пришла Лили, села поблизости. Беко подошел к Лили и показал книгу.

— Читала?
Лили взяла у него книгу, перелистала.
— Дай почитать.
— Возьми.
— Тебя побили?
— Очень хорошо, что побили, — сказал Беко.
— Ладно, отстань, видишь, я читаю, — сказала Лили.

Город уже приступил к своим обычным делам. Натела Тордуа открыла библиотеку и раскладывала на столе журналы и газеты. В столовых и кафе не протолкнуться — отдыхающие завтракали. Перед зданием суда толпился народ. В кабинете секретаря райкома шло заседание бюро, из окна была видна седая голова бригадира рыболовецкой бригады, Героя Социалистического Труда Эв-

тине Макалатия. Из летнего театра доносились звуки музыки, лилипуты готовились к утреннему представлению. Перед кинотеатром стояла очередь, шло «Освобождение», на афише был изображен раненый солдат. Во дворе рыбозавода выгружали бочки с солью. Перед универмагом стоял урчащий, готовый к отправлению автобус.

— Это сухумский автобус? — спросил Дато.

В Сухуми они сошли у рынка и пошли вдоль длинной улицы, Дато хотел посмотреть на пароходы. Они долго шли, потом сели на другой автобус и поехали в порт.

У причала стоял «Адмирал Нахимов». Они долго любовались пароходом, даже попытались подняться по трапу, но их не пропустили. Потом Дато захотел пить, и они в поисках воды вышли на улицу Руставели. На углу увидели автомат с газированной водой. Автомат не работал.

— Этот автомат — обманщик, — засмеялся Беко.

Потом они сидели на набережной под пальмой. Отсюда хорошо был виден белый красивый пароход. Там же, неподалеку, катер поджидал едущих на пляж пассажиров. На палубе стоял черный как негр мальчишка и курил папиросу.

— Он что, моряк? — спросил Дато.

— Наверно.

— Я тоже буду моряком.

— Это хорошо, — отозвался Беко, обе руки он откинул на спинку скамьи, ногу заложил за ногу и смотрел на курортников, поднимающихся на катер.

— Хочешь, поедем на пляж?

— Пляж и у нас есть, — сказал Дато, — я пить хочу.

Они встали и снова отправились на поиски воды. В нижнем этаже гостиницы «Рица» торговали сладкой водой. Они выпили по два стакана.

— Вот и деньги у нас кончились, — сказал Беко, на ладони поблескивала копеечная монета.

— А зачем нам деньги?

— До дому доехать.

— Еще рано, — сказал Дато.

Потом они снова сидели на той же скамье, словно для того и приехали в Сухуми, чтобы там сидеть.

— Сейчас бы поспать, — потянулся Беко с такой силой, словно растягивал над головой эспандер: — И есть охота. Ты ел что-нибудь? Еще хорошо, я молоко выпил у писателя.

— А меня мама заставила съесть гоголь-моголь. Я не люблю, но ем. И мед не люблю. А ты?

— Мед вкусный, и гоголь-моголь тоже. Я бы сейчас съел целое ведро.

— Ведро?

— Да, целое ведро меду.

— Я пить хочу, — сказал Дато.

— Мы же только что пили!

— Еще хочу!

— Это тебе повредит.

— Мама тоже так говорит.

— Маму надо слушаться.

— А слоны у нас есть?

— Есть, в зоопарке.

— Я не видел.

— Я тоже.

— Откуда же ты знаешь?

— Знаю.

— А львы?

— Тоже.

— Хочу пить.

— Львы в зоопарке, тигры, кенгуру и бегемот.

Мимо прошли какие-то парни, один устался на трубу Беко.

— Пить хочу, пить, — канючил Дато.

Они встали и пошли искать воду, у них оставалась одна копейка. Ни один автомат не работал. Тогда они вошли в какой-то двор и напились из-под крана.

— Спать хочу, — Беко плеснул воды в лицо.

Дато тут же последовал его примеру.

— Ты не делай так, простудишься!

Они вышли со двора. Беко оглядывался по сторонам, словно выбирал, куда пойти. Наконец они двинулись в сторону, противоположную морю, но по пути им встретился мужчина с бульдогом, увешанным медалями. Дато увязался за бульдогом, и поэтому они снова очутились на набережной. Возгордившийся от их нескрываемого восторга, хозяин бульдога сел на ту же скамью, где они

сидели раньше. Бульдог тоже вскочил на скамью, но нога у него поскользнулась и он чуть не сорвался, однако вскарабкался и разлегся, положив голову на колени хозяину.

Беко и Дато остановились поодаль. Мужчина не смотрел в их сторону, бульдог косился прищурясь.

— Пошли, — сказал Беко.

— Подожди, — прошептал Дато.

У Беко от голода кружилась голова, со вчерашнего дня он ничего не ел. К хозяину бульдога подошла женщина с зонтиком. Мужчина встал, бульдог тоже сполз со скамьи. Видно, медали он получил не за прыжки. Мужчина поцеловал даме ручку. Женщина громко захохотала, мужчина подхватил ее под руку, и они ушли. За ними поплелся бульдог, раза два оглянувшись назад.

— Какой большой, — протянул Дато.

— Мне бы одну из его медалей, без экзаменов бы в институт попал, — засмеялся Беко.

— Дедушка говорит, что я буду доктором.

— Доктором быть хорошо.

— А я хочу стать моряком.

— Это тоже неплохо.

— А что лучше?

— Вообще-то доктор и на корабле нужен.

— Сколько у него медалей, видел?

— А как же!

— Пить хочу!

— Да что это с тобой, — рассердился Беко, — все пить, да пить!

— Больше не буду.

— Если хочешь, пошли попьем.

Они снова вернулись в тот же двор и напились. Беко подставил под струю шее:

— Спать хочу, умираю!

— Нет, знаешь, — объявил Дато, — я лучше бульдогом буду.

— Это трудно...

— Почему?

— Потому что трудно.

— А если буду учиться?

— Все равно трудно.

Дато вдруг остановился, и лицо его исказилось.

— По-большому хочешь или по-маленькому? — спросил Беко.

— По-маленькому.

— Я же говорил, много не пей. Иди опять в тот двор.

— Один я не пойду, — Дато опустил голову.

— А я тебя мужчиной считал! — упрекнул Беко. — Пошли.

На обратном пути Дато заметил у противоположного тротуара машину иностранной марки и побежал к ней. Беко за ним. Вокруг машины собрались мальчишки. Беко и Дато простояли до тех пор, пока не пришел хозяин машины. Он достал из кармана ключи, открыл дверцу, сел за руль и как ни в чем не бывало укатил.

— «Бьюик», — сказал Дато.

— Наверно, — согласился Беко.

— Пить хочу, — заикнулся было опять Дато, но, взглянув на Беко, поспешно добавил: — Нет-нет, я пошутил!

Они вышли на набережную и снова сели на свою скамейку.

— Спать хочется, — сказал Беко.

Дато лег на скамью и положил голову Беко на колени.

— Какой большой был бульдог!

— Да.

— Здесь хорошо, — сказал Дато.

Море бесшумно ластилось к зеленым скользким камням. Катера не было видно, возле билетной кассы выткнулась очередь.

У Беко слипались глаза. Сверкающее море, солнце, люди и эвкалипты, ходившие на ободранную картонную декорацию, все смешалось и мерно, бесшумно покачивалось. Медали бульдога посверкивали то в верхушках деревьев, то на парапете набережной. «Как же меня в сон клонит», — думал Беко, воображая, что не спит, потому что все, что он видел, совсем не походило на сон. Во всяком случае, он сам так думал. На деревьях висели фотографии в бамбуковых рамках, и на этих фотографиях он и Дато пили воду или махали Спинозе из окна «Бьюика». Спиноза по канату поднимался в космический корабль. На гладкой обшивке корабля играли блики от медалей бульдога, и где-то кричал па-

ровоз. Нет, не слышно было, как он кричал, а видно. Заполненный детьми поезд скользил по морю. Правда, он больше был похож на катер, но все-таки это был поезд, потому что тащил его паровоз, а на паровозной крыше сидел он! Беко, и играл на трубе.

— Едем! — пела труба. — Едем!

И тот Беко, который сидел под пальмой, удивлялся другому Беко: куда это он едет? И сам хотел уехать, но не мог встать — на коленях лежала тяжелая голова бульдога, и колени были мокрыми от пота. А другой Беко, веселый и беспечный, бежал по улице и бросал в красные пузатые автоматы медали бульдога, из автоматов фонтаном била газированная вода. В лужах плескались голые мальчишки, и в водяной пыли возникала радуга. Привет из Сухуми, привет из Батуми, привет из Москвы, привет из Гренландии, привет из Мозамбика, привет из Владивостока, привет из Сицилии, — громко распевал второй Беко, который бежал к магазину, где на полках лежал ароматный теплый хлеб и стояли банки с медом.

Беко открыл глаза.

— Ты спал, — сказал Дато.

— Да, — виновато улыбнулся Беко.

Они снова пошли в тот же двор, чтоб напиться воды.

— Который час? — спросил Дато.

— Не знаю.

Они увидели часы над аптекой, стрелки показывали половину третьего.

— Мама будет волноваться, — сказал Дато.

— Поехали.

Вместо автобусной станции они двинулись к Ботаническому саду, но их не впустили, так как у них не было денег на билеты. Потом они пошли смотреть обезьян, но и туда не попали без денег. Огорченные, они присели на камень.

— Я есть хочу, — пожаловался Дато.

— Есть хочешь или пить? — спросил Беко.

— Есть, но обезьян еще больше хочу посмотреть.

— Подожди меня здесь, я сейчас.

— Ты куда?

— Я же сказал, сейчас приду. Труба пусть будет здесь.

Он, конечно, знал, что нельзя ребенку доверять инструмент, но все-таки оставил, чтобы Дато было не страшно одному. Труба ему не поможет, но зато он будет уверен, что Беко скоро вернется.

Когда Зина в первый раз хватилась Дато, было половина одиннадцатого.

— Дато! Датуна! — Зина позвала негромко, на всякий случай, потому что еще не прошло и часа, как он отпрашился гулять. Это было скорее предупреждение, первый звонок. За ним последует второй, за вторым третий.

— Я устала тебя звать, — выговаривала она сыну, — ты должен слушаться с первого слова.

Дато как будто чувствовал, что первый раз его зовут просто для вида, на второй звонок надо было ответить: иду, но вполне можно было не спешить, впереди было полчаса времени, если не больше. Третий окрик не походил уже на первый и второй, искаженный нетерпением и гневом голос матери хватал его за шиворот и волок к дому. Дато все-таки сопротивлялся, хотя знал, что сопротивление бесполезно.

Зина вышла из кухни, вытерла руки о передник, подошла к окну и собралась окликнуть сына. Потом она передумала — еще рано. Дато все равно не поднимется. Возвращаясь назад, она вдруг наткнулась в зеркале на свое отражение. Как у всех свыкшихся с одиночеством женщин, у Зины были немного необычные отношения со своим отражением. Она присматривалась к себе, как к чужой или как к пристающей подруге, которая не дает житья, лезет ежеминутно со своими советами, напоминает о чем-то не прямо, а намеками и недомолвками, иронической улыбочкой, напоминает о том, что хочется забыть, спрятать в самый дальний и темный уголок памяти, как прячут старую одежду в сундук. А она, твоя неразлучная подружка, тащит за полу к этому сундуку. И ты стоишь в темноте, уткнувшись лицом в рваную рубашку, которая пахнет так же, как ветка акации.

Жилы на шее проступали так ярвенно, словно голубые слабые стебли растения, окаменевшего в янтаре. Жилы эти вздувались и на руках, Зина растопыривала пальцы, как будто собиралась примерить перчатки, и принялась разглядывать свои руки. В ее теле росло голубое дерево с многочисленными тонкими ветвями, и теперь эти ветви подступали к прозрачным стенкам оранжереи.

Голубое дерево!

Чудо ботаники!

Терпение у нее в самом деле, как у дерева...

041036340
041036340

Терпение или бессилие?

И все это ценою добровольного тюремного заключения!..

— Неписанный договор между мужем и женой в этом и заключается, смеясь, говорил Теймураз, — что один из них, муж или жена, все равно кто, должен сидеть в тюрьме, чтобы вторая половина носила передачи.

Сидеть пришлось Зине, но Теймураз не только передач не носил, но и вовсе забыл к ней дорогу.

Она улыбнулась. Теймураз всегда любил замысловато выражаться. Во время их первого свидания он сказал:

— Я одинок. Одинок, как осел посреди поля!

Это сравнение четкостью и безжалостной простотой разорвало нежную, почти театральную ткань ее представлений. Она даже увидела этого осла, недвижно стоявшего в поле. Ее охватила безграничная печаль или, может быть, чувство, пропитанное слезами сострадания. Возможно, еще и потому, что от юноши, который впервые обнял ее, она не ждала этого, так же как не ждет ни одна девушка и никогда не требует с самого начала чистосердечной исповеди, ибо правде предпочитает ту обольстительную неопределенность, которую принимает за любовь. И только потом, когда все уже свершилось, с образа осла сошла всякая поэтичность и остался только гудящий от зноя воздух: пустота... и еще ощущение того, что ее обманули, но не старым, тысячу раз, десять тысяч раз испытанным, проверенным, избитым и все-таки всегда верным и надежным способом: луной, цветущей веткой, звездами, мокрым от слез платочком, таблетками люминала, но с помощью осла, торчащего в поле, глупого животного, хвостом отгоняющего назойливых мух!

Ей стало смешно. Если бы он был здесь (хотя бы!), она бы спросила:

— Темур, Темур, ты помнишь того осла?

— Какого? — удивился бы Теймураз (он обладает поразительной способностью все забывать). — Что за осел? Чей осел?

— Постой, — она прикрыла бы ему рот рукой, — погоди! Тот осел, который один стоит посреди поля...

— Не выдумывай...

— Подожди! Тот самый, одинокий, молчаливый осел...

Конечно, Теймураз не вспомнит, но все равно рассмеется, и они долго будут хохотать вдвоем.

«Обманщик, — улыбается Зина, — болтун!»

Что с ней сегодня? Вместо того, чтобы плакать, она смеется, как дурочка. Повернувшись к зеркалу спиной, она снова подошла к окну:

— Дато, иди домой!

Через полчаса придет Натела Тордуа. Утром позвонила, сказала, что может перемыть посуду. Зина благодарила: у тебя четверо детей, ты и без того занята. — Как раз потому я и не боюсь работы, что у меня четверо, — ответила Натела.

Сегодня с утра у Зины дергает левое веко, она уже не раз замечала — к радости.

В это самое время следователь Теймураз Гегечкори сидел за рулем автомобиля и направлялся из Тбилиси в свой родной город.

Какие-то хулиганы сожгли «Волгу» на даче профессора Габричидзе. Дело, конечно, не бог весть какое, но все-таки... Дальше пойдут дела поинтереснее...

Профессор Габричидзе — сорокапятилетний, седой, представительный мужчина. С Теймуразом они встречались и раньше, на телестудии. Теймураз тогда был диктором, именно ему довелось представлять профессора телезрителям. Профессор хорошо держался и хорошо говорил, его выступление повторили несколько раз по просьбе зрителей.

Перед отъездом Теймураз навестил профессора.

Профессор Габричидзе сидит, опустив голову, красивыми длинными пальцами долго разминает сигарету.

— О чем вы думаете? — осторожно спрашивает Теймураз.

— Может, даже лучше, что машину сожгли...

В комнату входит жена профессора, точнее — бывшая жена, высокая худенькая брюнетка. Она выглядит очень молодо, походка легкая, как у балерины.

— Может, принести вам чаю? — спрашивает она, беря со стола сигарету и закуривая.

Теймураз знает, что они разошлись два года назад, но часто встречаются, потому что расстались друзьями.

— Ты все-таки куришь? — с упреком говорит профессор.

— Это всего пятая за день, — отвечает женщина, садится и листает журнал.

— Я сразу же попросил тамошнюю милицию приостановить следствие, обращается профессор к Теймуразу.
— Но ведь нельзя оставлять дело незакрытым!
Доносится протяжный автомобильный гудок.
— Это Шалва! — женщина выглядывает в окно.
— Пусть поднимется.
— Ему неловко, — улыбается женщина, подходит к профессору и кладет руку ему на плечо. — До свидания.

Профессор поглаживает ей руку:
— Как доедешь, позвони.
— Непременно, — женщина кивает Теймуразу и выходит.
— Я хочу вас спросить, отчего умирают люди? — Профессор говорит так, словно продолжает прерванную беседу. Ясно, что он не ждет ответа, да и что может ответить Теймураз?
— От глупости и равнодушия, — говорит профессор, — да, только от глупости и равнодушия...

Он замолкает и после паузы спрашивает:

— Не вышить ли нам чего-нибудь?
— Спасибо, я не пью, — отвечает Теймураз.
— Совсем немного?
— Нет, благодарю.

Профессор встает, ставит на стол бутылку коньяка и две рюмки, наливает коньяк и поднимает свою рюмку:

— Будем здоровы! — Пьет. — Прошу вас, выпейте.

Теймураз делает глоток.

— Да, от глупости и равнодушия, — снова повторяет профессор.

Теймураз напрягается, сам не зная почему. Ему кажется, что этот посторонний, раздавленный своей бедой человек в чем-то винит его.

Профессор снова наливает коньяк.

— Открою вам одну курьезную истину: чем больше отдаляется от нас врач, чем больше он забывает о своей первейшей обязанности, чем недоступнее становится он для простых смертных, тем больше мы его уважаем. Невероятно, но факт...

— Да, но врач — это одно, а отец — другое... — с улыбкой возражает Теймураз.

Звонит телефон. Профессор берет трубку. Теймураз почему-то вспоминает Дато.

— Слушаю... а-а-а, доехали... Спасибо, что позвонила. Нет, снотворного не принимай, постарайся заснуть так... Не кури, иначе я пожалуйюсь Шалве... У меня все в порядке, не беспокойся... От меня тоже привет... Нет... еще не ушел... Спасибо, дорогая...

Профессор кладет трубку и некоторое время не убирает руку, сидит, задумавшись, потом говорит:

— Врач, который устает, уже не врач... — Пьет коньяк и доликает снова: — Помните об этом, мой милый.

«Дато, наверно, совсем большой», — думает Теймураз и сам удивляется, как давно он не вспоминал о сыне.

Тетка жила довольно далеко, рядом с почтамтом. По дороге он несколько раз останавливался передохнуть. От голода кружилась голова. Тяжело дыша, он подбежал к воротам. Залаяла собака.

— Джека, Джека, — приласкал он пса, кинувшегося ему в ноги.

— Тетя! — крикнул он, — Тетя Тина!

Никто не отозвался. Тогда он поднялся бегом по лестнице и увидел на дверях замок. Чуть не рухнул на месте — этого он никак не ожидал! Сел на ступеньку и уткнулся лицом в ладони: что делать?

Потом он спустился во двор. Под инжировым деревом, на каменном столе увидел два желтых огурца. Жадно вонзился зубами, но тут же сплюнул — огурец был гнилой. Выбежал на улицу и бежал без передышки, изредка замедляя шаг. Пот катился градом, сердце колотилось где-то в горле. Солнечные лучи, отражаясь в стеклах, приобретали красноватый оттенок. Он жалел, что не взял с собой Дато. И верно, почему он его с собой не взял?

Сколько времени прошло? Он не замечал, как летит время.

Уже издалека сердце подсказывало ему, что он не найдет Дато там, где оставил. Это предчувствие возникло еще раньше, но он отгонял его от себя. Теперь он бежал в гору, надеясь за поворотом увидеть Дато.

Откуда ему было знать, что Дато побежал за мальчишками, которые отняли у него трубу. Он долго бежал за ними плача, потом они вскочили в автобус и

скрылись. Дато заблудился и только поздно вечером его случайно заметил проезжавший на машине Духу и отвез домой.

Беко кинулся к сторожу обезьяньего питомника:

— Вы не видели маленького мальчика?

Сторож достал из кисета щепотку табака и стал сворачивать самокрутку, послонял бумажку, сунул готовую сигарку в рот, закурил и, выпустив дым, ответил:

— Нет!

— С трубой. Такой маленький...

— Не видел, говорю!

Беко побежал обратно, по спуску. Нагнал какого-то парня, который шел в обнимку с девушкой, и спросил:

— Не встречали маленького мальчика?

Девушка удивленно взглянула на своего дружка и прыснула.

— С трубой... — добавил Беко.

— Сказали тебе — нет, — нахмурился парень.

— Дато! Дато! — закричал Беко и снова побежал.

Он бежал до самого конца улицы, пока не налетел на забор: шло строительство и улицу перегородили. Беко медленно пошел обратно. Куда мог подеваться Дато? Выйдя из тупика, он снова столкнулся с той же самой парочкой. Когда они разминулись, парень окликнул его:

— Эй, поди сюда!

Беко остановился. Парень подошел и, крепко взяв его за локоть, отвел в сторонку:

— Значит, с трубой мальчик?

— Да, — у Беко от радости сердце так и подскочило.

Парень отпустил его локоть:

— Вот я сейчас ка-ак дам тебе, тогда узнаешь...

Беко невольно откинул голову назад.

— Ты знаком с этой девушкой?

— Нет.

— Смотри мне! — парень погрозил пальцем.

— Нет, клянусь матерью!

— Еще раз попадешься, я тебе покажу трубу!

Беко брел по улице и думал: куда же он мог подеваться? Куда?.. Пока он не найдет Дато, домой вернуться не может. Но как найти ребенка в таком большом городе?

Он миновал Ботанический сад, прошел по улице, ведущей к набережной, заглянул во двор, где они пили воду, потом сел на знакомую скамейку под пальмой. На набережной народу заметно прибавилось. В основном это была праздная, гуляющая публика. Море отсвечивало красным, хотя заходящего солнца не было видно. Набитый пассажирами катер возвращался с пляжа. На катере гремела музыка. «Что делать? — думал Беко. — Что же мне делать?..».

Он встал и направился в порт, по дороге вглядываясь в толпу в надежде найти Дато... В порту тоже было полно народу. Люди сновали по трапу «Адмирала Нахимова». Беко постоял и пошел назад. У входа в порт за каменным парапетом ныряли в воду маленькие мальчишки, они доставали со дна мелочь, брошенную туристами. Еще немного, и их рабочий день подойдет к концу. Вода уже и так потемнела, а скоро совсем ничего не будет видно. Через десять-пятнадцать минут мальчишки вышли на берег, засунув монеты в рот, стали выжимать мокрые трусы, потом снова надели их и, шлепая босыми ногами по асфальту, разбежались по домам.

Темнота еще больше напугала Беко. «Куда идти?» Подгоняемый страхом, он побежал. Возле театра подсвеченный цветными лампочками фонтан заставил его остановиться. У фонтана было много гуляющих.

— Сисордия! — окликнул его кто-то.

Беко оглянулся и увидел директора музыкального училища.

— Как дела, Сисордия?

— Спасибо...

— Дома все в порядке?

— Да, спасибо.

— Все здоровы? — Кириле так настойчиво спрашивал, словно требовал: а ну-ка, вспомни, может, кто-то не так уж и здоров?

— Все здоровы...

— В театр идешь? — Директор сунул под мышку тяжелую партитуру «Абесалома и Этери».

— Нет.

— А что же ты тут делаешь?

— Ничего, так просто. — Беко спрятал руки за спину и опустил голову.

— В этом году опять будешь сдавать в институт?
— Нет, не буду.
— Нет? — просиял директор: у его дочек одним конкурентом стало видось меньше. — А почему?
— Не знаю...
— Значит, работать пойдешь?
— Я и так работаю.
— Где? А-а, верно, верно! Ты слышал, внука Нико Гегечкори похитили?
— Что-о?! — Беко стоял, как громом пораженный.
— Не слыхал? Похитили. Знали, значит, что дед богатый человек, и похитили. Нико ради внука не то что денег, жизни не пожалеет! В Америке — еще понятно, но что у нас такое случится — не ожидал! Вся милиция на ногах, весь город в поисках. Спиноза с ружьем бродит, — засмеялся директор, но сразу захлопнул рот, словно муху поймал. — Мать убивается, бедная! Прекрасная женщина! Бесплатно с моими девочками занимается! Неужели ты не слышал?

— Бесплатно?
— Конечно, но я не о том.
«Что делать! — лихорадочно думал Беко. — Что делать! Конечно, перепугались, мы ведь на целый день уехали».

— Ты слышишь, Сисордия?
— Что? — простонал Беко, но тотчас спохватился: — Слышу.
— Надо этих бандитов за ноги подвесить, за ноги, — говорил директор. — Я бы их на стадион вывел и на глазах у всех расстрелял. Если бы моих девочек похитили, — директор испытующе посмотрел на Беко: не знает ли тот часом его тайной мечты? Директор только и мечтал, чтоб похитили его дочерей. Он бы тогда извабился раз и навсегда от ежегодных скитаний по протекторам. у дочерей были бы мужья, пусть бы они и беспокоились, а он бы наконец отдохнул... Но нет, откуда знать Беко о таких сокровенных мыслях, успокоил он себя и бойко продолжал: — Я бы своими руками убил бандитов! Скажешь, не так? — Он обеими руками поднял партитуру, словно ею собирался расправиться с похитителями своих дочерей. — Отвечай?

— Да, конечно, — еле слышно проговорил Беко.
— Задущу собственными руками, — директор постепенно распался. «Зачем им сдался этот сопливый мальчишка, когда рядом, под носом три девушки, одна другой краше! Ладно, хорошо, не будем говорить о трех, но одну можно было похитить? Правда, и на это нужны деньги! Никакой зарплаты не хватит возить их взад и вперед. А у этого Нико, говорят, даже в почках камни драгоценные». — Надо их расстрелять прямо на стадионе, чтобы все видели и другим неповадно было! Но наш закон слишком мягко с ними обходится, присудят семь лет, и дело с концом. — Он представил себе, как еще семь лет ему придется возить своих дочерей в Тбилиси и несолоно хлебавши возвращаться обратно. — Бензином надо облить их и сжечь! — закричал он отчаянно.

Но Беко ничего не слышал, кроме стука своего сердца. У него руки-ноги отнялись. Он даже не заметил, когда замолчал директор, когда ушел, оставив его одного. Должно быть, он долго стоял в полной растерянности, потому что, когда очнулся, вокруг уже никого не было. Теперь он стоял один у фонтана. В его помраченном сознании снова вспыхнул страх: «Убьют!» Он даже не задумался, не задал себе вопроса, за что его должны убить. Его трясло как в лихорадке. Он подошел к фонтану и сунул обе руки в воду. Холодная вода была приятна. У Беко подкосились колени, и он чуть не рухнул там же, у фонтана. Ощущение вины не покидало его, и на сердце было мутно.

«Я должен найти Дато, должен найти Дато!»

Неожиданно он сорвался с места и побежал, держа на отлете отяжелевшие, бессильные руки, словно они были вымазаны дегтем. Нога подвернулась, как если бы он споткнулся о камень. Он совсем раскис, обмяк и, сжавшись в комок, опустился на землю. Он сидел и стонал, обливаясь холодным потом. Он не скоро заставил себя встать, но снова побежал. Ему казалось, что в беге было его единственное спасение, словно, пока он в силах был бежать, еще оставалась какая-то надежда. Он бежал в гору, вернее, воображал, что бежит, а на самом деле едва тащился. Сердце так бешено колотилось, словно собиралось выскочить из груди.

Потом он увидел лампочку, висевшую над железными воротами. Это был обезьяний питомник. Здесь надо было искать, здесь ждть с самого начала. Он, видимо, совсем отупел от страха, иначе сразу додумался бы, что если Дато и убежал куда-нибудь, то непременно вернулся бы сюда, потому что знал, что Беко должен быть здесь.

Беко поплелся к деревьям и сел на землю, рядом с корявыми, выпирающими из-под почвы корнями. Он часто и тяжело дышал, как побитый боксер, отды-

хающий в углу ринга. Чуть переведа дух, он почувствовал, что к нему возвращается способность рассуждать. Хорошо, что он вернулся сюда. А вдруг Дато взяли в милицию, ведь его ищут. Значит, и Беко ищут, ищет милиция, все люди с ружьями. Почему? За что? В чем он провинился? Но ведь никто не знает, что он не виноват. Он увел Дато, и ребенок пропал. Всеобщая тревога вполне понятна.

Он представил себе Зину, в отчаянии ломающую руки. Может, она в самом деле поверила, что Беко похитил Датуну. Почему? А потому. Потому что. Ему стало стыдно. Стыд жег огнем все тело. И тут мелькнула новая мысль: они ведь не знают, что именно он, Беко, забрал ребенка! Надо срочно его найти и вернуть домой. Он беспомощно огляделся по сторонам, как будто искал, кому можно довериться. «Пойду в милицию и все расскажу, — решил он, — так будет лучше». И совсем было собрался уже идти, как вдруг снова засомневался: а если спросят, почему я не взял его с собой, а оставил тут? Что я отвечу? Что хотел побыстрее вернуться с деньгами? Но кто этому поверит? Никто! Однако в нем росла уверенность, что Дато непременно должен быть здесь. Или он сам пробрался к обезьянам, или какой-нибудь добрый человек его провел. Сторож мог и не заметить, тем более такой сторож, который все свое внимание завертывает вместе с табаком в бумагу. Дато пролез в питомник, увлекся и не заметил, как стемнело. Сидит теперь где-нибудь, забившись в угол, перепуганный, ждет возвращения Беко. Беко улыбнулся, почти совсем успокоившись.

Обезьяний питомник был обнесен высокой проволочной сеткой. Перелезть через нее было бы нетрудно, если бы не лампочки. Беко довольно долго брел, пока не отыскал место, где лампочка перегорела. Он вцепился в проволочную сетку. Нет, так просто не влезешь, надо снять ботинки. Он разулся, перебросил ботинки через ограду и с трудом перелез сам, ободрав на ноге большой палец. Пошарив в траве, нашел ботинки и, сев на землю, обулся. Завязывая шнурки, взглянул на небо: который может быть час? Потом он вышел из темноты на освещенную площадку, посыпанную толченым кирпичом. Чего здесь только не было: качели, карусели, огромные деревянные шары, как в детском садике. Ему даже показалось, что на качелях кто-то сидит.

— Дато! — окликнул он тихонько.

Никто не отозвался, и он неслышно подкрался к качели — там никого не оказалось. Ободранный палец саднило. Беко разулся и пошел босиком, осторожно ступая по острой щебенке.

Держа ботинки под мышкой, он подошел к какому-то невысокому строению и сунул голову в приоткрытую дверь. В слабо освещенном длинном помещении плотной стеной стояли клетки.

В последней клетке тускло горела лампочка. И в этой полумгле все, как казалось Беко, источало какое-то странное, животное спокойствие. Всем своим утомленным, измученным телом он впитывал в себя этот мир и покой. Затих. Замер. С наслаждением бы влез в какую-нибудь из клеток и заснул в этой душной тишине.

Внезапно тишину вспорол жуткий протяжный вопль, и на решетку клеток кинулось разом столько обезьян, что Беко остолбенел от страха и неожиданности.

Обезьяны визжали, хрипели, пищали, кувыркались, гримасничали, скалили зубы.

Беко побежал, не помня себя от ужаса, и очнулся лишь на улице. Он продолжал бежать с колотящимся сердцем, не выпуская из рук ботинок. Завидев здание милиции, остановился и хотел было войти, но не решился. Долго маялся у входа, пока милиционер, который, видимо, давно за ним наблюдал, не окликнул его:

— Ступай-ка домой, парень! Поздно уже!

Милиционер отделился от тени, отбрасываемой стеной, и подошел к Беко. Беко попятился назад и снова побежал. Милиционер рассмеялся ему вслед.

Ноги горели, плечи ныли от усталости. На бережной он без сил опустился на знакомую скамью. Рядом оказался старик, приникший ухом к транзистору.

— Лимоз кельмин пессо деемарлон эмпозо! — громко проговорил Беко.

— Вы что-то сказали? — старик оторвался от приемника.

— Нет! — ответил Беко и так же громко повторил: — Лимоз кельмин пессо деемарлон эмпозо!

Старик встал и поспешно удалился. Беко слышал, как ручейком иссякала вдали музыка. В порту сиял огнями пароход, как новогодняя елка, выросшая из воды. Елку окружали блестящие золотые нити, и освещенная вода вокруг нее напоминала сверкающий лед. У самого берега чавкали весла, видно, кто-то катался на лодке. Стояла тишина, но какая-то тревожная и настороженная. Этой тишине нельзя было довериться. Надо быть начеку, чтобы опи-

раясь руками о скамью, в любую минуту быть готовым к бегу, как на старте в ожидании выстрела.

Если он останется здесь, непременно заснет, а надо идти, идти до бесконечности, пока не найдется Дато.

Он попытался встать и не смог, ему показалось, что распухли ноги. Все же он встал и вернулся в тот самый двор, выпил воды и пошел по улице. Дверь одного из зданий выходила прямо на тротуар и была приоткрыта. Свет ярким потоком выливался на улицу. Беко заглянул в дверь и встретился глазами с тем парнем, который днем гулял с девушкой и чуть его не побил. Парень держал в руке кий и, опираясь о бильярдный стол, собирался ударить по шару. Они с Беко долго смотрели друг на друга, потом Беко пошел дальше. Он решил дойти до вокзала: может, Дато там? Вокзал найти легче всего. А если Дато нет в живых? Сердце так и оборвалось. Ведь мальчик мог попасть под машину! Тысяча опасностей угрожала ему в незнакомом городе. Беко закурил губу и вспомнил вчерашнюю драку. Рот снова наполнился кровью, Беко сплюнул и полез за платком, но платка не было, и пришлось утираться рукавом. Он шел, прикрыв рот рукой, шел к вокзалу.

«Интересно, который час?»
«Который может быть час?..»

Было двенадцать, когда Зина в третий раз окликнула Дато. Дато не отзывался. И во дворе его не было.

— Натела, дорогая, спустись и позови Дато, скажи, мама зовет.

Натела вскоре вернулась и сообщила, что Дато во дворе нет.

— Ладно, сам придет. Наверно, на улицу вышел.

Натела рассказывала, что какой-то парень увлек ее за угол почты и поцеловал.

— У него бородавка на носу, — говорила Натела, — и потом его в армию забирают, он меня забудет.

— Не забудет, — успокаивала ее Зина, — если любит, не забудет.

— А как узнаешь, любит или нет... Он будет далеко...

В начале первого Зина сама спустилась во двор. Дато не было ни во дворе, ни на пляже, ни у почты, где обычно собирались ребятишки. Встреваясь, Зина вернулась домой. Как раз позвонил Нико, узнать, как внук.

— Хорошо, все в порядке, — солгала Зина и тогда испугалась по-настоящему. Вместе с Нателой выбежала на улицу. Дато нигде не было.

— Давайте позвоним доктору Нико, — сказала Натела.

— Нет! Что? Да-да, давай позвоним.

Они побежали к дому.

— Что делать? — Зина села, положив руки на колени.

— Давайте звонить! — Натела набрала номер больницы.

— Нет, нет! — удержала ее Зина. — Не надо!

Что скажет она свекру!

— Тогда я пойду, расспрошу соседей, — сказала Натела. — Не бойтесь.

— Нет, нет, я не боюсь, — слабо улыбнулась Зина и после ухода Нателы перепугалась вконец. — Почему она сказала: не бойтесь? Чего я должна бояться?

Натела, видимо, все-таки предупредила Нико, он примчался как сумасшедший.

— Где ребенок? — крикнул он с порога.

— Не знаю. — Зина старалась отвечать спокойно, только с руками не могла справиться, убрала их за спину.

— Не знаешь? — удивился Нико, словно Зина знала, но хотела от него скрыть. — Как это не знаешь? — Впервые он поднял на невестку голос.

— Почему вы на меня кричите, разве я виновата? — Зина тоже невольно повысила голос, возможно, потому, что ей было очень страшно, но тотчас она постаралась добавить как можно беспечно: — Придет, наверно..

— Придет? Сам придет, не так ли? А где ты была до сих пор? Почему не искала его?

— Как же, — Зина взглянула свекру в глаза, — я искала...

— Ну и что?

— Вы сами его баловали, — вырвалось у нее. Это было бессовестной попыткой свалить вину на другого. Она смущенно сникла: — Мне моего горя достаточно, — прикинулась жалкой, и это тоже было бессовестно. Внезапно она рассердилась: «Каким тоном он со мной разговаривает! В конце концов. я — мать, а не нянька!». — Не кричите на меня, — сказала она.

Нико молча посмотрел на нее, потом спросил много мягче, почти ласково, словно просил прощения за невольную грубость:

— В школьном дворе была?

— Была.
— На пляже?
— Тоже.
— У почты?
— Нету.
— Соседей спрашивала?
— Соседей? — Она так удивилась, словно не допускала мысли, что ребенок может быть у соседей, а про себя сразу решила: «Конечно, он у соседей, и чего я не спросила. Примчалась зачем-то домой...»
— Да, у соседей! — повторил Нико.
— Сейчас схожу, — поднялась Зина.
— Нет, я сам, сиди, — Нико остановился в дверях и сказал, не оборачиваясь: — Не бойся...

Он вернулся через два часа, сел на стул возле двери и спрятал лицо в ладони. Они долго молчали, потом Зина заплакала.

— Вставай, идем в милицию, — сказал Нико.

В милиции их встретил заместитель начальника:

— Чем могу служить?

— Илья здесь?

— У себя.

Они вошли к начальнику в сопровождении заместителя.

— Он всегда дома, дедушка звонит каждые полчаса, спрашивает, как Да-то. Другие дети играют, на море бегают. Я никогда не думала, что такое может случиться! Городок тихий, все друг друга знают! Ничего такого не случилось, чтобы запереть мальчика дома... Если бы я знала... Если бы знала... В одиннадцать я позвала его второй раз. Как раз почтальон пришел, газеты в ящик бросил. Он всегда приходит в одно и то же время, не раньше, не позже. Потом мимо прошел Спиноза...

— Спиноза? — переспросил заместитель. — Ах, это Бондо Лежава. Верно?

— Да, он возвращался с рынка...

— Он был один?

— Да.

— Больше вы никого не видели?

— Нет, больше никого, потому что я отошла от окна, на кухне меня ждали дела... Да, он шел с рынка, нес корзину...

— У вас есть враги? — спросил заместитель.

— Нет, откуда? Мне незачем завидовать! — горько улыбнулась она и спохватилась, что сказала лишнее. Ее личные переживания никого не интересовали. — Напротив, я уверена, что меня здесь все любят.

Краем глаза она заметила, как ее свекор кивнул в знак согласия.

— ...Ученики и родители меня уважают, относятся ко мне лучше, чем я заслуживаю, и я не думаю, чтобы... — Она запнулась, не зная, что сказать.

— Что вы не думаете? — спросил заместитель, молодой человек в очках. У него были такие редкие волосы, что просвечивала розовая, по-детски нежная кожа на голове. Видно, он старательно прятал плешь, но никак не мог скрыть ее, как орущего младенца. Он говорил медленно и значительно, словно не слово, а косточку от слова выплевывал изо рта. — Конечно, и я не думаю, чтобы у нас кто-то похитил ребенка. Зачем? Для чего? Это или патологическая личность, или... не знаю. — Он развел руками. — В нашей стране не существует социальной почвы для кинднэпинга, но, к сожалению, мы не избавлены от патологических личностей. Я, конечно, не хочу вас пугать, лично я уверен, что ваш ребенок сейчас где-то беззаботно играет, а дети во время игры теряют представление о времени. Не только дети, но и мы сами иной раз не замечаем, как бежит время, особенно, когда развлекаемся. — Он улыбнулся и одновременно с улыбкой сверкнули стекла его очков. Все почему-то взглянули на начальника, который не отрывался от шахматной доски. — У нас нет никаких оснований для паники.

— Но он никогда так не опаздывал! — простонала Зина.

— Понимаю, понимаю, — опять улыбнулся заместитель. — Ваше волнение вполне естественно.

— Может, он утонул? — У Нико сорвался голос, он закашлялся.

— Эх, Нико, Нико, разве так можно, — вмешался Илья, начальник милиции, чтобы напомнить, что пока он здесь главный, а не его заместитель.

— Будет у тебя внук, тогда поймешь! — отозвался Нико.

— Как будто кроме тебя, ни у кого внучат нету! — сказал Илья, продолжая смотреть на доску с шахматами. — Здесь уже ничем не поможешь!

— Что ты сказал? — встревожился Нико.

— Не может такого быть, чтобы ребенок утонул, а мы об этом не знали! Я не видел такого сумасшедшего деда, как ты... Бухути¹ проиграл.

Начальник подошел к Нико и похлопал его по плечу:

— Можешь спокойно идти домой, я пошлю ребят, они приведут твоего внука домой через полчаса. Скажи только, за уши отдрать или нет?

— Отдрать, — сказал Нико.

Илья засмеялся:

— Ладно, не будем драться. Который теперь час?

— Половина третьего, — ответил заместитель.

— Ровно в три часа твой внук будет сидеть у тебя на закорках.

Когда они выходили из кабинета, их окликнул заместитель:

— Простите, один вопрос: сегодня вам никто не звонил?

— Нет, — Нико взглянул на Зину. — Звонил кто-нибудь?

— Нет!

— А вчера? Позавчера?

— Тоже нет, — ответила Зина, так как Нико снова посмотрел на нее.

— Всего доброго, — попрощался заместитель.

Однако ни в три часа, ни в четыре, ни в пять и ни в шесть Дато не появился.

Из милиции никто не звонил. Милиция ребенка, правда, не обнаружила, но нашла много интересного. Прежде всего была найдена машина, неделю назад сорвавшаяся с обрыва, рядом с ней сидел обросший бородой шофер и подозрительно улыбался. Был также найден бесфактурный товар на складе «Гастронома». И, наконец, нашелся человек, которого вот уже три года безуспешно разыскивала семья. Он качался в гамаке в тени магнолий и подкидывал на животе двухлетнего карапуза.

Писатель стоял на балконе и смотрел, как засыпали землей и песком бассейн. Утром он позвонил в райисполком и попросил прислать самосвал. Через полчаса к воротам подъехали два самосвала. Песок был в двух шагах, на берегу. Как только дети прослышали, что бассейн засыпают, сбежались со всего города с игрушечными ведерками и стали бросать землю в бассейн.

Один Спиноза не принимал в этом деле участия, стоял в стороне и хмурился. Издали можно было подумать, что происходит какое-то ребячье торжество, такой громкий смех и гвалт доносились со двора.

До этой минуты Беко никогда не ощущал, что нужен кому-то. До сих пор он жил сам по себе, в небе, в журавлином гнезде, свитом на верхушке дерева. У гнезда был запах облака — запах пороха и моря.

А жизнь шла где-то внизу, ее не было видно, она была скрыта гомонящим, пропитанным дымом туманом, как китайская деревня, расположенная на реке.

Он жил в небе, как птица, клевал корм, как птица, беспечно щебетал. Его клювом — длинным и блестящим — была труба. И любовь его была любовью птицы, порывом в безграничное пространство, безответной, нераскрытой любовью, слепым инстинктом существования.

И хотя его существо постоянно излучало и подавало сигналы, независимо от его воли, требовало внимания к себе, больше всего он боялся именно этого внимания, ибо понимал, что лишь до тех пор сможет свободно реять в воздухе, пока его не заметили. И вдруг это необъятное пространство закрылось для него. Не как театральный занавес — медленно и величаво, а внезапно погасло, как экран телевизора. Но он понял и другое, и, должно быть, это и было первым признаком его отрешения. Он понял, что птица не может все время находиться в полете. Это под силу лишь безжизненным звездам, а он хотел настоящей живой жизни, чью сладость и горечь уже чувствовал на своих губах. Ветер, выбросивший его из гнезда, выполнил свое извечное и загадочное назначение: бросил семя в землю, дабы оно не высохло и не погибло. Правда, он сейчас больше всего был похож на согнутую в три погибели обезьяну, делающую свои первые шаги по земле, но он чувствовал (или ему подсказывал это глухой гул сердца), что жизнь начинается с него, что от его первого шага зависит не только его собственная участь, но и судьба тех крошечных существ, которые издавна, затаив дыхание, наблюдали, как мучается их голодный и усталый предводитель, с ободранными коленями, прикрывающий рукой разбитые губы.

¹ Грузинский шахматист Бухути Гургенидзе.

У входа в жизнь установлен такой же турникет, как в метро. Если не бросишь в автомат монету, он тебя не пропустит. Но если у тебя ничего нет, если ты просто человек, такой же дешевый, но необходимый, как спичка? Тогда придется бросить в автомат эту самую необходимость...

Он должен был найти Дато. Не для того, чтобы доказать свою невиновность, об этом он сейчас совсем не думал. Но для того, чтобы приласкать его, прижать к груди — и больше ничего. Он думал о том, что Дато одинок и испуган. Он и сам был напуган одиночеством, но что такое его страх по сравнению со страхом ребенка? Он сам уже не был ребенком, он был старшим братом, обязанным скрывать свой страх, чтобы успокоить малыша.

Наконец показалось здание вокзала. Зал ожидания был почти пуст. На всякий случай Беко заглянул в ресторан. Сквозь клубы табачного дыма он разглядел высокую толстую певицу в декольтированном атласном платье, которая кричала во все горло: «Я люблю тебя, жизнь». Оркестр играл отвратительно, пианист не лучше. Беко стоял в дверях до тех пор, пока прилизанный усатый официант не рывкнул на него: или заходи, или закрой дверь, не путайся под ногами!

Он вышел из ресторана и еще раз внимательно оглядел зал ожидания: может, Дато прилег где-нибудь и уснул.

На первой платформе стоял поезд «Москва—Тбилиси», из почтового вагона выгружали мешки и пакеты. Один железнодорожник стоял в дверях вагона, второй внизу, на перроне, и складывал на тележку сброшенные из вагона бандероли и посылки. Беко остановился поодаль.

— Проходи, проходи, нечего стоять, — пугнул его железнодорожник. Через несколько минут поезд ушел, а Беко один остался на перроне. Становилось прохладно. Земля между рельсами, залитая мазутом, блестела как после дождя.

Через полчаса должна подойти электричка. Если за это время он не найдет Дато, надо уезжать этим поездом. Искать больше не имело смысла. «Наверно, Дато давно спит в своей кровати, — подумал он. — Нет, это невозможно: как он вернется домой один?» Он из последних сил цеплялся за непрочную ниточку надежды, и его собственное положение сейчас казалось не таким уж безвыходным. В конце концов, что такого произошло? Ведь он не похищал ребенка. Ему самому неприятно, что так получилось. Он даже улыбнулся: «Этот Вондо Лежава, Спиноза, который вечно с ружьем бродит, интересно, умеет ли он стрелять?».

Он прошелся взад и вперед по платформе. Да, но у него нет денег на билет. За это тоже не убивают! Он скажет контролеру свой адрес, а может, и знакомые встретят в поезде... Но тут его опять бросило в жар: а вдруг, вдруг Дато нет дома, вдруг с ним что-то случилось...

— Парень, эй, парень, — услышал он, — Иди сюда!

Его звал тот самый железнодорожник, который недавно загружал тележку. Теперь он сидел и покуривал.

— Садись, — железнодорожник легонько хлопнул по скамье, словно указывая, куда сесть.

Беко присел на край скамьи.

— Что ты тут делаешь? — спросил железнодорожник голосом усталого человека, которому безразлично, что ему ответят.

— Ничего...

Они долго молчали.

Потом железнодорожник снова спросил.

— Курить хочешь?

— Нет, спасибо.

— Не куришь?

— Курю.

— Тогда закуривай. — Он достал из наружного кармана пачку «Примы», расправил ее и проверил, есть ли там что-нибудь, потом протянул Беко.

Вместо того чтобы сказать, как он и собирался: «Спасибо, я не хочу», Беко неожиданно для себя произнес:

— Я есть хочу...

Беко и сам опешил. Он бы не признался в этом постороннему человеку и под страхом смерти. Кто-то вместо него выкрикнул это слово.

— Хочешь есть? — переспросил железнодорожник.

Беко встал:

— Я пойду.

«Надо уходить побыстрее, пока и в самом деле не начал попрошайничать».

— Садись. — Железнодорожник потянул его за рукав. — Садись. Беко послушно сел. «Как это я не сдержался! Даже Дато, и тот постеснялся бы заявить первому встречному, что хочет есть».

Железнодорожник молча курил.
«Хоть бы скорее поезд пришел», — думал Беко.

Железнодорожник поднялся.

— Ступай за мной, — кинул он Беко.

— Я поезда жду. — Беко уцепился за скамью, словно его собирались тащить силой.

«Может, он переодетый милиционер, потому и подлизывается!».

— Идем, я сказал. — Это прозвучало как приказ, в голосе появились нотки гнева.

Беко покорился. Пожалуй, надо идти, в милиции он хоть поспит, проспит до тех пор, пока не узнают правду.

Железнодорожник шел к зданию вокзала. Это был толстый, низенький человек, с узкими плечами и длинной тонкой шеей. Он широко расставлял при ходьбе ноги в широких штанинах и напоминал трехколесный велосипед. Не оглядываясь, он еще раз крикнул Беко:

— Иди за мной!

И Беко пошел медленно, неохотно. Хоть другого выхода и не было, в милицию идти не хотелось. Перед глазами всплыло лицо матери. Она даже окликнула его:

— Беко, Беко, куда ты!

Увидел он и отца, и только теперь заметил, как согнулся, постарел отец.

«Они не успеют узнать о моем аресте, — успокаивал себя Беко, — утром я буду дома. Только вот за ночь переволнуются. Правда, если Дато не найдется, он и утром домой не пойдет, если даже его и выпустят. Он останется в тюрьме, на всю жизнь прикинув к железной решетке. Какой же он все-таки дурак! Надо было с самого начала пойти в милицию, оба давно уже были бы дома: и он, и Дато. Дато, наверно, стоит где-нибудь на углу или сидит, нахлывшись, на скамейке и ждет Беко. А Беко плетется в милицию, потому что, видите ли, голоден и хочет спать. Неужели ему все равно, кто найдет Дато? Конечно, нет. Он сам должен найти его, потому что Дато на него надеется».

Сердце шепнуло ему: беги! Он мог убежать, этому пожилому человеку его не догнать, но когда Беко представлял, как он бежит по перрону, а ему вслед глядит обескураженный, удивленный железнодорожник, ему становилось стыдно. «Будь он помоложе, я бы непременно убежал», — подумал Беко.

Они вошли в здание вокзала и стали спускаться по лестнице, ведущей в подвальный этаж. Этот подвал окончательно убедил Беко в том, что он арестован.

Железнодорожник зажег свет в темном коридоре, достал из кармана ключ и открыл первую же дверь. В комнате он тоже зажег свет и пригласил Беко:

— Заходи.

Комната была очень тесная, с узким столом и железной койкой. Она и впрямь напоминала тюремную камеру, но на стене висел портрет Акакия Церетели, вырезанный из журнала, и у Беко отлегло от сердца.

Они сели на койку.

На столе не было ничего, кроме жестяной кружки и коробки с домино. Железнодорожник выдвинул ящик и достал сверток, в котором оказались хлеб и колбаса. Он обтер лезвие ножа рукавом, поровну разделил хлеб и колбасу, одну половину подтолкнул к Беко, вторую снова завернул в газету и спрятал в ящик. Потом он нагнулся, пошарил под кроватью и выставил на стол початую бутылку лимонада. Снял крышечку ножом, налил полную кружку и протянул Беко:

— Пей!

— Спасибо, я не хочу. — Беко зажал руки между колен и отвернулся. От голода его даже подташнивало.

Железнодорожник достал свою долю из ящика, откусил хлеб с колбасой и с полным ртом проговорил:

— Я только что поужинал.

Беко отщипнул кусочек хлеба и поднес ко рту. Он чуть не терял сознание. Отпил теплого лимонада.

— Учишься? — Железнодорожник прикрыл бутылку железной крышечкой.

— Нет.

— Работашь?

— Нет, — солгал Беко, потому что железнодорожник все равно не поверит: рабочий человек до такого состояния не дошел бы.

— Почему?

34736340
303 0011033

— Не знаю.

— Ешь, чего ты?

Беко осмелел, железнодорожник закурил и, подперев лицо рукой, смотрел на Беко.

— Вкусно? — спросил он.

Беко кивнул.

— Когда голоден, все вкусно. Ешь, сынок, ешь, не стесняйся! Хлеб принадлежит всем, у хлеба нет хозяина. Не думай, что ты один хочешь есть, накорми и того, кто уходит, и того, кто приходит. Хлеб — как сердце, если хочешь сохранить его целым, поделись с людьми!

Беко кончил есть, обтер руки о штаны и взглянул железнодорожнику прямо в глаза.

— Теперь закурить хочешь, да? — спросил тот.

Беко кивнул.

Железнодорожник выложил пачку на стол, Беко взял сигарету, расправил ее, языком провел по лопнувшей бумаге, сунул в рот и закурил.

Было такое чувство, что всю жизнь он голодал и сейчас впервые насытился. Ему не хотелось отсюда уходить. Голос железнодорожника доносился, как сквозь стену тумана, и каждое слово имело вкус хлеба. Если бы в школе разрешали есть хлеб во время урока, Беко многому бы научился...

— Хлеб — как сердце... — говорил железнодорожник, — поделись... Всех накорми...

Потом он услышал его голос очень явственно:

— Ты никак спишь?

Беко встал, протирая глаза, и улыбнулся:

— Да.

— Иди, сейчас твой поезд подойдет.

— Спасибо. — Беко кашлянул, прочищая горло.

— Ну, беги!

И Беко побежал.

В ожидании поезда по перрону прогуливалось несколько человек. Беко приглядывался к ним, надеясь встретить знакомое лицо. Но из их городка никого не оказалось.

В это время из здания вокзала выскочил директор музыкального училища. Увидев, что поезда еще нет, он успокоился и остановился, обтирая лицо платком.

Беко обрадовался и поспешил было к нему, но директор вдруг предостерегающе окликнул его издали:

— Сисордия, остановись.

Беко встал, взирая на него в недоумении.

— Ты здесь, Сисордия? — Директор переложил в другую руку тяжелую партитуру.

— Здесь...

— А ты знаешь, что Дато нашли? — заорал директор.

— Нашли?! — почти так же громко закричал Беко.

Они так кричали, словно стояли на разных берегах широкой реки.

— Не двигайся, Сисордия! — Директор направился было к нему, но близко подойти не стал и остановился поодаль.

— Где его нашли? — спросил Беко.

— Да-да, нашли.

— Где?

— Чего ты орешь? — рассердился директор, достал платок и снова стал вытирать лицо. — Ты что, не знаешь, где он был?

— Не знаю.

— Так вот, если не знаешь: его здесь нашли, в Сухуми!

Беко хлопнул в ладоши:

— Ух!

— Теперь ищут тебя. — Директор подошел еще ближе.

— Меня? Зачем?

— Сисордия, — спокойно заговорил директор, — лучше тебе самому пойти...

— Куда?

— И во всем сознаться.

— В чем сознаться?

— Так будет лучше.

Директор озирался по сторонам, словно кого-то искал.

— Да, так будет лучше, — повторил он, — поверь мне.

— Но в чем я должен сознаться? — растерянно улыбнулся Беко.

— Чтоб тебя не пристукнул какой-нибудь сумасшедший, походи и сознайся. Как будто не знаешь, в чем надо сознаться! — рассердился директор.

— Честное слово, не знаю.

— Сисордия! — Директор укоризненно покачал головой. — Ты же был моим учеником. Верно я говорю? Был?

— Был...

Его сковало, расслабило предчувствие опасности, что-то грозило ему, но что?

— Тебя ищет милиция. Зина собрала вещи и уехала с сыном в Тбилиси. Искугалась, наверно.

— Почему меня ищут? — Беко невольно оглянулся назад, словно пугаясь подкрадывшейся собаки.

— Почему, почему, почему! — передразнил директор. — Ты лучше меня знаешь почему. Вот она, рядом милиция. Ступай лучше по-хорошему.

— Нет, — прошептал Беко, но ответ его не относился к директору. Его ужаснула представшая воображению картина. Овчарки с высунутыми языками тянут на поводках едва поспевающих за ними милиционеров. Те, словно на водных лыжах, скользят за катером.

— Нет? Так, значит, нет? — спросил директор, подходя так близко, что Беко сделал шаг назад. — Поддержи-ка книгу!

Не успел Беко взять ноты, как директор обеими руками вцепился ему в рукав и завопил:

— Попался!

Беко вырвался и побежал вместе с партитурой. Следом раздался истошный вопль директора:

— Вернись, Сисордия! Стой! Ловите его! Держите!

Он бежал долго, запыхался. Ноты он крепко прижимал к груди, хотел выбросить, но почему-то не решился.

Он очутился на узкой полутемной улочке, похожей на деревенскую. По обе стороны тянулись побеленные известкой одноэтажные домишки, над деревянными заборами торчали колодезные журавли.

Беко остановился и спиной прислонился к забору. Откуда директор училца мог узнать так подробно о нем, Зине и Дато? Откуда ему известно, что Беко ищет милиция? Он ведь весь вечер просидел в театре.

Он представил затихший, затаивший дыхание зрительный зал и себя самого, бегущего в свете прожектора с ребенком под мышкой. За ним по пятам следуют милиционеры с собаками, а позади всех трусит Спиноза с двустволкой.

И хотя эта картина была исключительно плодом его фантазии, он все-таки рассердился и расстроился. Неужели они могли поверить, что я похитил ребенка? Вдруг он вспомнил слова директора: «Зина собрала вещи и уехала в Тбилиси». Только теперь до него дошел смысл этих слов, и как камень с души свалился. Этот камень давно лежал на сердце и не давал ему вздохнуть. Значит, Зина уехала, освободилась, улетела! Значит, его больше не душит сознание того, что Зина ради кого-то или ради чего-то терпит такое унижение.

Значит, Зина уехала, уехала только потому, что он, Беко... Да, он дал ей почувствовать своим невольным проступком, дал ей понять, что так жить нельзя. Если бы он сегодня не увез Дато, этого бы не случилось. Получается, что в глубине души он только этого и хотел, но не признавался себе, лгал: ах, только бы Зина не уезжала! А в действительности... Он вдруг пожалел, что по-настоящему не похитил Датуну, для такого дела не жалко было и настоящей провинности.

Он отдышался и пошел дальше. Кидаясь на заборы, собаки провожали его залившимся лаем.

«Уеду, — думал Беко, — уеду далеко. Буду грузчиком. На всех станциях выгружают почту. Потом скажут: какой был парень! Мама зажжет свечу, сварит кутью, придут соседи, посидят под яблоней. На груди у всех будет моя фотокарточка в черной рамке, нет, — улыбнулся он, — в бамбуковой рамке, а на ней надпись: «Привет из Батуми, привет из Киева, привет из Москвы, привет из Нальчика!». На всех станциях грузят почту, на всех станциях есть маленькая комнатка в подвале, во всех ящиках лежит кусок хлеба. А они пусть на меня собак науськивают!»

Он пнул ногой забор, еще больше обозлив и без того взбесившегося пса

— Пусть науськивают!

Перевод Анаиды БЕСТАВШВИЛИ

Окончание следует

Две миниатюры

НА ОКРАИНЕ села Зе-
мо-Мачхаани, что вид-
неется с Алазанской до-
лины, была пустынная, дикая,
лишенная растительности мест-
ность, которая называлась Та-
таров холм. Была... А теперь
там зеленеет чудесный плодо-
вый сад. Необычайный сад — на
каждом дереве висит табличка,
на которой написаны имя и фамилия.

Это имена и фамилии тех, кто погиб за родину в годы Великой Отечест-
венной... Из одного только колхоза Зе-мо-Мачхаани-Мирзаани на фронт ушло
1104 человека, и 476 из них не вернулись с войны.

Необычайный сад на некогда диком Татаровом холме был заложен в память
о тех, кто не вернулся.

Лет пятнадцать назад, когда сажали первые деревья, мне довелось побы-
вать в Зе-мо-Мачхаани. Тогда же строилось там здание мемориального музея,
а до окончания его строительства и открытия музея был установлен стенд
в коридоре Дома культуры, где находилась и колхозная контора.

Приехав в село, я первым делом отправился к председателю — Нико Ма-
маиашвили. Человек он известный во всей республике, заслуженный, пользу-
ющийся уважением и любовью всех, кто его знает. Ему посвятили свои стихи
два наших поэта — Отар Мампория и Вахтанг Горгanelи.

Нико я нашел на Татаровом холме, и оттуда мы с ним пошли в контору.
Поднимаясь по лестнице Дома культуры, я невольно задержал взгляд на порт-
ретах, развешанных по стенам. Помещенные в красивые рамки, представленные
как целостная экспозиция, портреты производили сильное впечатление. Трудно
было оторвать взор от этих открытых мужественных лиц. Ребята были все как
на подбор, один лучше другого.

Вон один из них, полковник, командир дивизии Симон Натрошвили... И
другой — поэт, лейтенант Аслан Кочиашвили... За ними следуют капитаны,
старшины, сержанты, солдаты... Знакомые, опаленные ширакским солнцем ли-
ца, знакомые глаза... Мои односельчане... Мои соседи... Глядишь — и не ве-
ришь, что нет их более, что сейчас вот, выйдя отсюда и идя тенистым про-
улком не повстречаешься с кем-нибудь из них...

— Ты уж того... сам осматривай... а я не могу, — сказал Нико и опустил
голову, чтобы я не увидел слез. — Ведь я сам провожал их на фронт, сам!.. —
он хотел еще что-то добавить, но махнул рукой и повернул в свой кабинет.

А я остался. Стою и разглядываю портреты, читаю подписи... Джамаспи-
швили, Бостоганашвили, Чигиташвили, Бенашвили, Марткоплишвили, Натро-
швили... Их могилы разбросаны на всем огромном пространстве, что пролегает
от Северного Кавказа до озера Балатон, от крайнего Севера до подступов к
Берлину... Мы и не знаем, где похоронены многие из них, где преклонить нам
колени, где, на какой клочок земли пролить по обычаю стакан поминального
вина...

Сколько их, погибших безвестно! Сколько их, не вернувшихся!.. Десятеро
из павших только Георгии Натрошвили. Прежде, чтобы различать друг от дру-
га однофамильцев, давали им прозвища. Например, Автандилаантов Георгий,
Талалауриаантов Георгий. Одних только Бехпаантовых Георгиев пятеро было.
Потом шли Вахасаантовы, Циграантовы Георгии...

Я, ОДИН - НАДЦАТЫЙ...

Десять Георгиев Натрошвили глядят на меня со стены. А я, одиннадцатый, гляжу на них, и хочется мне побеседовать с ними, поговорить по душам, ведь и я сражался там, где они, все мы — солдаты одной армии, и все мы делали, что только могли для спасения Родины.

Нико хранит письма, которые он получал с фронтов от землячков. В одном письме, посланном из-под Сталинграда, есть такие строки: «Я получил письмо из дому. Мать пишет, чтобы я за них не волновался, потому что Нико, как родной отец, заботится о всем селе. Спасибо тебе, дядя Нико, если вернусь — обниму тебя, как отца».

...Сорок второй год. Нико сидит в конторе. Открывается дверь и входит пожилая колхозница. Лицо у нее заплаканное. У председателя екнуло сердце: вдруг с фронта дурная вест! Он вскочил, бросился ей навстречу, усадил. Женщина, ни слова не промолвив, расплакалась.

— Да что же стряслось, скажи, не томи!

— Сон... сон дурной приснился, Нико... — сквозь слезы говорит мать солдата. — Будто сижу я и вяжу носки для мальчиков. Вдруг появляется какой-то одиорукый человек и толкает мою руку. От толчка этого петля на моей вязке спустилась... Я мучалась, мучалась, кое-как поймала петлю, а он снова меня тркает, и снова петля убежала. А он — «брось, говорит, ты это вязать, твои дети эти носки все равно уже не наденут...».

— Что за чушь ты говоришь! Ребята там воюют, а ты о дурацких снах толкуешь! Утри слезы, успокойся, твои сыновья как барсы сражаются с врагом, незачем тебе плакать!

Эх, было с чего плакать матери, было!.. Но давай-ка сегодня, в девятый день мая, в великий День Победы, не будем плакать, а будем радоваться и веселиться! Взойдем на цветущий Татаров холм, накроем праздничные столы, прольем поминальное вино на землю под именными деревьями и скажем:

— Да здравствует наша Победа! Да здравствуют ваши имена, ребята, и да здравствует тот немеркнущий свет, за который вы отдали свои жизни — да здравствует свобода Родины!

ТБИЛИСИ. Улица Марджанишвили. Центральный универмаг на этой улице. Когда я прохожу здесь, если даже мне ничего не нужно покупать, я не могу не зайти в этот магазин. Хожу, брожу по просторным залам, перехожу с этажа на этаж...

Давно появилась у меня эта привычка. С тех самых пор, как...

Однажды, случайно оказавшись в универмаге, я заметил среди покупателей группу деревенских женщин. Одеты они были в обычное городское платье, но по облику, по выговору я определил, что это горянки, тушинки, либо из Дикло-Омало, либо из Земо-Алвани. Приехали, вероятно, за покупками, а может, на какое-нибудь республиканское совещание. Неизвестно... И вот, ходят они по Центральному универмагу, присматриваются, прицениваются, выбирают себе товар по вкусу, покупают.

На первом этаже справа, там, где продают музыкальные инструменты, тушинки вдруг остановились. Долго разглядывали они разложенные по полкам инструменты, потом одна из них, молоденькая, хорошенькая, попросила продавца показать ей аккордеон. Видно было, что она решила купить аккордеон и хочет проверить, нет ли в нем какого-либо дефекта. Умело, привычным движением продела она руки в кожаные лямки. Тихо-тихо задвигались пальцы по клавишам, и в гомон торгового зала теплым светом пролился голос:

— Куда замуж отдать тебя, девица,
Где найти тебе мужа?

— Кахети мила мне, матушка,
Кахетинские горы, долины!..

Пела тушинка, и постепенно весь зал затих, смолкли голоса продавцов и покупателей...

Вдруг она подняла глаза, окинула смущенным взором притихших людей вокруг, поняла, что пение и игра ее нравятся всем, и от сознания этого стала еще краше. На цветок пирумзэ стала похожа она. Пирумзэ, что цветет среди скал.

Может, она и в мыслях не имела играть и петь здесь, в магазине, в шуме и гомоне толпы, может, просто хотела проверить клавиатуру, звук аккордеона... и неожиданно для себя самой запела и завладела этим залом, этой толпой, купила ее сердца и одарила радостью, не имеющей цены, — радостью слушать задушевную мелодию и любоваться молодостью, свежестью и красотой.

Смущенная и немного оробевшая, она вдруг умолкла, спустила с плеч аккордеон и попросила продавца выписать ей чек. Но не тут-то было! Продавец поспешно снял с полки другой аккордеон и протянул ей, уверяя, что он лучше того, первого. И кто-то из стоящих вокруг тоже подтвердил: да, мол, этот аккордеон определенно лучше первого. Тушинка догадалась, поняла, чего ждут и чего хотят эти люди, приняла из рук продавца второй аккордеон, и вновь зазвучала песня...

А народу собиралось все больше. Завороженные, слушали горожане горский напев, гордый и вдохновенный, как сами горы.

— Да, правда, этот аккордеон лучше, — проговорила горянка с милой улыбкой, опуская аккордеон на прилавок.

«Вот самый хороший!» — сказал продавец, предлагая еще и третий. Певицу не хотели отпустить.

Так неожиданно оборвалась торговля и началась поэзия, в торговом зале зазвучали отголоски горного эхо, повеяло ароматом свежих лугов Мта-Тушети...

С того дня всякий раз, как мне случается бывать на улице Марджанишвили, я захожу в Центральный универмаг, захожу с тайной надеждой, что снова встречу здесь девушку-тушинку, горскую девушку-пезунью, снова услышу ее песни... Ведь не может быть, чтобы она не приехала в Тбилиси еще раз!

Ни имени ее я не знаю, ни адреса, ни фамилии. Не могу написать и письма ей. Но может статься, прочтет она эти строки, вспомнит свой импровизированный концерт и поймет, как нужны Тбилиси ее песни.

СТРАНА ВОЛШЕБ- НИКОВ

СКАЗКА-БЫЛЬ

ОДНА была ленивая, другая — прилежная; одна была соня, другая вставала утром раньше всех; одна сломала лапу новенькому мишке, другая перевязала больную мишину лапу белоснежным бинтом; одна замусорила весь балкон, другая чисто подмела его; одна была страшная шалунья и капризуля, другая — умница-разумница. Одна была плохая девочка, а другая — хорошая, но бабушка не могла разобрать, которая была умница, а которая капризуля; не могла разобрать потому, что Кетино и Мзия были похожи друг на друга, как две капли воды. Они были сестры, обе родились в один и тот же день, обе были красивые. И глаза у обеих были одинаковые — лучистые, карие, и ресницы — длинные, с загнутыми кончиками; и платьица им одинаковые сшила мама — голубые, и туфельки купила одинаковые — красные; и в детский сад обе в одну группу ходили, потому бабушка никак не могла разобрать, которая из них Мзия, а которая Кетино.

Папа тоже их не различал, и только мама не ошибалась, одна только мама точно знала, что плохую девочку зовут Мзией, а хорошую — Кетино.

И мама, и папа утром рано уходили на работу, и дома оставались Мзия, Кетино и бабушка.

Однажды утром, уходя на работу, мама попросила бабушку: «выкупей сегодня их обеих».

Бабушка сперва выкупала Кетино. Потом собралась вести в ванную Мзию, а Мзии было лень раздеваться и купаться ей не хотелось. Поэтому, когда бабушка ее позвала, Мзия сказала:

— Бабуся, я ведь уже искупалась...

Тогда бабушка сказала Кетино:

— Пойдем мыться, Мзия!

— Баоуся, я ведь только что искупалась, неужели ты забыла! — ответила Кетино.

Бабушка была старенькая, плохо видела. Она притянула к себе одну внучку, взглядела — глаза у нее были карие, длинные, реснички длинные с загнутыми кончиками, щеки румяные. Вторая внучка была точь-в-точь такая же. Как тут разобрать, которая искупалась, а которая нет! Тогда бабушка решила схитрить: заставила девочек поклясться.

Кетино была хорошая девочка и всегда говорила правду. И сейчас она сказала:

— Клянусь мамой, что я — Кетино и уже искупалась сегодня утром...

Мзия была плохая девочка и врунишка. И она тоже сказала:

— Клянусь мамой, это я — Кетино, а не она, и я уже мылась сегодня утром.

Бабушка очень рассердилась. Но ведь она не знала, кто из девочек был виноват, а кто — нет. Потому она рассердилась на обеих:

— Разве вы не знаете, глупенькие, что у того, кто врет и при этом мамой клянется, мама умрет?!

Кетино заплакала, она очень любила маму и испугалась: ведь если у Мзии умрет мама, значит и я останусь без мамы! А Мзия начала смеяться, она подумала: ведь Кетино правду говорит, значит ее мама не умрет и моя тоже...

Бабушка увидела, что одна девочка плачет, а другая смеется и решила: которая плачет, та и виновата. Схватила она Кетино за руку, потащила ее в ванную и искупала во второй раз.

Вечером пришла мама с работы и спрашивает бабушку:

— Дети искупались?

— Да, обе искупались, — ответила ей бабушка.

Мама внимательно поглядела на дочек.

— Говорю тебе, обе, — сказала бабушка, — я их заставила поклясться, не могли же они солгать.

— Обе доклялись?

— Обе!

Поглядела мама на обеих дочек, и что она видит: Кетино стала еще красивей, чем утром была, волосы у нее чистые, аккуратно причесаны; а у Мзии волосы растрепанные, фартучек грязный, на щеке и на носу сажа, и руки грязные, немые. Догадалась мама обо всем, но ничего не сказала.

На другой день мама как всегда ушла на работу.

В полдень в дверь кто-то позвонил. Бабушка пошла открывать. Входит какая-то незнакомая тетя с мешком в руках.

— Кто вы будете? — спрашивает ее бабушка.

— А я пришла проведать Мзию и Кетино.

— Откуда же вы их знаете?

— Как же мне их не знать, ведь я пришла из Страны волшебников, у нас там есть такой телевизор, который все нам про всех показывает, и мы обеих прекрасно видим. Вы отсюда на нас глядите, а мы — отсюда на вас смотрим. И вчера мы увидели, как Мзия обманывала бабушку и мамой клялась понапрасну, и ни за что не искупалась. А Кетино сказала правду. Все волшебники сказали, что Кетино хорошая девочка, и поручили мне отнести ей подарок. Вот я и принесла, — и незнакомая тетя из Страны волшебников показала им на свой мешок.

Глазки у девочек загорелись, они с нетерпением смотрели на тетю и ждали, чтобы она развязала мешок.

— Которая из вас Кетино?

— Я! — сказала Кетино.

— Я! — сказала и Мзия.

— Ну-ка подойдите ко мне поближе, я из Страны волшебников и сейчас же все узнаю.

Девочки подошли к ней поближе. Незнакомая тетя потихоньку поглядела на фартучки — у каждой на фартучке, возле карманчиков было вышито маленькими буквами, у одной — «Мзия», у другой — «Кетино». Это им мама вышила.

Незнакомая тетя прочла вышивки и сказала:

— Вот эта девочка Кетино!

Она развязала мешок и начала вынимать из него подарки. Это были удивительные, очень красивые карандаши. Девочки никогда не видали таких карандашей. Они были всех тех цветов, которые существуют на свете. Кетино взяла один карандаш, провела им по бумаге — появилась фиалка, нежная и красивая. Взяла другой карандаш, провела по бумаге — зашелестел зеленый листок. Третий карандаш взяла, мазнула — солнышко засверкало на бумаге. Четвертый карандаш, едва только Кетино взялась за него, начал рисовать синее небо. Пятый был цвета темной ночи, шестой — желтой груши, седьмой — красного кизила.

Теперь все принадлежало Кетино, и солнечный луч, и фиалка, и зеленые листья, и красивые цветы, весь мир был в ее руках!

Заплакала Мзия.

А эта незнакомая тетя сказала:

— Не плачь, Мзия! В Стране волшебников мне так наказали: если Мзия будет хорошей девочкой и не будет попусту клясться мамой, дай ей кусочек неба и луч солнца, фиалочку и желтую грушу.

И она вынула из своего мешка еще карандаши и бумагу.

У Мзии личико раскраснелось, она протянула руку, но незнакомая тетя сказала:

— Сперва ты должна дать клятву в том, что никогда не станешь попусту клясться мамой!

— Я клянусь мамой, что никогда не стану попусту клясться мамой!

— Ну вот, в таком случае получай — и небо, и солнышко, и зеленые листочки, и фиалку, — сказала тетя и вручила Мзии все эти чудесные подарки.

Незнакомая тетя вскоре распрощалась с бабушкой и ушла.

Когда мама вернулась с работы, она увидела чудесные карандаши и спросила, кто их принес.

— Приходила незнакомая тетя из Страны волшебников. Оказывается, от туда нас видят по телевизору. Так же, как мы их видим отсюда, — ответила бабушка.

Когда дети уснули, бабушка спросила маму:

— Кто же была эта женщина.

А мама засмеялась, но так ничего и не ответила.

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

Очерк

Потийская „Комета“

«КОРАБЛЬ молитвой ходит», — говорили в старину. Но о современных кораблях, и в частности о теплоходе «Комета», этого уже никто не скажет...

На Потийском судоремонтном заводе много цехов. В одном из них, шестнадцатом, не только ремонтируют суда; в 1961 году по проекту лауреата Ленинской премии Р. Алексева, грузинские судостроители создали самый большой в мире теплоход на подводных крыльях и назвали его «Комета». «Комета» успешно проделала первый рейс — Поти — Москва и Москва — Поти, а затем Поти — Измир и Поти — Лондон.

В честь 50-летия Грузинской Советской Социалистической Республики наша «Комета», первая среди европейских и американских теплоходов на подводных крыльях, совершила путешествие вокруг Европы.

Начальник шестнадцатого цеха — скупой на слова, но заботливый, чуткий и умелый руководитель, прекрасный специалист — Михаил Бакман. Ему уже

за пятьдесят, а его заместитель Джемал Цомая — совсем еще молодой парень. В цехе вообще много молодежи — почти 40 процентов. Три комсомольско-молодежных бригады цеха возглавляют бригадиры А. Давиташвили, В. Гелантия и А. Даргобедов. Постоянным членом бригады А. Даргобедова числится комсомолец - активист Потийского судоремонтного завода, героически погибший в Великую Отечественную войну рядовой Гули Сардионович Габуния.

Шестнадцатый цех — интернациональный. Здесь трудятся бок о бок русские и грузины, евреи и греки. Это Д. Харaziшвили, В. Зоделава, И. Шалин, Р. Цулая, А. Балнер, А. Сичинава, М. Бакман и многие другие. Построенные ими суда охотно покупают США, Швейцария, Англия, Франция, ГДР, Италия, Румыния, Польша, целый ряд других стран.

Чтобы удовлетворить все возрастающие запросы, выпуск грузинских «Комет» почти ежегодно увеличивается. В недалеком будущем предусматривается увеличить их число вдвое, поэтому на

заводе идут большие технические преобразования.

— Вы не думайте, что судьба грузинских «Комет» вверена только шестнадцатому цеху, — обращается к нам директор судоремонтного завода Заур Арчаидзе. — О них заботятся все цехи завода. Возьмем, к примеру, механический цех, где работает один из передовиков нашего завода, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, токарь 5-го разряда Нокоша Хурция. Разве можно построить корабль, если Нокоша вовремя не подготовит подшипники дизелей, валы роторов двигателей и насосов? Обработанные Нокошей Хурцией металлические части и детали безукоризненны.

Нокоша окончил факультет судовых машин и механизмов Потийского техникума гидромелиорации. Ежегодно он выполняет план на 160—180 процентов. В то же время он преподает в Потийском профтехучилище № 12.

Нокоша Хурция отлично выполняет и ремонтные работы. Сейчас он врачует поврежденные валы компрессора.

Я и секретарь Потийского городского комитета комсомола Рамаз Чкадуа стоим у застекленной будки директора завода Заура Арчаидзе, который пытается беседовать с нами, но получается это у него с трудом: в будке то и дело звонит телефон, то и дело приходят рабочие с какими-то важными и неотложными вопросами, и директор все время отвлекается.

Заур Арчаидзе — крупный, довольно плотный, но очень подвижный человек, живо и быстро реагирующий на все, это — человек действия. Его рыжие волосы отсвечивают огнем, а умные серые глаза под золотистыми бровями придают еще большую энергичность и привлекательность всему его облику.

— «Комета» в переводе с греческого — «хвостатая звезда», но что общего у теплохода «Комета» с хвостатой звездой? — спрашиваю я директора.

В глазах Арчаидзе всмыхивает огонек.

— Что общего? Она такая же красивая, как хвостатая звезда, и такая же ослепительная. Наша «Комета» в море так же стремительна, как та, небесная. Сверкнет, пронесется — и исчезнет за горизонтом. Ведь не зря еще в позапрошлом году она завоевала всеобщее признание известных специалистов в канадской столице Оттаве! И впредь мы будем стараться, чтоб она не теряла авторитета. Мы сможем сделать многое, если в нашем коллективе будут работать такие парни, как Джемал Цомай, как Нокоша Хурция и другие.

Близ директорской будки на железных стапелях стоит почти готовая к спуску на воду «Комета».

— Как вам нравится наша красавица? — спрашивает Заур. У нее по 900 лошадиных сил!

В знак одобрения мы показываем поднятый вверх большой палец.

Заур смеется.

— Погодите, она действительно станет красавицей! Сейчас возьмется за дело столярно-красильный цех, и «Комета» засверкает нарядной обшивкой. А вот и начальник цеха Зураб Чагунава! Может, он поведет вас наверх, чтобы вы смогли осмотреть теплоход.

Зураб Чагунава с радостью исполняет наше желание.

По железной лестнице мы поднимаемся наверх. Директор остается внизу, в своей будке.

Входим внутрь. Там работают около двенадцати женщин и мужчин. Один держит в руках фуганок, другие — красивые ведра и кисти, мокрые тряпки и веники.

Стоит резкий запах краски, спирта и стружки. Жарко. Все обливаются потом. Мы оставались там недолго, но тоже вспотели. Из иллюминатора выглянули на море — неподалеку от стапелей в ожидании ремонта застыли огромные траулеры «Батуми», «Мцхета» и «Цхалтубо».

Спустившись вниз, мы остановились у директорской будки.

Заур Арчаидзе посоветовал нам осмотреть еще и гальванический участок 16-го цеха и попросил Зураба Чагунава: «Проводи гостей, а я присмотрю за твоим цехом».

В дверях участка нас встретили лудильщик 3-го разряда комсомолка Роланда Купрадзе и мастер Лери Чкадуа. Наверно, Заур Арчаидзе предупредил их по телефону, что идут гости.

Оказывается, раньше Роланда работала в цехе № 16 токарем первого разряда, но профессия лудильщика так ее пленила, что она оставила работу токаря. Роланда казалась совсем девочкой — тоненькая, с детской застенчивой улыбкой, с открытым взглядом живых выразительных глаз. И нашему удивлению не было границ, когда мы услышали, что Роланда — депутат Верховного Совета, что она не только замужем, но и мать двоих детей.

— Гальванический или лудильный участок, — рассказывает Роланда, — неотделимая часть шестнадцатого цеха. Здесь проводятся сложные и интересные химические операции, как, например, лужение, хромирование и кадмирование деталей — небольших, но очень важных. Для монтажа такого комфортабельного теплохода, как наша «Комета», детали требуются не только тщательно обработанные, но и красивые. Ведь теплоходы типа «Кометы» отправляются на

экспорт в самые различные уголки мира. На нашем участке работает двенадцать человек. Более половины из них — мужчины. Они работают на установках, где происходит основная обработка деталей, а уже потом производятся химические операции.

Роланда — уроженка Малого Поти. Она любит завод, людей, работающих там, но цех № 16, к которому относится ее рабочий участок, ей особенно дорог. И она с гордостью рассказывает:

— Наш цех — ведущий на всем заводе. Подтверждением этого является и тот факт, что заводское переходящее Красное знамя и сегодня находится у нас. На заводе есть бригады, которые досрочно выполнили план девятой пятилетки и еще с прошлого года стали работать в счет пятилетки десятой. Что касается нашего участка, он первый поддерживает в цехе все хорошие начинания. Коллектив предприятия не жалеет сил для выполнения и перевыполнения

взятых обязательств. Наш самоотверженный труд будет подарком XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза.

Слова Роланды подтверждает и переводчик производства гальванического участка Реваз Алхазав, посвятивший себя сложной профессии лудильщика еще с 1962 года. Он имеет третий разряд, большой опыт и пользуется уважением и авторитетом на всем заводе.

Сегодня в Поти работает девятнадцать крупных производственных предприятий. Судоремонтный завод имени Г. К. Орджоникидзе — один из них. Тот факт, что завод строит мощные комфортабельные теплоходы на подводных крыльях, пользующиеся столь доброй славой, отраден сам по себе.

Доброго пути тебе, грузинская «Комета», и носи тепло рук, тебя создавших, по всем морям и океанам, которые будешь бороздить, по всем портам, в которые будешь входить!

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ
ПОРТРЕТУ ИВАНА ТАРБА

„Поэзия — живу ей и дышу“

Год 1953-й. Тбилиси. Государственный университет. Встреча студентов с молодыми тогда поэтами Михаилом Лукониным, Ревазом Маргиани, Александром Межирским, Иосифом Нонешвили, Алеко Шенгелиа, Иваном Тарба. Уже в ту пору ощущалась яркая самобытность их вкусов, наклонностей, темперамент, неповторимость образов, насыщенность их строк.

Иван Тарба в своем герое стремился вылить прежде всего его сущность. Мера ценности человека определяется его идейно-политической направленностью, его отношением к родине, к труду. Внимание поэта заострено на гражданских чувствах сидящих в зале, и это яркий урок общественного назначения поэзии.

Завороженно слушая его дань временам года, невольно соглашаешься: «Осень, как она похожа на красивую абхазку!».

Как с детства, из мира сказок: «У лукоморья дуб зеленый...», в тот вечер не «кот ученый все ходит по цепи кругом», а

ветер, в роще пролетая,
на дубах листья листая,
удивит не пушным дивом,

а веселой, умной сказкой,
той глубокой и правдивой,
что сложил народ абхазский.

(«Осень», перевод Н. Тихонова)

И это для нас вновь открытый мир абхазского фольклора.

Влюбленный навечно в родную землю, ее трудовой народ, песни и сказки Апсны, поэт Иван Тарба и своих слушателей зажигает и пьянит все тем же светлым, радостным, праздничным чувством извечной влюбленности.

Люблю, как сын, Абхазию мою,
не устаю ходить по ней, — такую
ее, как цвет невянуший, пою —
большой земли советской часть родную!

(«Абхазия», перевод Н. Тихонова)

Тарба читает свои стихи и видит перед собой глаза молодых, много-много глаз и впереди — своих земляков, в ту пору студентов, Георгия Гублиа, Шамиля Пилиа, Алексея Джениа. И юных друзей-литераторов: Нодара Думбадзе, Мухрана Мачавариани, Арчила Сулакаури, Джансуга Чарквиани, Тамаза и Отара Чиладзе, успевших еще в стенах университета завоевать симпатии и любовь взыскательных слушателей и читателей.

Молодые поэты идут по ночному Тбилиси, и древняя столица вдохновляет поэта:

Люблю я ночь тбилискую,
где в окруенье звездном
луна такая близкая
над горным гребнем острым...

где небеса бездонные,
где вечно над тобою
гудят цеха бессонные,
как дальний шум прибоя.

(«Тбилисская ночь», перевод А. Кронгауза)

Внимательный читатель может составить биографию поэта из его произведений и даже узнать, почему, в честь кого он назван именем Иванова

Двадцать первый. Весна.
В белой хижине-пацхе —
в тот час родился человек,
словно близкие выстрелы
к жизни его пробудили,
обещая ему
беспокойный и радостный век.
Это светлое утро
пришло из Октябрьской России,
это партия
вечное солнце ко мне принесла.
Бородатый солдат,
уроженец далекой Рязани,
оказался дружкой,
боевым побратимом отца.
В честь солдата по-русски

в тот день нарекли меня Ваней.
Это партия дружбой
связала навеки сердца.

(«С первых дней», перевод М. Максимова)

Я рос без материнского присмотра,
без материнской ласки и тепла.
.....
Забуду ль детство, школьную скамью?
Нас школа—несмышлennyшей—встречала.
Забуду ль книгу первую мою —
моих трудов, моих дорог начало?
.....
Поэзия — живу ей и дышу.
Ношу в своей душе слова родные.

В поэме «На суд товарищей» проходит тема дружбы, без которой не крепок человек, и воздается дань учителям, учившим мыслить и прививавшим «с младенческих годов любую уважать национальность в единстве дел, и помыслов, и слов».

Резко, безо всяких компромиссов обесславливаются люди, ставшие приспособленцами, моральными уродами, изменяющие своему призванию ради доходных мест. Вслушайтесь в горечь строк, адресованных тем, кто до сих пор глух к голосу собственной совести:

Есть пережитки темные, которым
давно пора бы положить конец.
Тот рос в нужде, а ныне глянешь —
барство
к нему и в душу заползло и в дом.
Но я бы в интересах государства

судил таких общественным судом:
пусть школьные друзья, как прокуроры,
придут на суд,
и с ними наравне
не сводят с обвиняемого взора
те парни, что погибли на войне.

(Перевод Я. Козловского)

И если поэма «Это в горах» (в раннем переводе «Десять лет спустя») является отголоском трагических последствий войны, страстным призывом к бдительности ради самой жизни, то стихотворение «Волга» посвящено одной из драматичных, решающих побед нашего народа в великой битве на русской реке.

Поэма Тарба «Краснодонцы» являет собой поэтическую интерпретацию мыслей нашего современника о высоком смысле самопожертвования во имя Родины.

В 1973 году в московских издательствах «Советский писатель» и «Молодая гвардия» вышли два сборника абхазского поэта «Я встречаю солнце» и «Книга песен».

Бессчетные пути-дороги ведут его к познанию человеческих душ, постижению самого себя, определению места писателя и гражданина в бурном кипении жизни.

Картинки жизни Абхазии в творчестве поэта переплетаются с мыслями о дружбе, братстве, о любви и преданности, о чести и долге, о порыве юности и мудрой старости, о поисках истины и о счастье.

В ту ночь в горах сроднились по-братски
и не расторгнуть их—
русский, грузинский стих и аварский,
и мой абхазский стих.

(«Гунибская ночь», перевод Е. Храмова)

Теплы и сердечны лирические строки, обращенные к Александру Твардовскому, Константину Симонову, Карло Каладзе, Расулу Гамзатову, Евгению Евтушенку, Берды Кербабаяеву, Ревазу Маргиани и другим его близким друзьям и собратьям-поэтам, с которыми его связывает единство творческих и человеческих дорог.

Жизнью Тарба доказал верность своей присяге: одно из самых зрелых его творений — «Книга песен» «посвящается абхазской народной песне». Столь щедрую дарственную надпись делает благодарный пинт, ставящий поэтический гений своего народа в разряд самых дорогих понятий, таких, как мать, учитель, друг, Родина.

«Книга песен» — это своего рода отчет поэта перед народом, у которого он учится видеть жизнь глазами мудрости и ценить все лучшее в человеке с пылом юности.

Бесхитростные мотивы, услышанные поэтом в народной песне, обернулись для читателя яркими блестками лирических строк, покоряющих искренностью, широтой и богатством наблюдений, жизнелюбием и нравственной чистотой.

Давайте проследим, всегда ли объективен поэт по отношению к самому себе, утверждая:

Дар живописца не дан мне судьбою,
не для меня палитра и холсты...

Выставим на наш вернисаж всего три тарбовские картинки.

Словно спелый сок граната,
льется киноварь заката
морю Черному на дно.

Сквозь лиловый полусвет
я бросаю взгляд печальный
солнцу красному вослед.

(Отрывок из «Песни на закате солнца», перевод Я. Козловского).

В небе серые тучи
словно гуси летят.

Лишь хурма и гранаты
дозревают в садах.

(Из стихотворения «Люди осени рады...», перевод И. Бурсова).

Гранаты молча раскрывали рты,
сквозь золотые зубы улыбались.
Коптилось мясо, аромат храня.
А на веревке виснула чурчхела.

То ль от смущенья, то ли от огня
большая связка перца пламенела.
Сухие фрукты, вина всех сортов.
Лук и чеснок. И многое другое...

(Из «Стихов, написанных в апацхе», перевод А. Дементьева).

Поэтическая картинка черноморского заката.

Сад в золотом грузе померанцевых, обнаженные ветви с оранжевым цветом доспевающей хурмы, на фоне серых драпировок туч, развеваемых северным ветром, — живописный этюд южной осени.

Картина быта, в которой столько красоты, запечатлена крестьянским сыном, влюбленным в свой край, в свою деревню, апацху — хранительницу огня предков. Это сочный натюрморт, где все национально, традиционно, колоритно. Здесь любой художник вправе позавидовать поэту.

Словно отголосок известного стихотворения Владимира Маяковского о Солнце («Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче») воспринимаются эти строки:

Дорога вверх была крута,
обратно нет возврата.
Зовет нас к небу высота —
зовет к себе собрата.

Эрцаху, как бы мне достичь
твоей вершины снежной?

И душу скрытую постичь,
и юным стать, как прежде?

Я говорю начистоту,
и солнце мне смеется:
коль ты наметил высоту,
дорога к ней найдется!

(«Когда я на гору взойду...», перевод В. Лозового)

Сын своего края «и будучи мальчишкой восьмилетним умел любого оседлать коня». Это умение поэт получил в наследство от своих предков. Скачки, охота, альпинизм, страсть к путешествиям — проявление его природы, связь с природой, неумность, постоянное движение, неуспокоенность, энергия.

Жизнь, дай строку...

хочу душой пылать,
тревожиться, жить ярко, а не бледно,
ведь это так естественно — желать
пройти по этой жизни не бесследно.

(«Прошу слова», поэма, перевод А. Заурих)

Можно ли удивляться, что, войдя в семью поэтов с такой подготовкой и выправкой, он так уверенно, оседлав своего крылатого коня — Араша, вознесся на поэтический Эрцаху.

Поет Тарба и о камне, каменотесах Айастана, столетиями «дикий камень, словно зверя, к человеку приручавших».

И вот меня Армения зовет
пройти ее дорогой каменистой,
чтоб душу тронул мне Исаакян,

чтоб в улочке зеленой ереванской
передо мною раскрывал Сарьян
все тайны красоты земли армянской...

«Сванетия» — Ревазу Маргиани. Это посвящение кровному брату. А стихотворение Тарба «Долина Алазани» звучит, как признание в привязанности к родной грузинской земле.

Возле горного порога
так добра и хороша,
так распахнута широко,
как народная душа.

И бежит быстрее лани,
холодна, неглубока,
Алазани, Алазани —
наша горная река.

(Перевод А. Кронгауза)

О, Грузия! Моей судьбы страна,
страна чудес, где чудеса — с порога!
Я счастлив, что у нас с тобой одна
широкая и ясная дорога.
Люблю Мтацминду раннею весной —
сады цветут, сады порозовели...
И город весь лежит передо мной
так величав, как книга Руставели.
До опьянения я в тебя влюблен,

мой город, мой красавец, мой Тбилиси!
Я день и ночь по городу кружу...
С тобой никак расстаться не желая,
«Тбилиси» — только это и скажу, —
строка в стихотворенье — как живая!
О сколько тропок разных исходил,
о, Грузия, я по твоим долинам,
всегда дивясь приливу новых сил
и счастью окрыленности орлиной!..

(Перевод В. Торопыгина)

Недавно в журнале «Огонек» было опубликовано новое произведение Ивана Тарба «Поэма дружбы», в которой слышно мощное дыхание чистого голоса, слагающего величественный гимн во славу Родины братских союзных республик:

Мы все — семья! Как бы отец и мать
У нас одни — вот вывод дружбы веский.
Вот так встречаю и готов встречать
всегда людей Страны моей Советской!

(Перевод В. Торопыгина)

Его родина — Абхазия, Грузия, Россия — весь Советский Союз.
Он в ряду поэтов, борцов за честь, достоинство, свободу и счастье людей планеты Земля.

Блеск мгновения

ПРО СТИХИ Ладო Сулаберидзе с полным правом можно сказать, что это поэтическая летопись нашей действительности, поскольку в них содержится преломленная в поэтическом фокусе фиксация основных событий в жизни нашей страны. Но, как известно, фиксатор — еще не поэт, а запечатленные на бумаге события и факты — еще не художественное произведение. Их одухотворяет, оживляет, делает фактом литературы отношение автора к описываемому. Оно и привлекает нас в стихах Ладо Сулаберидзе, которые неотделимы от его биографии, являясь еще одним доказательством этой общеизвестной и признанной истины. И поскольку поэт — гражданин своей страны, ее труженик и борец, участник всей ее многотрудной повседневности, жизнь Родины не могла не оставить следа в его поэзии. Так оно и было, начиная с юных лет и по сегодняшний день. Поэтому в его стихах мы находим не только отражение тех или иных периодов в жизни страны, но и мысли представителя своего поколения. Видимо, именно в силу этого Л. Сулаберидзе так часто обращается к военным годам, хотя и облачные дни предвоенных лет тоже оставили отпечаток на его личности. Когда поэт касается этих тем, кажется, что он не только вполне прав в проявлении своих эмоций, своего отношения к происходившему, но и глубоко знает настроения и душевные движения людей, которые имели место тогда в ситуациях той поры.

События как предвоенных, так и военных лет, все боли тех далеких лет настолько жгуче осязаемы поэтом сегодня, что, создавая теперь, скажем, поэму о войне, он пишет ее так же, как десять-пятнадцать лет назад. И хотя в последнее время в поэзии Л. Сулаберидзе многое изменилось (совсем иное развитие получили его лирические стихи, обретя большую легкость и свободу, больше песенных свойств), обращаясь к юношеской поре, он по-прежнему верен ранее избранной форме и интонации. Ви-

димо, несмотря на то, что в ходе жизни, в столкновении с разными людьми и событиями личность человека определенным образом меняется, попутно обретая или теряя какие-то черты, некоторые моменты в ней приобретают статичный характер. Вот и у Ладо Сулаберидзе те годы воплотились в раз и навсегда определенную форму. А коли не изменена межа, тем же остается явление, поэт не меняет и своего отношения к нему. Поэтому и ранее созданное «Желтое поле», и совсем недавно опубликованная «Повесть после смерти» воспринимаются в одном ключе.

И тут назову еще один момент, который, возможно, имеет для поэта хотя и неосознанную, но все же реальную внутреннюю связь с вышеназванной особенностью его же поэзии. Л. Сулаберидзе — автор нескольких поэм. Некоторые из них отличают определенный поэтический уровень, сила эмоционального воздействия. Но в данном случае речь идет о том, что, работая над произведениями о годах своей юности и войны, он отказывается от новейшего жанра лирической поэмы и пытается передать события того времени с помощью традиционной эпической формы. Конечно, это вовсе не значит, будто лирическая поэма не способна передать все то, например, что поэт описывает в «Повести после смерти», но это обстоятельство еще раз указывает на особенность творчества Л. Сулаберидзе, выражающуюся в передаче статичных явлений с помощью такой якобы архаичной поэтической формы.

Эта тенденция особенно наглядна в последней по времени написания поэме, которая интересна для нас во многих отношениях. Прежде всего в ней передана боль поколения, к которому принадлежит Ладо Сулаберидзе. Поэт прямо и остро, со всей категоричностью ставит проблему, о которой жизнь сама сказала свое справедливое слово. Сила народа-победителя в том и состоит, что он не боится трудностей и о своих ошибках вспоминает только с сожалением, поскольку они ни на миг не останавлива-

ют его неуклонного движения к цели. Поэтому драматическая судьба персонажа из поэмы Л. Сулаберидзе воспринимается как секундная пауза на том большом пути, который прошли страна и народ. В поэме четко обозначаются места героя и антигероя, патриота и антипатриота в общественной жизни. И как бы ни подвели злодеи, люди достойные в любой ситуации поступают по велению их человеческой сущности. Такие люди всегда верны своему призванию. Вот и парень, несправедливо исключенный из комсомола, сделал все, что подсказывала ему его совесть, все, что должен был сделать: он добровольцем отправился на фронт. В поэме параллельно дается развитие образа антигероя, его делишек. Он тоже совершает то, что свойственно такому типу, не способному или не желающему понять правоту честного человека. Он растаптывает Правду.

Тяжелораненый главный герой поэмы попал в Крым в вражеский плен. И вот однажды в лагере пленных к нему приблизился человек, заговоривший по-грузински, хотя был на нем фашистский мундир. Он призывал «грузин встать в ряды немецкой армии, так как от этого зависит сейчас судьба их родины». Герою поэмы этот человек хорошо знаком. Это он опорочил его в юности, а теперь звал встать рядом с врагом. В этом пассаже окончательно раскрывается сущность героя и антигероя.

Пленный воин-патриот свершил свою кару. В подобной ситуации многие герои вынесли бы аналогичный приговор антигерою и предателю. Но поэт не последовал за громкими фразами. Для его персонажа — главная причина мести, ее исходная точка наряду с любовью к родине заключается еще в защите своего личного достоинства. Здесь слились воедино личное и общественное: предатели родины проявляют свою истинную сущность во взаимоотношениях с конкретными людьми.

И тогда происходит как бы разветвление большого зла на целые циклы зол меньших масштабов. Для антигероя, «человека с наростом», маленькое проявилось в унижении человеческого достоинства главного персонажа. Кто знает, скольким он вот так перекрыл дорогу в жизнь, в скольких убил доброе начало? И эти «мелкие» злодеяния предстают перед нами большим злом в лагере пленных, когда антигерой призывает грузин встать рядом с гитлеровцами и вместе с ними бороться за «освобождение Грузии». Таким развитием характера Л. Сулаберидзе проливает свет на сущность того общественного явления, которое породило возможность для антигероя лишить чистого юношу комсомольского билета. Тот, кто сегодня ни во что не ставит человека, кто невозмутимо может

отобрать главное для него, благодаря чему он связывает личное с общественным, тот завтра способен продать свою родину.

* * *

Подлинное лицо поэта-лирика просвечивает в его стихах. А посему любое произведение должно быть выразителем его души, частью его творческой жизни. И так оно и есть у Л. Сулаберидзе. Но у него тоже имеются слабые стихи. И почти все их минусы одинаковы и не связаны с тематикой. Порою Л. Сулаберидзе не хватает строгого чувства слова. Он крайне неэкономно расходует это богатство. Недооценка феномена слова иногда приводит к удивительному парадоксу. Ведь наши чувства, отношения, переживания мы будто доверяем готовым, общеизвестным словам. Именно их: единство, сочетание и создает поэтический замысел. В этом как раз и кроется бессмертная сила поэзии, обладающая огромной потенциальной реакцией. Вспомните такой эпизод из «Гамлета». Он держит в руке книгу, которую читает. Заходит Горацио. Спрашивает, что тот читает. Гамлет отвечает: «Слова, слова, слова». Но какой магической силой наделены они! Хотя те же слова могут превратить мысль в бессмыслицу, а возвышенное и непорочное свести до низости.

Нередко действительно слова так и остаются словами, не выражающими ни мысли, ни настроения. Эта болезнь характерна не только для Л. Сулаберидзе. Сегодня, когда во всех сферах деятельности стремятся к бережливости, к умению выражать максимальное с помощью минимальных средств, поэты порою все так же расточительны в словах.

Но когда слово строго взвешено и прочувствовано, когда этот феномен точно выражает мысль поэта, его душевное устремление, настроение, тогда перед нами — истинный образец поэтического творчества. Вот, например, как утонченно передана в стихотворении увиденная поэтом картина и как умело увязывается она с его благородной мечтой:

Молния за молнией погналась
и в небо врезалась с грозой,
Как будто в сеть его раскинутую
форель попала¹.

Этот прекрасно нарисованный пейзаж, образный и динамичный, порождает и соответствующее настроение.

¹ Здесь и далее стихи Л. Сулаберидзе приводятся в подстрочном переводе, чтобы с максимальным приближением дать читателю представление об оригинале.

И далее:

Кавкасиони задела крылом.
Коснулась Триалети,
Улетела в полночь,
Загорелась в черной гриве.

Эта загоревшаяся на черной гриве полудночи молния — образец подлинно поэтического мышления.

И еще:

Вдали вспугнула туров
у охотников хевсуров,
Потом снова в облаках озера
канула форелью.
Как сейчас в ущелье Кции
колокольным звоном било небо,
Так и мне бы про шуметь бы
в Джавахети и Гареквахети.

Нарисованная картина подчинена переживанию, устремлению поэта. Пейзаж, поэтический образ не обособлены, а слились в одно единое с мыслью поэта. Но именно в силу этого нами словно овладевает некоторое сожаление, вызванное патетическими нотками, хотя и передающими авторскую мысль, его желание, но все же создающие опасность сковать естественность и свободу приведенных ниже строк:

Чтобы светлая юность
Сопутствовала вечно, как друг,
Секундной вспышки довольно,
Чтобы осветить мне всю жизнь.

Возможно, такое впечатление возникает от того, что поэт это уже высказал выше. И это настолько естественно вписалось в общую ткань стиха, что сняло ощущение патетики. Но так или иначе, «секундная вспышка» для поэта действительно прекрасное явление и она ничего другого не означает, кроме акта рождения строк, навсегда поселившихся в сердце народа. Это, как и другое, посвященное птицам, стихотворение, наиболее ясно представляет нам личность и духовный мир Ладо Сулаберидзе.

Конечно, часто тема обуславливает форму стихотворения, но сколько элементарно плохих стихов мы знаем на так называемую поэтическую тему. Значит, главное тут — отношение к теме, ее раскрытие и, что особенно важно, — само поэтическое ощущение предмета, явления.

Ночуют на дереве птички.
Не тряси, ветер, ветви,
Ночуют на дереве птички.
И снятся им пустыни.

И все же в чем конкретно выразилось в этом стихотворении переживание поэта? Личностное переживание того или

иного предмета, явления носит сугубо частный, индивидуальный характер, и чтобы оно стало общим, необходимо подняться на такую высоту поэтического отображения, которая позволит сделать свое, личное переживание — всеобщим. Это требует такого уровня мастерства, которое оказывает одинаковое воздействие на самых различных читателей.

Хотя в эту ночь не пойдет дождь,
Хотя в эту ночь не повалит снег,
Все же у птиц нет теплых носков,
У птиц нет теплых домов.
Они приютились за пазухой ночи,
Укрытые зелеными листьями,
Закутались в облако сна.
Облака,
Не возмущайтесь сейчас!

Далее следуют строки, передающие с еще большей глубиной и силой сочувствие беззащитным и слабым существам:

Намокли на миг их клювы,
До зари птички
смежили белые веки.
Ураган,
Не перехвати их дыханья.

«Птички» — это лишь одно проявление поэтической души Л. Сулаберидзе. В его стихах достаточно четко ощутимо и другое, о котором говорилось выше («Повесть после смерти»). Налицо оно и в стихотворении «Десять шагов жизни». По существу это исповедь поэта, испытавшего на своем жизненном пути много боли, крик его души, возмущенной изменой друга.

Известно немало значительных произведений художественной литературы, посвященных измене, страстям, рожденным ею. Поэтому, казалось бы, трудно уже сказать в этом смысле что-то такое, что привлекло бы внимание современного читателя. Тем не менее, стихотворение Ладо Сулаберидзе «Десять шагов жизни» глубоко западает нам в душу. Перекитое поэтом подвело его к созданию строк, с огромной силой передающих испытанное им состояние. Эта особенность, вообще присущая Л. Сулаберидзе, наиболее ощутима в его лучших стихах. Он не доверяет аналитической природе творчества и полагается только на собственные эмоции. Глубокие переживания, связанные с теми или иными явлениями жизни, помогают ему установить контакт с читателем. Поэт стремится найти такие поэтические средства, которые смогут сделать его личное настроение или переживание всеобщим. При этом он пользуется традиционным стихом, избегая необычных, нарочитых приемов. Эффект достигается нарастанием экспрессии, драматизма, напряженности, в ходе которого прекрасные по-

этические образы озаряют стихотворение, как проблески солнца в сумрачный день.

Был обычный, спокойный день, светило солнце, цвел миндаль, набухали почки на яблонях и кизиле. И вдруг все стало иным: день — померк, солнце — словно потухло. Отчего?

Вчера друг изменил клятве
И, как черствую лепешку, бросил ее
собаке.
Я вдруг стал раненым кабаном,
Клыками разрывающим собственные
жилы.

Одна строка этого стихотворения еще раз убеждает нас не только в том, что поэт глубоко пережил это чувство, но и столь же основательно осмыслил тему, приди к выводу, что все мы в ответе за наши человеческие взаимоотношения. Дружба начинается с распознавания человека, с поисков общего с ним. И вот потому, что поэту изменил друг:

Первым сын взглянул на меня
с подозрением,
Усомнившись в моей силе.
После вчерашнего мне стало очень
трудно,
На мне треснула моя человеческая
кольчуга.

Да, лирический герой ответствен и перед сыном, ибо двуличного человека он считал своим другом. Поэтому эти строки воспринимаются как подлинное переживание. Далее поэт вспоминает друга, вместе с которым воевал на Крымском фронте. Сегодня же, в один из обычных дней, когда цвел миндаль, светило солнце, набухали почки на яблоне и кизиле, все это воспринимается с огромной болью. Таким образом, возникает своего рода контраст между подержкой в критическую, трудную минуту и изменой в радости. Настоящий человек смертью своей доказал преданность не только тому или иному конкретному человеку, но вообще свою причастность человечности.

В этих двух последних стихотворениях Л. Сулаберидзе, думается, с наибольшей четкостью проявилось примечательное свойство его творчества, воплощенное в раздумьях о судьбе легко раненых и честных людей, в протесте против всего такого, о чем шла речь во втором стихотворении.

Материала для иллюстрации этого положения более чем достаточно в стихах Л. Сулаберидзе. Назовем хотя бы такие его лирические создания, как «Щепка», «Проходил ты утром мимо Сиони», «Бабушка», «Лестница». Раздумья об этой проблеме привели поэта к мысли, высказанной в проникнутом гуманизмом, глубоким человеческим переживанием

стихотворении, напоминающем блестящие образцы поэзии наших классиков. Стихотворение это предельно точно выражает сущность личности поэта, его убеждения, его человеческий мир.

Муравьи тоже имеют свой
Ум, мысль и разум.
Но разорить их скопления, истребить их
Мы не считаем грехом.
На земле есть Никорцминда
И есть Баракония.
А мы топчем муравьев
И считаем, что это ничего не значит.

Разве в этом стихотворении не находят отзвук лучшие традиции грузинской поэзии? А если это так, то мы вправе причислить его к примечательным явлениям современной советской поэзии, которая, опираясь на достижения прошлого, создает новую, отвечающую требованиям нашего времени поэтическую культуру.

* * *

В творчестве каждого поэта есть стихи, отличающие его от собратьев по перу. Именно они определяют его место в нашей сегодняшней поэзии. Он всегда остается для нас автором тех стихов, которые открыли нам новый поэтический мир, раскрыли его своеобразие, новые нюансы движений человеческой души.

Когда несколько лет назад Л. Сулаберидзе опубликовал цикл «Ферейданских элегий», он вполне справедливо оказался в центре всеобщего внимания. После этого им было создано много заслуживающих внимания стихов, появившихся как в периодической печати, так и вышедших в виде отдельных книг, но по сей день, как мне кажется, «Ферейданские элегии» остаются наивысшим достижением их создателя.

Конечно, стихи о тяжелой судьбе родины, о соотечественниках, ставших на путь ассимиляции, всегда вызывают грустные эмоции, но заслуга Л. Сулаберидзе в том, что он в предельно драматизированном виде представил нам их вековую боль, заставляющую как бы вновь пережить трагедию, начавшуюся сотни лет назад.

Сколько печали, сколько боли в этих строках! Послушаем же, что говорит грузин из Ферейдана:

Тут тоже хороши
Горы,
Поля
И реки,
И день бывает также
И пасмурным,
И светлым,
Солнце тоже светит ярко,
Щедро даря свои лучи...

Но мне бы раз всего
Соприкоснуться грудью
Со своим небом.

В этом чувстве, как и в этой мечте о родине, есть подлинность переживания. Родина не отвлеченное понятие; человек должен любить ее такой, какова она есть на самом деле. Для лирического персонажа этого стихотворения, в данном случае для ферейданца, красота есть везде. Но родина? Она — единственная.

Все сказанное выше еще не означает, что среди «Ферейданских элегий» нет слабых стихов. Порою создается впечатление, будто острота темы, переживания, вызванные трагической судьбой соотечественников, иногда мешали поэту в полной мере проявить высокий уровень поэтического мастерства. Необходим объективный подход к теме, чтобы преодолеть ее остроту, иначе бурный поток страсти способен отрицательно сказаться на художественных достоинствах стиха. Подтверждением этого как раз и является стихотворение Ладо Сулаберидзе «Шах-Аббас», передающее вполне правильное отношение поэта к злейшему врагу грузинского народа, но тусклые строки явно нанесли ущерб теме, поскольку настроение здесь выражено не на том высоком художественном уровне, на который способен автор. Вот, напри-

мер, как представлен в стихотворении образ захватчика:

Ты тоже когда-то был ребенком
И кормился материнской грудью.
Кто же дал тебе впитать
Вместе с материнским молоком
волчью кровь...

Цикл этот объединяет много по-настоящему хороших стихотворений. Тем более следовало довести до их уровня те, которые неприглядно выглядят на общем фоне цикла, или даже вовсе не включать их в него.

Я хотел закончить эту статью цитатой из какого-либо стихотворения этого цикла, но затрудняюсь отдать предпочтение тому или иному из них. Поэтому просто посоветовал бы читателю лучше перечитать самому весь цикл или хотя бы такие входящие в него стихи, как «Маленький Ферейдан — маленькая Грузия», «Караван» (у читателя, знакомого с творчеством Левана Готуа, он обязательно вызовет ассоциацию с его рассказом «Блуждающий караван»), «Триста лет», «Зов земли», «Одна девушка-персиянка была», «У колыбели», «Кончаюсь», «Горе такому стихотворцу», «Снова зовет грузин». Это — хорошие стихи, продолжающие многовековую традицию грузинской патриотической лирики.

«ЯСОЧКА» — ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК РЕВОЛЮЦИИ

28 декабря 1897 года Людмила Воронова писала Вере в Батуми:

«...Я познакомилась у Юлии Феликсовны (Глушковской) с одной бывшей курсисткой, которая теперь под надзором полиции...».

В ее доме (Ю. Ф. Глушковской) по несколько лет жили один за другим Юрий, Вера и Людмила Вороновы во время обучения в Кутаиси. С сыновьями Юлии Феликсовны — Александром и Борисом Глушковскими дружил Юрий Воронов, с которыми учился вместе в Кутаисской мужской гимназии.

В начале лета 1899 года студент Борис Глушковский был исключен из Петербургского университета за активное участие в студенческих волнениях, выслан из столицы на Кавказ и отдан под надзор полиции. Его мать Ю. Ф. Глушковская обратилась к Александре Константиновне и Ольге Николаевне Вороновым с просьбой разрешить приехать ее сыну на отдых в Ясочку, в Цебельду. Сразу же Вороновы прислали приглашение.

11 июля 1899 года Ю. Ф. Глушковская писала из Кутаиси А. К. и О. Н. Вороновым в Ясочку:

«...Я очень и очень Вам благодарна за то радушие, которым Вы обещали встретить Борю у себя, в Ясочке. Боря выслан из Петербурга, выгнан из университета... Он должен был так поступить, чтобы остаться честным по отношению к товарищам... Боря в Багдадах (у Маяковских — И. Л.) очень поправился, выглядит очень хорошо, занимается, читает и рисует и часто разъезжает с Маяковским (Владимиром Константиновичем — отцом поэта. — И. Л.) в горы. Это меня утешает».

А в 1901 году семья лесничего В. К. Маяковского из глухого горного селения Багдады переехала в губернский город Кутаиси и поселилась в доме у Ю. Ф. Глушковской. Это Юлия Феликсовна подготавливала к вступительным экзаменам в Кутаисскую мужскую гимназию девятилетнего Володю Маяковского, будущего пролетарского и советского поэта. В ту гимназию, где учились Юрий Воронов, Александр и Борис Глушковские, их грузинские, русские, армянские и польские друзья и где закладывались глубокие традиции революционного демократизма и пролетарского интернационализма. Характерно, что Ю. Ф. Глушковскую хорошо знал, ценил ее ум и доброе сердце один из выдающихся грузинских большевиков-ленинцев Филипп Махарадзе.

4. НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Весна 1901 года соединила троих Вороновых в Петербурге. После Франции Юрий продолжал учебу в университете. Вера — в Женском медицинском институте, Людмила — с осени на Высших курсах воспитательниц и руководительниц физического образования Л. Ф. Лесафта. Все трое — активные участники студенческих волнений 1901 — 1902 годов. Юрия исключают из Петербургского университета, Веру арестовывают и высылают в Сухуми под

Продолжение. Начало в № 2.

гласный надзор полиции. Людмила избежала репрессий. Их письма, живые голоса того времени.

Юрий—матери, 10 марта 1901 г.: «В правительственном сообщении факты извращены до неузнаваемости... Около двенадцати часов дня у Казанского собора собралась тысячная толпа... Цель была — выразить протест против «временных правил» (направленных против передового студенчества. — И. Л.). Из толпы начали читать прокламации. Появились казаки... начали бить нагайками кого попадало и по чему попало. Били жестоко и женщин и детей. Кровь лилась ручьями».

Вера — запись в дневнике, 9 апреля 1901 г.: «Никому не могло бы прийти в голову, что я вернусь сюда (в Ясочку) как изгнанница, пострадавшая за правду и любовь к свободе и справедливости... Трудно учиться на Руси... Этот год прошел для нее (учащейся молодежи) недаром: сколько сил затрачено, сколько жертв принесено! Даст ли все это плоды? Я верю в то, что ни одна жертва не принесется даром, что идущие за нами поколения студентов увидят лучшие времена».

11 ноября 1901 года Людмила Воронова писала матери в Ясочку: «Я занимаюсь, работаю, чувствую, что кругозор мой расширяется и, главное, что меня все больше и больше притягивают к себе эти занятия. Нервы мои успокаиваются... Я чувствую, что иду вперед, становлюсь ближе к тому идеалу, который должен всегда стоять перед человеком. И мне кажется, что у нас с (братом) Юрием есть лекарство в науке, в расширении своего кругозора и, главным образом в процессе самого приобретения знаний, самого знакомства с наукой. И лекции, и профессора на курсах мне нравятся».

В начале 1901 года на Высших курсах П. Ф. Лесгафта по инициативе молодого преподавателя химии, социал-демократа Дмитрия Ильича Лещенко возникает первый социал-демократический кружок. Через год в нем насчитывалось двадцать пять-тридцать членов. Активное ядро в нем составляли лесгафтики М. А. Борисова, О. И. Виноградова, Д. А. Клебанова, Е. Г. Крич. В ядро входили и три подруги, уроженки Тифлиса Людмила Воронова, Клавдия Александр и Лидия Качаунова.

Вот тогда, с весны 1902 года, Людмила Воронова начинает пересылать к матери в Ясочку отдельные экземпляры газеты «Искра», искровские листовки. Среди них было отправлено несколько экземпляров листовки «К обществу»: один направлен в Ясочку, другой для передовой учащейся молодежи в Тифлис (тогда там проживала в ссылке сестра Вера Воронова), Кутаиси, Батуми.

Из листовки «К обществу», февраль—март 1902 г.: «Увлечение социалистическими идеями Маркса, знаменитые стачки петербургских рабочих 96—97 гг., начавшееся брожение в среде интеллигенции, общее недовольство господствующим полицейско-бюрократическим режимом — все эти факты были первыми симптомами начинающегося обновления русской жизни. Но теперь уже не ничтожная кучка интеллигентов подымала знамя и не узкие слои образованного класса с сочувствием смотрели на загоравшуюся борьбу. Новый общественный класс, новая могучая сила — русский пролетариат впервые выступает в середине 90-х годов на арене общественной жизни. И русская интеллигенция радостно приветствовала появление нового сильного союзника в борьбе с самодержавием, быстро пошла ему навстречу».

В начале осени 1903 года, после Второго съезда РСДРП, Людмила Воронова, ее подруги Клавдия Александр, Алиса Мейбаум (ставшая в 1903 году женой известного большевика-ленинца И. И. Радченко), Вера Заорская, Мария Борисова, позднее Лидия Качаунова, как и десятки лучших представителей рабочих и студенческой молодежи, вступили в ряды партии большевиков. Людмила стала душой партийной ячейки курсов П. Ф. Лесгафта. На маленькую хрупкую девушку навалились огромная ответственность, риск, десятки заданий: быть связной между большевистскими группами курсов П. Ф. Лесгафта, университета, Женского медицинского, транспортировать в рабочие районы города «Искру» и листовки, переписывать от руки ленинские статьи, пролетарские песни. И обязательно один, чаще два экземпляра «Искры» или листовки пересылались почтой или с оказией в Ясочку. А оттуда с помощью матери, сестер Веры и Ольги рассылались в Тифлис, Батуми, Кутаиси, Сухуми. В Ясочке расширялась библиотека подпольной литературы.

Осенью 1903 года член Петербургского комитета РСДРП Елена Дмитриевна Стасова передала Людмиле Вороновой десяток экземпляров «Извещения о Втором очередном съезде РСДРП» для пересылки их из Петербурга в Закавказье. **В «Извещении» говорилось:**

«Товарищи! Перед нами стоит теперь громадная задача — провести в жизнь те решения, которые приняты II съездом, превратить на деле нашу Партию в принципиально (марксистски) выдержанную, организационно-сплоченную

коллективную силу, способную руководить всеми проявлениями классовой борьбы за свободу всего народа и за освобождение труда от всех видов гнета и эксплуатации. Мы прекрасно сознаем все гигантские трудности этой задачи, но мы знаем твердо, что она может быть осуществлена и будет осуществлена — за это ручается растущее сознание русского рабочего класса, который все с большей энергией, все более и более широкими массами встает на борьбу и рвется к последней битве с врагом.

...Центральный Комитет поручает всем организациям Российской Социал-Демократической Рабочей Партии переиздать это извещение и распространить его повсюду в возможно большем количестве экземпляров.

В конце прокламации подпись: «Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии».

Людмила выполнила задание партии. На оборотной стороне прокламации, очевидно, ее рукой была сделана малозаметная карандашная запись: «Лес(гафт-курсы) — 3 экз(емпляра), Тифл(ис) — 2 экз., Кут(анс) — 1, Бат(ум) — 2 экз., Сух(ум) — 1, Яс(очка) — 1». По этим адресам и были доставлены экземпляры «Извещения».

...Свыше семи десятилетий хранится эта уникальная прокламация — слегка пожелтевший листок тонкой папиросной бумаги, измятый на сгибах, — в Ясочке, в Цебельде, близ Сухуми.

С 1898—1900 годов в петербургской студенческой общественной жизни активно проявляло себя кавказско-грузинское землячество. Оно было немногочисленным, но весьма сплоченным, дружным и объединяло студентов-кавказцев, обучавшихся в столичных высших учебных заведениях. Главное — землячество стояло на твердых революционных позициях, в его деятельности преобладало марксистско-искровское направление. В землячестве свято чтились революционно-демократические традиции, заложенные в начале 60-х годов прошлого века грузинскими революционерами-демократами Ильей Чавчавадзе и Нико Николадзе, в то время студентами Петербургского университета¹.

Состав землячества был интернациональным, хотя в нем численно преобладали грузинские студенты. Но были также армяне, русские, азербайджанцы. В него (1901—1904) входили А. А. Вермишев, Ю. Н. Воронов, А. Л. Джапаридзе, Ф. Е. Махарадзе, Ш. З. Элиава, П. И. Кавтарадзе (университет), М. Д. Орахелашвили (Медико-хирургическая академия), К. А. Александр, Л. Н. Воронова, Л. А. Качаунова, А. Е. Чиргадзе (Шарашидзе) (курсы П. Ф. Лесгафта), В. Н. Воронова, Варя Гаприндашвили (Женский медицинский), Мало Ломинадзе, Мария Микеладзе (Бестужевские женские курсы) и другие. Кавказское землячество имело две явки: одну — в столовой Петербургского университета, другую — в столовой курсов П. Ф. Лесгафта. Члены землячества принимали активное участие в революционном движении, в подпольной работе.

Один из руководителей Оргкомитета и «Кассы радикалов» университета Борис Евгеньевич Райков, впоследствии ставший известным советским биологом, доктором наук, профессором, вспоминал:

«В конспиративных поручениях принимали участие десятки студентов; причем особенно хороши были кавказцы. Я помню двух студентов-грузин: А. Джапаридзе и Ф. Махарадзе. Они никогда ни о чем не расспрашивали, но с мрачным и решительным видом делали свое революционное дело с аккуратностью часов».

С кавказским землячеством через универсанта Ш. З. Элиава и лесгафтичку Л. Н. Воронову была тесно связана секретарь ПК РСДРП Е. Д. Стасова. Это по ее совету с ноября 1903 года Людмила начала работать секретарем-машинисткой в Ботаническом музее Академии наук. Туда ее устроили профессор-ботаник В. Л. Комаров (в советский период — академик, президент Академии наук СССР), активно помогавший городской организации большевиков², и ее брат Ю. Н. Воронов, который после исключения из университета работал в Ботаническом музее. Через некоторое время комната для обработки гербариев, где работала Тамара (партийная кличка Людмилы), становится местом явки для работников Центрального и Петербургского комитетов РСДРП, приезжавших в столицу из-за границы и из разных городов России. Вот строки из шифрованного письма от 9 апреля 1904 года, отправленного из Петербурга, в один из заграничных большевистских центров:

¹ Кстати, И. Г. Чавчавадзе и Н. Я. Николадзе знали и сотрудничал с ними в 70—начале 80-х годов редактор-издатель «Кавказа» Н. И. Воронов. В частности, он очень высоко ценил поэтический талант И. Г. Чавчавадзе.

² В квартире В. Л. Комарова была организована одна из явок Петербургского комитета РСДРП.

«...Явка — Ботанический сад. 2-й этаж, прямо — первая комната, на- лево — вторая, направо — третья, (здесь) спросить Людмилу Воронову. Пись- мо за подписью «Андрон» для лица, дающего пароль «Акакий», ежедневно от 10 до 2, кроме праздников».

Весной 1904 года на этой явке побывал выдающийся кавказский револю- ционер-ленинец С. Г. Шаумян, возвращавшийся из Германии — Швейцарии в Рос- сию и Закавказье. В марте 1905 года на эту явку выходили члены Кавказского союза РСДРП М. Г. Цхакая и П. А. Джапаридзе, направлявшиеся из Тифли- са через Петербург в Лондон в качестве делегатов на Третий съезд РСДРП. С явкой в Ботаническом музее были связаны Л. Б. Красин, Е. Д. Стасова, Д. А. Клебанова (Лазуркина).

Летом 1904 года по рекомендации С. Г. Шаумяна Тамара работала вме- сте с Д. А. Лазуркиной в составе Екатеринославского комитета РСДРП, нала- живала революционные связи между Петербургом, Екатеринославом, Донбас- сом и Закавказьем.

15 августа 1904 г. Л. Н. Воронова из Екатеринослава — В. Н. Ворновой в Ясочку: «...Работать приходится с раннего утра до позднего вечера, если не за восьмерых, то за четверых во всяком случае... Теперь я уже могу под- вести поверхостный итог лету. Оно мне очень много дало... Помнишь те сло- ва, в которых говорится о цветке, который вырос на прозаической ниве... Я вдохнула аромат этого цветка и вдохнула полной грудью. И если бы ты зна- ла, какой это незнакомый нам (т. к. мы любуемся только издалека), но в то же время прекрасный аромат (назревающей революции... — И. Л.)... И я рада».

Работа в рядах ленинской партии, работа для революции, рабочего клас- са облагораживала революционера, делала его жизнь целенаправленной, чище, весомей. И эта работа требовала от него полной отдачи всех моральных и физи- ческих сил.

5. В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ

...Вьюжный январь 1905 года. В Кровавое воскресенье Людмила Воронова в составе большой группы рабочих Коломенской части и курсисток-лесгафтичек прорывалась сквозь казацкие и полицейские кордоны к Зимнему дворцу — выра- зить гнев и возмущение действиями царизма. В предвечерние часы она уча- ствовала в рукопашных схватках с полицией и казаками у Казанского собора, строила баррикады. Чудом удалось избежать пули, ареста, суда.

В феврале 1905 года из Петербурга Людмила писала матери в Ясочку: «Дорогая мамочка! Давно тебе не писала. Жизнь так быстро разворачива- ется... То, что мы могли представлять себе в воображении, основываясь на при- мерах Западной Европы, захватило и нас. Это великая историческая реаль- ность. Это революция. И тот близорук, кто до сих пор не верит или старается себя разуверить в этом. Мы — современники революции... Победит тот, кто до конца использует все стихийное недовольство пробуждающихся масс, кто будет постоянно политически руководить ими... Наша революция будет одною из самых победных революций в мире».

Эти строки написаны рукою мужественного и зрелого бойца. Эти строки сохранились на пожелтевшем листке тонкой бумаги. Листок, как и семь десяти- летий тому назад, бережно хранится в Ясочке.

Все трое Вороновых — Людмила, Вера и Юрий — в те дни жили в Петер- бурге, участвовали в январских событиях 1905 года. Они были захвачены раз- махом революции.

27 января 1905 г. Вера — матери, в Ясочку: «Все занятия, конечно, полетели к черту, теперь не до них. Все мысли о будущем нашей России, на- шего народа. Я за дни беспорядков (т. е. всеобщей политической стачки 7 — 18 января 1905 года в Петербурге. — И. Л.) все время наблюдала наш рабо- чий народ и вынесла чувство глубокой любви и уважения к нему — такой народ не может погибнуть, он завоеует себе лучшее будущее».

Сколько силы и веры в рабочий класс, его революционную роль, как вы- соко оценивается его организованность и дисциплинированность.

...Теплыми майскими днями 1905 года Людмила Воронова из шумного ре- волюционного Петербурга срочно выехала в Цебельду, в родную Ясочку. Вы- ехала по заданию Петербургского комитета РСДРП с транспортом революцион- ной литературы, который необходимо было перебросить в Тифлис. Она повезла с собой экземпляры «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса, сбор- ник статей Г. В. Плеханова «За двадцать лет», январские и первомайские ли- стовки ЦК и ПК РСДРП, другие издания. Вся эта литература ею была пере- правлена в Тифлис, отчасти в Кутаиси.

Из листовки «Первое мая» Центрального Комитета РСДРП (весна 1905 года):

«Мы сейчас вооружаемся чем можем и как можем для борьбы с царизмом, для вооруженного восстания. Товарищи рабочие! Пользуйтесь днем 1 Мая, чтобы нести в массы мысль об уничтожении постоянной армии и вооружении народа. Лозунги международного пролетариата — наши лозунги, а наша революция — вместе с тем революция международного пролетариата. Мы боремся с царизмом не только за свое освобождение русского народа, (но) и за освобождение рабочего класса всего мира... Гордитесь, российские пролетарии! Вы выполняете теперь задачу всемирного значения».

Из обращения «К офицерам», выпущенного в Петербурге в январе 1903 года: «Офицеры русского войска! Вдумайтесь в то, что произошло 9 января на улицах Петербурга... Спросите же вашу совесть: где ваше место — с безумцами, всегда готовыми пролить кровь, или с многострадальным народом. В вас живо чувство чести, прислушайтесь же к его голосу: где ваше место? С теми ли, кто боится даже принять петицию, или же со всею честной и самоотверженной Россией?».

Новые и новые свидетельства тесных революционных связей между Петербургом и Закавказьем, их большевистскими организациями, факты оказания помощи агитационной литературой дает нам вороновский архив.

Тогда же вслед за Л. Н. Вороновой в Грузию, в Тифлис, выехала группа петербургских большевиков — К. А. Александр, Л. А. Качаунова, а также группа «питерских пролетариев-боевиков «Аркадий», «Сергей», «Михаил»¹. Эта группа была направлена сюда не только с целью оказания помощи Тифлисскому большевистскому подполью, но и изучения опыта вооруженных действий тифлисских боевиков, гурийских красных сотен.

Людмила Воронова (Тамара) еще пребывала в Цебельде, когда ей 29 июня 1905 года «Аркадий» направил письмо из Тифлиса:

«...На пятый день нашего приезда здесь началась всеобщая забастовка. Работу прекратили все, включительно со служащими железных дорог. Газеты не выходили. Трамвай не работает, магазины закрыты; словом, город вымер. Особенно сильно подействовали пушечные в ход бомбы. Даже те немногие магазины, которые торговали под угрозой полиции, после первого взрыва сейчас же закрылись. За два дня было брошено в разных местах города 8—10 бомб. Жертв много с обеих сторон. С 27 числа объявлено военное положение. Забастовка началась 20 числа и продолжалась целую неделю. Настроение великодушное, и забастовка прекращается главным образом из тактических соображений. Надвигаются события более грандиозные».

Действительно, в Петербурге и Тифлисе, Грузии, Абхазии и России события надвигались грандиозные: революция стремительно шла на подъем. После кратковременного отдыха в Ясочке Людмила Воронова (Тамара) выехала в Тифлис.

Тамара быстро вошла в Тифлисское большевистское подполье. Перед ней и ее подругами Клавдией Александр, Лидией Качауновой (все трое хорошо знали грузинский язык) была поставлена ответственной задачей: проведение революционной агитации среди солдат и офицеров городского гарнизона. Эта работа требовала огромного риска и отваги. Только за появление в расположении воинской части с революционными прокламациями, не говоря уж о проведении противоправительственной пропаганды среди солдат, большевистскому агитатору угрожала смертная казнь. Поэтому Тамара и ее подружки были строжайше законспирированы. Постоянную связь с Тамарой от Тифлисского комитета РСДРП с конца августа 1905 года поддерживал ее знакомый по столичному кавказскому землячеству студент Петербургского университета Шалва Элиава, мужественный большевик-ленинец. Местом партийной явки для Тамары и Ш. З. Элиава служила маленькая грузинская харчевня под вывеской «Пургвино», находившаяся за вокзалом в рабочем пригороде Тифлиса. Здесь они встречались один-два раза в неделю. Тихим спокойным голосом Тамара сообщала факты о проделанной ее тройкой (Л. Воронова, К. Александр, Л. Качаунова) работе. Тут же получала от Шалвы Элиава установки на дальнейшую работу.

¹ Клички питерских рабочих-боевиков расшифровать пока не удалось.

Окончание следует

НЕДАВНО по приглашению президиума Академии наук Грузинской ССР у нас в Тбилиси побывал выдающийся ученый, большой организатор науки и общественный деятель А. И. Опарин.

Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Александр Иванович Опарин — выдающийся советский биохимик, создатель научно обоснованной теории возникновения жизни на Земле, первый президент Международного общества по изучению происхождения жизни, член многих зарубежных академий и обществ. Он является основоположником технической биохимии в СССР. Общеизвестны его исследования по действию ферментов в растениях.

Александр Иванович — большой друг грузинского народа. Трудно переоценить его заслуги в развитии растительной и технической биохимии в Грузии. Он очарован людьми нашей республики, ее природой, поэзией, искусством. Его встречи с представителями грузинской науки, литературы и искусства всегда носят деловой и подлинно творческий характер.

И на этот раз А. И. Опарин выступил в Академии наук Грузинской ССР с докладом о происхождении жизни на Земле, во многих институтах провел ряд очень важных бесед-консультаций. Его пребывание в Институте биохимии растений АН Грузинской ССР явилось событием в научной и духовной жизни нашего коллектива. Я предложил Александру Ивановичу ряд вопросов, и его ответы на них, думается, будут интересны и для читателей «Литературной Грузии».

Серги ДУРМИШИДZE

Гражданином быть обязан!

ДИАЛОГ:

АКАДЕМИК А. И. ОПАРИН

АКАДЕМИК С. В. ДУРМИШИДZE

— Что особенно важное было сделано за последние десять лет в развитии вашей теории о происхождении жизни на Земле?

— Вопрос о происхождении жизни является комплексной проблемой, которая может приближаться к своему разрешению только при участии ученых разных специальностей.

Очень важным событием в указанном отношении явилось установление того факта, что органические вещества в широком масштабе синтезируются в межзвездном пространстве, что они абиогенно образуются и сейчас и, следовательно, в прошлом образовывались не только до возникновения жизни, но даже до возникновения нашей планеты, и Земля их получила при са-

мом своем формировании из солнечной небулы.

Сейчас мы располагаем новыми данными о химической эволюции органических веществ на протяжении начального периода существования Земли не только на основании модельных опытов, воспроизводящих превращение углеродистых соединений в указанных условиях, но и геологических исследований древнейших пород. В особенности много ценного дали за последнее время модельные опыты по абиотическому синтезу полимеров-полиуклеотидов и белковоподобных веществ — протеиноидов.

Но наибольшее внимание исследователей в настоящее время привлекает вопрос о путях перехода от химической эволюции (на молекулярном уровне) к

эволюции биологической. Необходимым условием для этого было возникновение многомолекулярных фазовообособленных открытых систем, способных преодолевать нарастание энтропии (создавать порядок из беспорядка) и подвергаться естественному отбору, в результате действия которого возникала приспособленность строения отдельных частей (молекул, органоидов и т. д.) к выполняемым ими функциям и способность всего организма как целого сохраняться в данных условиях существования. Исследование таких открытых фазовообособленных систем и их эволюции осуществляется сейчас в модельных опытах, в частности, на примере коацерватных капель, которые способны в примитивной форме осуществлять обмен веществ, расти и подвергаться естественному отбору.

Очень заманчивой является задача сопоставления этих опытов с палеонтологическими данными по раннему докембрию (архею) — эпохи, когда, по видимому, и происходило формирование первичных живых существ.

о таких полимерах, как белки и нуклеиновые кислоты, действительно достигла за последнее время выдающихся результатов, которые сейчас являются необходимым фундаментом для познания нами сущности жизни.

Однако указанные блестящие успехи породили представление о том, что жизнь целиком может быть познана путем одного только изучения ее на молекулярном уровне, что будто бы для этого достаточно познания строения и поведения составляющих живое существо молекул.

Это, конечно, неверно. Изучение процесса возникновения жизни показывает, что не части определили собой организацию целого, а целое в своем развитии создало на основании естественного отбора «целесообразность» строения частей.

Для познания жизненного процесса и на этой основе умения сознательно управлять им (а к этому и должна стремиться биохимия и физиология растений) недостаточно, например, знания строения и свойств изолированно-

На снимке: А. И. Опарин (слева) и С. В. Дурмишидзе.

— Какова дальнейшая перспектива развития биохимии растений? После такого бурного развития молекулярной биологии какие фундаментальные проблемы должны быть решены биохимией растений?

— Так называемая «молекулярная биология», т. е. наука о биологически значимых соединениях, в особенности

го фермента, а важно понимание его действия в целостных структурах-мембранах и органоидах клетки. В этом я вижу перспективы развития биохимии растений на ближайшее будущее.

— Молодые ученые попросили меня задать вам вопрос: какие качества молодого человека, в основном определяют достижение научных целей?

— Это прежде всего непреодолимая жажда знаний, стремление наиболее полно познать окружающий нас мир и то место, которое в нем занимает человек на нашей маленькой Земле или в большой Вселенной. Это стремление свойственно любому человеку, но оно в особенности должно быть сильно развито у ученого.

Во-вторых, непоколебимая преданность истине. Всякое уклонение от истины, всякая ложь, какими бы поводами и причинами они ни вызывались, должны быть глубоко чуждыми человеку науки.

Наконец, в-третьих, стремление своим трудом, своим талантом и знаниями всегда служить людям и своему народу и с этой точки зрения — высокий патриотизм. Несколько перефразируя слова поэта, я бы сказал: ученым можешь ты не быть, но патриотом быть обязан.

— Какие качества вы больше всего цените в человеке?

— Ум, честность и доброжелательное отношение к людям.

— В чем заключается поэзия науки?

— Наука — это в основном область ума, поэзия, как и всякое искусство, — это область чувства.

Ученый передает людям достигнутые им результаты путем логических построений, художник — стремится к непосредственному эмоциональному воз-

действию на своих слушателей или зрителей.

Однако широкие научные обобщения могут вызывать не только их глубокое понимание, но и высокое эмоциональное чувство — восторг. В этом и заключается поэзия науки.

— Чем вы сравнительно недовольны в своей жизни, несмотря на ваши мировые успехи?

— Я особенно недоволен возникшей у меня за последнее время потерей слуха. Это основательно портит мне жизнь. Прежде всего глухота затрудняет мне непосредственное общение с людьми, что является очень большой ценностью в жизни. Она мешает мне и в моей научной работе, в частности, при моем участии в научных конференциях и собраниях. Но в особенности меня огорчает значительная утрата мною полноценного восприятия музыки, в частности симфонических произведений, которые раньше были для меня источником высокого наслаждения. Кроме того, я почти лишен возможности слушать драму; в кино я воспринимаю только зрительный ряд и далеко не всегда могу уловить развитие сюжета.

Доступным источником художественного наслаждения сейчас для меня являются только изобразительное искусство и литература.

Моей большой радостью является то, что я сохранил способность глубоко чувствовать природу и полноценно наслаждаться ею.

Теорий
ЦИЦИШВИЛИ

НЕ КАЖДЫЙ писатель, да-
же крупный и талантливый,
современен в полном смысле этого слова. Быть полностью созвучным своему времени, своей эпохе, выражать их дух и тенденции, идеалы и заботы, быть художественным летописцем своего народа дано не многим. Это тоже своеобразный дар и дар редкий, особый. Он присущ лишь тем, кто, обладая могучим талантом, неразрывно связан со своим народом, жи-

вет его помыслами и устремлениями, кто главной темой своего творчества сделал живую действительность и шагает в ногу со своим народом, умно и прозорливо отражая его жизнь и деяния.

К сожалению, писателей, для которых современность по своей сущности является основной те-

мой творчества, не так уж много. Значительно больше тех, которые либо в прошлом ищут подтверждение своим воззрениям, либо в погоне за každодневностью не способны по-настоящему проникнуть в глубины жизни и познать ее.

Выдающийся русский писатель Константин Михайлович Симонов, один из столпов советской литературы, талантливейший художник современности, — в первую очередь именно вдохновенный и мудрый летописец нашей эпохи, постигший душу советского народа, судьбам которого посвящены его талантливые книги. И вообще все его творчество отмечено стремлением к достойному отображению героической темы народного подвига, ставшего лейтмотивом всего им созданного.

К. Симонов — один из создателей новой художественной традиции в изображении величайшего события в истории человечества — Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Эта славная традиция ныне прослеживается во всех литературах народов СССР.

Творческий облик его поразительно многогранен. Не часто встретишь писателя, который бы столь успешно работал во всех основных жанрах художественной литературы — в поэзии, прозе, драматургии, а также в критике, публицистике, кино. Причем К. Симонов не просто «работает», не просто пишет

Выдающийся писатель,
большой друг
грузинской литературы

31106920
3000000000

произведения подобного рода, он создает чудесные образцы во всех этих жанрах, справедливо снискав себе имя одного из лучших среди современных поэтов, беллетристов, драматургов.

Задуманная, волнующая, преисполненная человечности, тепла, веры и стойкости симоновская лирика военных лет — в ряду лучших образцов действительной, бодрящей, целенаправленной советской лирики. Широко известный послевоенный цикл его стихов «Друзья и враги» — прекрасный образец интернациональной поэзии большого идейного звучания, высокого политического накала, коммунистической страстности. Поэзия К. Симонова, как его интимная, так и политическая лирика, отмечена неповторимым «ароматом», красотой, непосредственностью. Это открытие современного советского человека, душевно богатого и стойкого.

Замечательное явление в развитии советской беллетристики и симоновская проза. Это талантливое отображение ярко выраженного исторического периода, чудесный образец широкопанорамного, монументального творчества, отличающегося особой масштабностью, правдивостью, впечатляющей силой. Трилогия «Живые и мертвые», удостоенная высшей награды Родины — Ленинской премии, воистину создание эпохального значения. Широкое видение мира, умение проследить важнейшие события, интерес к историческим перипетиям несколько не затушевывают живых и полнокровных человеческих характеров, не стирают художественных деталей, не превращают художественное полотно в историко-хроникальное повествование. Писатель счастливо избегает очерковости, столь присущей прозе времен Отечественной войны. На протяжении всей трилогии, так же как и в других произведениях на военную тему, К. Симонов остается истинным художником, лишь в самой необходимой мере давая волю интересам публициста, историка, философа.

Лучшие симоновские пьесы, такие как «Русские люди» и «Русский вопрос», обогатили советскую драматургическую классику, стали стимулом для развития реалистического советского театрального искусства, помогли утвердить на русской сцене и сценах братских народов героические образы наших современников, показать силу, красоту, мощь советского патриотизма — одной из движущих сил развития социалистического общества.

Творческие интересы К. Симонова не ограничиваются лишь рамками художественной литературы. Его талант и разносторонность устремлений проявляется и в других формах общественного мышления. Страстная симоновская публицистика давно завоевала широчайшую известность. Его статьи, посвященные злободневным вопросам жизни, всегда отличаются отточенностью мысли, четкостью поставленных проблем, правильностью решения, боевитостью, страстностью. Они увлекают, убеждают, волнуют.

То же можно сказать об очерках и журналистских репортажах К. Симонова, всегда наполненных жизненной правдой, душевным волнением, знанием действительности. А ведь очерк и художественная публицистика — жанры, находящиеся на самом переднем крае современной жизни. Они, как саперы на фронте, прокладывают путь к художественному познанию сегодняшнего дня. Для этого требуется особая «сноровка», оперативность, умение чувствовать пульс жизни — качества, столь присущие этой яркой творческой индивидуальности.

А литературно-критические статьи и многочисленные эссе К. Симонова, отличающиеся глубоким знанием вопроса, исключительной осведомленностью, чуткой и всесторонней предусмотрительностью, внутренним тактом!

Поразительное симоновское чутье проявилось еще в самом начале его творческого пути, задолго до Великой Отечественной войны и особенно в ходе ее — он всегда там, где делается история, где решается вопрос вопросов. Это результат его неугасающей любознательности, умения вовремя распознать то, что волнует современников. Талант быть везде, попевать за событиями, быть «улавливателем момента» в соединении с кровной заинтересованностью всем окружающим и обуславливают своеобразие личности и творчества К. Симонова — он не сторонний наблюдатель, а активный соучастник, создатель сегодняшнего и смелый разведчик завтрашнего.

Поэтому все, о чем он пишет, покоится на прочной основе. Все это лично им увидено, пережито, прочувствованно. И потому так волнует, притягивает, увлекает.

Время все больше обогащает творческую палитру писателя, нацеливает его на новые задачи, делает подвластными ему новые области и жанровые формы. Так, например, появившиеся сравнительно недавно дневниковые записи К. Симонова обогащают нашу литературу о войне, дают возможность заглянуть вглубь, почерпнуть сведения из «первоисточников», из личных наблюдений очевидца, соучастника этих событий. Это не затейливые мемуары с неизбежным выпячиванием своей персоны, а живой голос минувших дней — самой истории.

Стремление, толкнувшее К. Симонова к публикации дневниковых записей военных лет, привело его и к кино. Работа Константина Михайловича в кинематографе, его глубокоосмысленный подход к кинопублицистике не только крайне интересен, но и плодотворен и потому требует распространения, ибо в этом ощущается знамение времени. Этот поиск все еще длится, автор стремится как можно лучше, ярче, полнее показать «дух времени», героическую эпопею Великой Отечественной войны.

Но, несмотря на жанровое многообразие, все произведения К. Симонова, без исключения, являются гимном советскому народу, человеку-борцу, человеку-творцу, дерзновенному хозяину жизни. Писатель старается показать во всей красе его человеческую сущность, раскрыть внутреннюю суть гражданина новой формации, человека-новатора, показать новый советский характер — самое большое достижение и самое большое приобретение нашей эпохи.

Большинство произведений К. Симонова написано по горячим следам событий; его творчество — художественная летопись живой истории. Он не дожидается, пока явления полностью отстоятся и получат окончательные очертания. Его богатая интуиция, умение с первого же взгляда распознать суть явления и перспективы его развития помогают писателю идти в ногу со стремительно мчащейся действительностью и мгновенно откликаться на исторические явления. Но это не поверхностный абрис событий, не схематичное повествование, а глубокое художественное отражение реальной жизни, летопись живой истории в образах, непосредственный, взволнованно-эмоциональный рассказ; это живописание словом, то, что мы называем настоящим искусством.

Именно в богатстве сочетаний, в синтезе творческих качеств одна из тайн многогранности и творческой созидательности К. Симонова: в нем мыслитель прекрасно уживается с художником; именно это свойство дает ему возможность избежать сухости историзма, умозрительности, излишней философичности, показной интеллектуальности. Поэтому эпик-Симонов не мешает Симонову-лирику, что делает его произведения более проникновенными, тонкими, поэтичными, отнюдь не препятствуя эпической полноте, широте охвата, глубине восприятия.

Стремление к широкой панораме, обобщенности характеров и событий не противоречит умело найденным деталям. Ведь реалистически поданная художественная деталь — тот основной строительный материал, из которого построено здание, именуемое художественным произведением. К. Симонов мастер не только возводить большие, крепкие, красивые здания, но и населять их живыми, интересными людьми, привлекательные образы которых как бы превосхищают проблематику нашей неуемной и скоротечной жизни.

Творчество К. Симонова знаменательно и в другом отношении: он сугубо партийный художник, смотрящий на все явления заинтересованным взглядом писателя-коммуниста, верного сына социалистического Отечества. Но от этого его творчество не становится узко-классовым, не приобретает поверхностно-агитационного налета, как об этом надрывно кричат антисоветчики разных мастей, изо всех сил старающиеся доказать, что партийность гибельно действует на художественное творчество, обрекая писателя на бесплодие. Жизненно правдивые, художественно цельные, тематически разнообразные и идейно целеустремленные произведения К. Симонова, как и многих выдающихся представителей советской литературы, красноречиво опровергают злопыхательские утверждения буржуазных теоретиков литературы.

Произведения К. Симонова по-настоящему народны, и не только потому, что, отражая жизнь народа, показывают ее с пользой для него, но и потому, что в них умело использован богатейший опыт великой русской классической литературы, особенно ее прогрессивные и демократические тенденции, которые развиты и возведены в новое качество соответственно требованиям самого передового и современного творческого метода — метода социалистического реализма.

К. Симонов сделал очень многое для художественного роста литературы социалистического реализма. Его опыт обогащает эту литературу вширь и вглубь. Сегодня он один из выдающихся представителей этой литературы, твердо и неуклонно завоевывающей весь прогрессивный мир. В наращивание ответственности и мощи этой литературы К. Симонов внес большой и очень ощутимый вклад.

Говоря о К. Симонове, нельзя не отметить его завидную внутреннюю монолитность; это удивительно цельный характер. Его творчество развернулось в исключительно штормовое время. Кто может счесть, сколько бурь и ураганов перенесли с начала тридцатых годов по сегодняшний день Страна Советов, советский народ. И все это время К. Симонов стойко и непреклонно стоял на передовых идеологических и художественных позициях советской литературы. Он никогда не поддавался временным заблуждениям, поверхностным течениям, модным соблазнам, переменчивым настроениям. Никогда не уступал низкому

вкусу и сомнительным тенденциям. Его творчество всегда развивалось в направлении главного удара советской литературы. Он исключительно стоек в своих воззрениях, убеждениях, симпатиях. Его честность, правдивость не может не вызвать чувства истинного уважения.

Творческая личность К. Симонова не только монолитна, но и удивительно гармонична. Часто у писателей, даже очень одаренных, много противоречивого, труднообъяснимого, даже странного. Иногда талант писателя не соответствует его трудоспособности, истинная значимость — представлению о себе, позиция — привлекаемому материалу, объективные выводы — идейной задаче, художественное решение — содержательности, стиль — жанровой форме и т. д. У К. Симонова же нет внутренних расхождений ни в творчестве, ни в жизненной деятельности. Уравновешенность, эпическое спокойствие, рассудительность, степенность удивительно хорошо сочетаются в нем со страстностью, взволнованностью, творческим горением. Это результат крепости силы воли, самообладания, выдержки, той дисциплинированности в мышлении и поведении, которые несколько не сковывают его творческую смелость, жажду поиска, страстность порыва. В натуре К. Симонова талант художника хорошо сочетается с талантом организатора литературного дела. Всем нам хорошо памятна его работа на посту главного редактора самых крупных и авторитетных органов печати Союза писателей СССР — «Литературной газеты» (1938 и 1950—1954) и журнала «Новый мир» (1946—1950 и 1954—1958), когда на их страницах было опубликовано немало значительных произведений и умных статей. Не одно десятилетие входит он в руководство СП СССР, являясь секретарем правления всесоюзной организации писателей.

К. Симонов обладает колоссальной работоспособностью, неиссякаемой энергией, поразительным усердием. Когда окидываешь взглядом его напряженную жизнь, столь честно и благородно прожитую, удивляешься его плодовитости, результативности, умению отдавать всего себя высокому долгу служения Родине.

Грузинским писателям особенно ценна большая работа, которую проводит Константин Михайлович на посту председателя комиссии по грузинской литературе при правлении Союза писателей СССР. Здесь еще раз проявился его широкий интернационализм, его умение сплотить людей в работе, нацелить их на полезные деяния.

Вот уже сорок с лишним лет Константин Симонов трудится на литературном поприще, из них более тридцати — в первых рядах советских писателей как один из выдающихся представителей советской литературы. Нет сомнения, что еще долгие годы будет он укреплять и обогащать самую передовую литературу мира, литературу, несущую радость познания, верность великим идеям, литературу равенства и братства народов, литературу мира и прогресса.

Все богатство литературы — нашему читателю

РАССКАЗЫВАЕТ ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ИЗДАТЕЛЬСТВА «САБЧОТА САКАРТВЕЛО»
АЛИО АДАМИА

«САБЧОТА САКАРТВЕЛО» — единственное универсальное, многоплановое издательство в нашей республике, выпускающее историко-партийную, массово-политическую, социально-экономическую, грузинскую художественную, переводную, промышленно-техническую, сельскохозяйственную, медицинскую, спортивную, краеведческую, приключенческую литературу.

Так как вас интересует работа редакции грузинской художественной литературы, которая по своему объему и общему тиражу является самой большой в издательстве, я расскажу подробнее о ней.

За прошедший, 1975 год читатель получил уникальное издание гениальной поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», напечатанное в Германской Демократической Республике в г. Эрфурте на грузинском и русском языках. Великолепные иллюстрации венгерского художника Михая Зичи, художественное оформление, с большим вкусом осуществленное главным художником издательства Д. Дондуа, и высокое качество полиграфического исполнения, без сомнения, порадовали любителей литературы.

Следует отметить также выход в свет подарочного издания двухтомника Ильи Чавчавадзе, в котором собраны избранные стихи, поэмы, рассказы и письма выдающегося грузинского писателя.

Продолжая традицию выпуска подписных изданий, редакция подготовила первый том шеститомника собрания сочинений Левана Готуа, куда вошла первая книга его романа «Удел героев».

К 30-летию Победы над фашистской Германией было приурочено издание сборника рассказов Георгия Цидишвили «Любовь во времена кровавых дождей». Осуществлен также выход в свет целого ряда интересных книг на современную тему. Среди них можно назвать два сборника рассказов — Арчила Сулакаури, вышедший повторным изданием, и Ладо Мрелашвили, в котором ставятся вопросы воспитания молодежи в духе высокой морали, роман Тины Донджашили «На Алазани», посвященный жизни села, изменениям, происшедшим в колхозной жизни за последние годы.

Современности, ее образному отображению посвящены поэтические сборники Михаила Квливидзе, Мурмана Лебанидзе, Ладо Сулаберидзе, Тариела Чантуриа.

В текущем году в серии «Подарочные издания» выйдет «Избранное» (в двух томах) А. Церетели, а также «Избранное» Анны Калададзе, куда войдут стихи, пользующиеся неизменным признанием читателя. В серии «Библиотека всемирной литературы» готовится сборник «Грузинские романтики».

Литературное наследие наших выдающихся предшественников будет представлено четырехтомным изданием произведения И. Батонишвили «Калмасоба». В ближайшем будущем выйдет первый том. Это произведение энциклопедического характера, в котором даны необходимые справки из многих областей науки: философии, юриспруденции, мифологии, языкознания, поэтики, архитектуры, медицины и др., описаны природа, быт и нравы различных уголков Грузии.

Современную тему отражают поэтические сборники Карло Каладзе, Реваза Маргиани, Фридоны Халваши, Хута Берулава, Джансуга Чарквиани. Проза будет представлена романами — Реваза Джапаридзе «Вдова солдата», отображающим быт грузинской деревни в военный период, Вано Хрджимелашвили «Преображение», Отна Поселиани «Черная и голубая река», сборниками рассказов Акакия Гецадзе и Гурама Дочанашвили, героями которых являются наши современники, книгой Михаила Квеселова о жизни великого грузинского поэта Галактиона Табидзе «Интегралы поэзии», сборником документальных рассказов, этюдов, эскизов о современности и современниках Владимира Алпенидзе «Солнце в созвездии Льва».

Планом редакции предусмотрено также издание нового романа Отара Чидладзе «И всякий, кто встретится со мною...», знакомящего читателя с историей одной семьи, развертывающейся на протяжении почти одного века.

В связи с 80-летием Демны Шенгелая идет работа над сборником, в который вошли роман «Бата Кекия» и избранные рассказы писателя.

Наряду с лучшими образцами мировой художественной литературы мы знакомим грузинского читателя с произведениями русских писателей, а также писателей других братских республик Советского Союза.

Сегодня наш читатель имеет возможность ознакомиться на родном языке почти со всеми значительными творениями русской и советской классической литературы. Переведены и изданы на грузинском языке произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, М. Горького, В. В. Маяковского, А. А. Блока, С. А. Есенина, М. А. Шолохова.

Планом 1976 года предусмотрено издание романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание», рассказов И. Бунина, произведений К. Федина и К. Паустовского, рассказа классика украинской литературы М. Коцюбинского «Тени забытых предков», автобиографической повести таджикского писателя Садриддина Аини «Моя жизнь», романа азербайджанского прозаика Исаяла Шихли «Буйная Кура», однотомника поэтических произведений абхазского писателя Ивана Тарба и др. Читатель получит также сборники стихов белорусских и литовских советских поэтов из серии «Поэзия братских республик».

Выйдут очередные тома «Библиотеки всемирной литературы»: трагедии В. Шекспира в двух томах в переводе И. Мачабели, избранное П. Мериме, «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера, сборник классической персидской поэзии, карело-финский эпос «Калевала».

Читатель получит II том двухтомника «Французская новелла», романы О. Бальзака «Блеск и нищета куртизанок», Ш. Бронте «Джен Эйр», современного французского писателя М. Дрюона «Железный король», «Три романа» Э. Хемингуэя.

Литературная критика в текущем году в нашем издательстве будет представлена следующими именами — Г. Асатиани, Г. Гвердцители, К. Имедашвили, С. Мишвеладзе, А. Каландадзе, Т. Кванчилашвили, С. Сигуа, Н. Чхеидзе и другими. В труде Гурама Асатиани «Поэзия и поэты», например, рассмотрены проблемы, стоящие перед грузинской поэзией за последние 10 лет. Книга Гурама Гвердцители касается проблем современной грузинской прозы. В работе Кобы Имедашвили «Проблема личности в современной грузинской литературе» дан анализ произведений писателей как молодых, так и старшего поколения. Реваз Мишвеладзе в своем исследовании «Грузинские писатели и современность» подвергает критическому анализу литературную продукцию последних лет.

Интересны, современны по поднятым в них вопросам книги Александра Каландадзе «Критика вкуса», Тенгиза Кванчилашвили «Литература и жизнь», С. Сигуа «Эпоха и проблема стиля». Известная переводчица Ната Чхеидзе на этот раз выступит со сборником критических статей.

К 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции планируется сборник «Знамена выше», куда войдут стихи выдающихся поэтов Грузии, посвященные революции.

Беседу записала Л. СВАНИДЗЕ.

Сдано в производство 30 января 1976 г. Подписано к печати 10 марта 1976 г.
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 80×108¹/₁₆.

Зак. № 0398

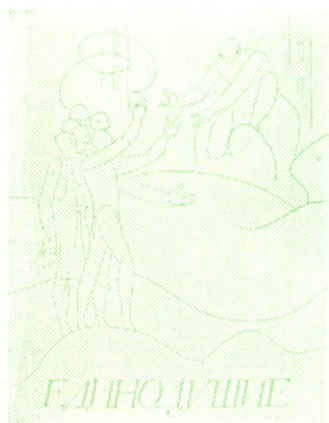
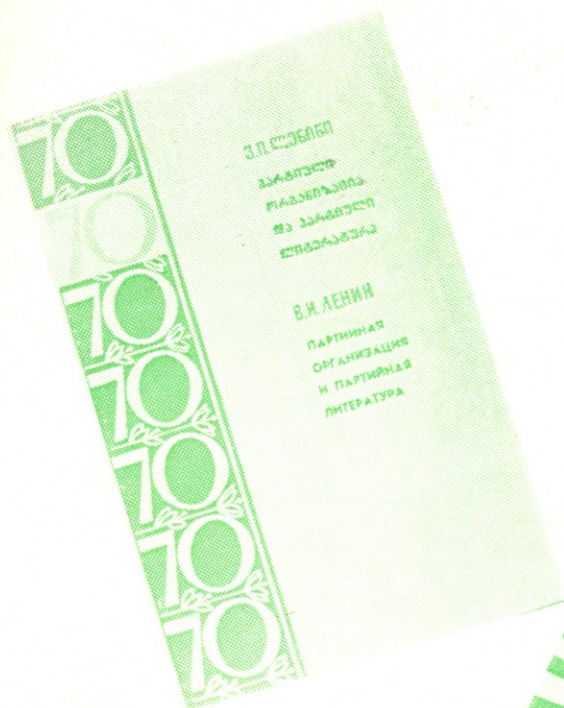
Тираж. 5.100

УЭ 05657

Книги к XXV съезду КПСС

საბჭოთა
განათლებლის

В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи», во второй — выступление Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XVII съезде ВЛКСМ.

Издательство «Мерани» выпустило книгу М. Давиташвили «Леселидзе», воскресившую славные страницы жизни и полководческой деятельности выдающегося советского военачальника Героя Советского Союза Константина Леселидзе.

«Единодушие» — так называется сборник стихов поэтов Грузии в русском переводе, подготовленный к форуму ленинской партии. В нем представлены произведения 60 авторов.

«Время и люди» — так называется книга, выпущенная издательством «Накадули». В нее вошли очерки молодых грузинских писателей о героях девятой пятилетки.

В КАНУН XXV съезда КПСС издательства Грузии подготовили и выпустили в свет ряд книг на русском и грузинском языках.

Издательство «Хеловнеба» выпустило в свет две книги из серии «Слово о коммунизме». В первой опубликована историческая речь

26-1976

76-209

ბიბლიოთეკის
ნიშნობის

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა.